

Лидов,

Библиотека
историка

С.М. Каштанов

РУССКАЯ
ДИПЛОМАТИКА

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«История»

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1988

ББК 63.3(2)
К31

Рецензенты:
кафедра вспомогательных исторических дисциплин Московско-
го государственного историко-архивного института (зав. ка-
федрой — проф. *Е. И. Каменцева*); кафедра истории СССР
досоветского периода Казанского государственного универси-
тета им. В. И. Ульянова-Ленина (зав. кафедрой — проф.
М. А. Усманов)

Каштанов С. М.
К31 Русская дипломатика: Учеб. пособие для вузов
по спец. «История». — М.: Высш. шк., 1988. — 231 с.

В пособии рассматриваются происхождение, формулы и содержа-
ние документальных материалов. Показаны специфика развития дипло-
матики в России по сравнению с западноевропейской, распространение
различных разновидностей актов в X—XX вв. в зависимости от со-
циально-политических условий их возникновения. Дается методика ра-
боты с актовым материалом, и раскрываются возможности диплома-
тики как вспомогательной исторической дисциплины.

К 0503000000(4309000000)—102 4—88
001(01)—88

ББК 63.3(2)
9(С)

© Издательство «Высшая школа», 1988

ВВЕДЕНИЕ

1. «Дипломатика» и «дипломы»

Дипломатика — это научная дисциплина, изучающая происхождение, форму и содержание, функционирование, историю воспроизведения текста и архивную судьбу документов правового характера, причем в большей мере таких, где указаны автор и адресат или контрагенты (участники сделки, договора), часто же не только адресат, но и фактический контрагент, не тождественный адресату. В поздней латыни слово *diplomatica* означало: относящаяся к дипломам. Название дисциплины не дал труд ученого французского монаха Жана Мабильона (в латинско-русской традиции; по-французски — Мабийон) «Шесть книг о вещи дипломатической (или «относящейся к дипломам»)»: «*De re diplomatica libri sex*» (1681). Прилагательное *diplomatica* субстантивировалось и превратилось в самостоятельное понятие — существительное женского рода *diplomatica* — дипломатика. Свою латинскую форму это слово полностью сохранило в итальянском, испанском, португальском языках. В некоторых других языках видоизменилось лишь его окончание: *diplomatie* (фр.), *diplomatics* (англ.), *diplomatică* (рум.). В немецком языке для обозначения дипломатики употребляются термины *Urkundenlehre* (учение о грамотах), *Urkundenforschung* (исследование грамот) и *Diplomatik*. Последний термин вследствие его общеевропейского характера сейчас более принят в немецкой научной литературе. Аналогичная терминологическая двойственность наблюдается в венгерском языке, где наряду с общеевропейским *diplomatika* употребляется специфическое *oklevéltan* (учение о дипломах). В славянских языках распространены формы, воспроизводящие латинское звучание термина (как, например, русское «дипломатика») или очень близкие к нему.

Вырастая из практической необходимости различения подлинных и подложных грамот, дипломатика в период средневековья и в начале нового времени уделяла основное внимание королевским и императорским грамотам, закреплявшим за феодалами (преимущественно духовными) земли и иммунитет. Объектом изучения в дипломатике стали не только документы, исходящие от лица носителей светской власти, но и грамоты папской канцелярии. В XIX—XX вв. получила развитие также дипломатика частных актов.

В греческом языке слово «диплом» (от «диплоо» — удваиваю) использовалось для определения документов уже в I—II вв. н. э. [например, Плутархом (40—120 гг. н. э.)]. Вероятно, это словоупотребление связано с влиянием латыни, где термин *diploma* (мн. ч. *diplomata*) укоренился в I в. до н. э. и означал не что иное, как разного рода документы. Цицерон (106—43 гг. до н. э.) называет дипломом 1) официальное рекомендательное письмо, дававшееся тем, кто отправлялся в провинцию с поручением от центральной власти; 2) грамоту о помиловании. Сенека (55 г. до н. э.—39 г. н. э.), Тацит (ок. 55—120 гг. н. э.) и Плиний Младший (62—113 гг. н. э.) понимают под дипломом подорожную грамоту, Сенека и Светоний (ок. 75—160 гг. н. э.) — также и охранную. У Светония *diploma* — это еще и грамота о принятии в римское гражданство. Позднее Макробий (IV—V вв.) называл дипломами и письма, записки.

Единственная разновидность римских дипломов, образцы которых сохранились до наших дней, — это так называемые военные дипломы. Они предоставляли права римского гражданства (*civitas*) и законного брака (*coniubium*) военным за выслугу лет. Их, вероятно, и имеет в виду Светоний, говоря о дипломах, дарующих римское гражданство. Военные дипломы состояли из двух бронзовых пластинок, соединенных обычно проволокой и складывавшихся в виде диптиха. Отсюда их название — *diploma*, т. е. «сложенное вдвое».

Военные дипломы известны за период с 52 по 301—305 гг. К 1880 г. их было обнаружено и опубликовано 70, в конце XIX в. это число увеличилось до 81, в 1955 г. — до 189¹. В последующее время находки военных дипломов продолжались. Военные дипломы изучались в связи с историей вспомогательных частей рим-

ского войска, ибо они выдавались солдатам и ветеранам именно этих подразделений и морякам флота. Те и другие набирались из числа народов, которые населяли римские провинции и первоначально не имели прав римского гражданства. Солдаты и ветераны вспомогательных войск и флота получали эти права в награду за многолетнюю безупречную службу.

Дипломы касались отдельных военных (реже двух) и их семей, но писались на основании императорской привилегии, даваемой целой группе солдат, либо оставшихся на службе, либо уволенных в почетную отставку (*dimissi honesta missione*) из определенных войсковых единиц. Последние перечислялись как в общей привилегии, так и в отдельном дипломе конкретному лицу. Общая привилегия оформлялась в виде закона (*lex data*), высеченного на бронзовой доске (*tabula aenea*). Она устанавливалась для публичного обозрения в том или ином месте римского Капитолия: сначала довольно часто — у алтаря рода Юлиев, но с 93 г. — всегда в стене за храмом Минервы. Текст диплома в основном повторял текст закона, но в конце его указывалось имя данного конкретного ветерана.

Текст диплома начинался с указания титула императора и всех его магистратур. Поэтому с «дипломами» позднее стали ассоциироваться прежде всего торжественные акты, выдававшиеся от имени императоров и королей. Текст размещался на внутренней и внешней сторонах соединенных бронзовых пластинок, причем текст внешней и внутренней сторон были идентичны. Дипломы скреплялись печатями семи свидетелей. Печати прикреплялись с помощью проволоки, продеваемой через специальные отверстия в пластинах. При подавляющем большинстве дипломов печати не сохранились.

Римские дипломы от деловых документов отличается материал для письма (бронза). Многие деловые документы в Риме — квитанции, счета, торговые сделки, арендные договоры и т. п. — писались на папирусе или деревянных, покрытых воском табличках. Обычно две или более деревянных табличек соединялись между собой с помощью шнура или ремешка, продетого сквозь 2—3 дырки, просверленные с одного из краев таблички. При этом восковые стороны табличек оказывались внутри такого диптиха, триптиха или полиптиха.

Диптихи, триптихи и полиптихи отличались от дипломов также своим правовым характером. Если дипломы

¹ См.: *Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini, 1873. Vol. 3. Pars 2. P. 843—901; 1936. Vol. 16; 1955, Vol. 16. Supplementum.

были, как правило, публично-правовыми документами (исходившими от органов власти), то восковые писчие таблички имели частноправовое происхождение. Этим, в сущности, и объясняется разница применявшегося в двух данных группах источников писчего материала. Восковые таблички предназначались для многократного использования. Потерявшие практическое значение записи могли быть легко стерты и заменены новыми. Изменить текст на металлических дипломах было труднее. Вероятно, такой способ фиксации правительственных постановлений и распоряжений рассматривался как предохраняющий официальные документы от подделок и сообщающий им торжественность и длительное сохранение юридической силы.

В раннесредневековых документах, которые наука нового времени относит к разряду «дипломов», определение *diploma* обычно отсутствует. Это и понятно. Форма бронзовых табличек ушла в прошлое. Грамоты носителей верховной власти во вновь образовавшихся европейских «варварских» государствах писались на папирусе, пергамене и представляли собой открытый лист, а не закрывающийся диптих. Лишь позднее (в XIII—XIV вв.) возникли так называемые закрытые письма, но они и по материалу, и по форме мало напоминали римские дипломы.

К числу «дипломов» меровингских королей научная дипломатика относит две категории документов: прецепты, или распоряжения (*praescripta*), и судебные решения, или приговоры (*placita*). Среди прецептов значительен удельный вес актов пожалования иммунитета. Наиболее древний прецепт, сохранившийся в оригинале, — Хлотаря II — датируется 625 годом, однако предполагают, что иммунитетные прецепты могли выдаваться Меровингами уже в VI в. В оригинале дошло только 38 дипломов королей Меровингской династии. Последний из этих документов — прецепт Хильперика II — 717 г. 13 старейших оригиналов (625—659 гг.) написаны на листах папируса. Использование папируса было продолжением письменных традиций Римской империи. Начиная с прецепта Теодориха III 677 г. идет серия оригиналов на пергамене. Грамоты королей и императоров следующей династии — Каролингов — составлялись также на пергамене. Для изготовления дипломов пергамен оставался основным писчим материалом в течение многих веков, даже в период широкого распространения бумаги (с XIV в.).

Если термины типа *praescriptum*, *placitum* содержатся в самих документах и часто выступают как их самоназвания, то определения *diploma*, *diplomatium* в средневековых грамотах встречаются редко.

Термин *diploma* получил широкое применение в трудах ученых эпохи Возрождения, которые, занимаясь изучением греко-римских древностей, перенесли название римских «дипломов» на сходные с ними по происхождению от высшей власти средневековые документы. Французский гуманист Гийом Бюде (1467—1540) понимал под «дипломами» публично-правовые документы в широком смысле слова.

Содержание римских «дипломов» как официальных документов обусловило специфику применения этого термина в науке и практике позднего средневековья, нового и новейшего времени. В науке римское влияние выразилось в том, что «дипломами» стали называться те категории королевских и императорских грамот, которые имели торжественную форму и фиксировали определенные привилегии или преимущества частных лиц — физических или юридических. По мнению бельгийского историка П. Бонафана, «дипломами» могли называться акты королевской власти, предоставляющие привилегии, связанные с беспрошленным проездом, иммунитетом и т. д., а также распорядительно-управленческие грамоты церкви и грамоты, в которых епископ давал свое согласие на провозглашаемое папой отлучение какого-либо лица от церкви².

В новое время название «дипломов» получили официальные документы, закрепляющие в торжественной форме предоставление частному лицу определенного звания или титула. Слово «диплом» перестало быть исключительно латинским термином. Оно вошло в национальные европейские языки, пополнив их словарный запас. В XVII в. французское новообразование *diplôme* обозначало грамоту (*charte*), хотя современная французская дипломатика отличает «грамоту» в узком смысле слова от «диплома». Президент Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье указывает следующие отличительные особенности капетингских королевских «дипломов»: 1) наличие начальной инвокации (призывание священного имени) во имя неразделимой Троицы; 2) присутствие монограммы королевского име-

² См.: *Bonenfant P. Cours de diplomatique. 2-e éd. Liège, 1947. P. 2.*

ни, помещаемой в середине канцелярской формулы: «Data vacante cancellaria» или «Data per manus...»; 3) слово «Actum» перед датой, к которой присоединяется список главных должностных лиц королевства. Начальная инвокация и упоминание канцелярии писались в дипломах удлинненными или утолщенными буквами. Дипломы перестают выдаваться во Франции в начале XIV в. «Грамоты» отличаются от дипломов отсутствием начальной инвокации, монограммы и списка главных должностных лиц. Этого нет и в других разновидностях королевских актов. Все они начинаются с интитуляции, т. е. с имени и титула лица, от которого исходит документ.

Однако эти критерии различия «дипломов» и «грамот» нельзя признать универсальными. Так, мервингские дипломы не имеют словесной инвокации, хотя в хорошо сохранившихся оригиналах можно наблюдать символическую инвокацию — хризмон (соединение X и P) или изображение креста. Словесная инвокация появляется только в каролингских дипломах. После коронации Карла Великого императорской короной (25 декабря 800 г.) инвокация присутствует в дипломах обязательно.

И в новое время торжественные документы типа дипломов роскошно оформлялись и часто по традиции писались на пергамене³. В XVIII в. термин *diplôme* использовался для обозначения грамот, предоставлявших те или иные почетные звания и титулы. Дипломами во многих европейских странах стали называться также документы, которые выдавались высшими учебными заведениями и закрепляли ученые звания и степени — бакалавра, лиценциата, доктора, позднее инженера и т. д. Со второй половины XIX в. во французском языке приобретает права гражданства слово *diplômé*, «дипломированный», производное от *diplôme* (ср. *Diplomingenieur* в немецком).

Как перевод латинского *diplomaticus* во французском языке уже в XVIII в. образовалось прилагательное *diplomatique*. Оно имело значения: 1) относящийся к дипломам, грамотам (1708); 2) относящийся к договорам (1726). Второе значение породило совершенно новые понятия: *diplomate*, *diplomatie* (1791—1792) — «дипломат», «дипломатия» (по образцу *aristocrate*, *aristo-*

³ См.: Franz E. G. Einführung in die Archivkunde. Darmstadt, 1974. S. 43.

cratie — «аристократ», «аристократия»). В латинском языке не было производного «дипломатия» от слова «диплом». В «Полном русско-латинском словаре» Ю. Ходобая и П. Виноградова (М., 1880) слово «дипломатия» переводится как *doctrina regum civilium*, «дипломат» — как *legatus*.

В России дипломы на графское и баронское достоинства были введены в начале XVIII в. С первой половины 60-х годов распространилась практика составления дипломов на вновь учреждаемое дворянское достоинство, а с начала 70-х годов — и дипломов, подтверждающих старинное дворянство. При Павле I дипломы на дворянское достоинство стали выдаваться лицам, дослужившимся до дворянства по чинам. При Александре I появились указы и положения, определявшие порядок изготовления дворянских дипломов в Герольдии, контрастирования их министром юстиции и подписания императором. В 1852 г. был вновь регламентирован размер пошлин с дипломов на дворянство, выдаваемых департаментом Герольдии, а в 1867 г. — с дипломов («грамот»), жалуемых на имения и достоинства (титулы). В начале 60-х годов XVIII в. в России были учреждены дипломы на ученые степени Академии художеств. В первой трети XIX в. появились положения, регламентировавшие взимание пошлин за университетские дипломы на медицинские звания⁴.

В наше время название дипломов носят документы, удостоверяющие окончание учебного заведения, утверждение в ученой степени, а также отмечающие выдающиеся заслуги и достижения отдельного лица или коллектива в той или иной форме производственной или общественной деятельности, в спорте и т. д.

Отметим теперь эволюцию значения слова «диптих», которое в древности обозначало документы, по внешней форме близкие к «дипломам». Уже в сочинениях церковных христианских писателей первых веков нашей эры это слово имело значение «опись», «список», «перечень». В период раннего средневековья (VI—VII вв.) диптихи (*diptycha*) приобрели и более узкое предназ-

⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи. [1-е изд.]. СПб., 1830 (далее — ПСЗ-1). Т. 7. № 5016, 5017. П. 8 (1727); Т. 16. № 11938. П. 12 (1763); Т. 19. № 13774 (1772), 14063 (1775); Т. 24. № 17749, 17881. П. 3. (1797); Т. 27. № 20608. П. 1 (1803); Т. 33. № 26232 (1816); Т. 35. № 27614 (1818); Т. 16. № 12275 (1764); ПСЗ. 2-е собр. СПб., 1830. Т. 3. № 2360 (1828); СПб., 1853. Т. 27. Отд. 1, № 26358 (1852); СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1, № 44686 (1867).

начение: в них заносились имена умерших без указания даты смерти. Таким образом, диптихи продолжали играть роль списков или перечней. В средние века восковые таблички широко употреблялись для записи разного рода сделок и счетов. От XV и более поздних веков они сохранились в значительном количестве. Отчетность рыбного рынка в городе Руане во Франции велась на таких табличках вплоть до 1860 г. В табличках, найденных в Северной Африке и относящихся ко времени существования там вандалского королевства (конец V в.), текст написан чернилами прямо по дереву, не покрытому воском. Подобные таблички до сих пор распространены в Марокко. За деревянными табличками типа диптихов и триптихов в средневековой литературе закрепилось название *tabulae*, *tabulettae* — от латинского *tabula*: доска, таблица, дощечка, запись, картина и т. п. Вместе с тем слово «диптих» в эпоху Возрождения и в новое время стало все в большей мере применяться для обозначения двусторчатых икон и других картин, выполненных на дереве. Еще в XVII в. выкристаллизовавшееся из латыни французское слово *diplique* обозначало двойную дощечку вообще, но уже в XIX в. это только название складня, картины, написанной на двух соединенных и складывающихся досках.

Таким образом, термины «диплом» и «диптих», обозначавшие в древности схожие по внешней форме документы, хотя и написанные на разном материале, эволюционировали по-разному. Слово «диплом» в своем позднейшем значении потеряло связь с первоначальной формой источника, от которой произошел сам термин, и, с одной стороны, стало применяться в юридической практике для обозначения отдельных разновидностей современных документов публично-правового характера, а с другой стороны, превратилось в научное понятие, охватывающее более или менее широкий круг актов источников. Слово «диптих», испытав в период раннего средневековья тенденцию к превращению в наименование определенной узкой разновидности перечней, затем приобрело свое прежнее значение, обусловленное прежде всего внешней формой памятника, и в XIX—XX вв. стало прилагаться в большей мере к изобразительным, чем к письменным материалам.

Дипломатика — это не наука о «дипломах» в том или ином узком смысле слова, а наука о документах в более широком понимании.

2. Объект и предмет дипломатики

Объектом дипломатики чаще всего считаются либо «документы», либо «акты», хотя в определении содержания обоих понятий наблюдается разноречивость. Что касается «документов», то в последнее время в советской документалистике под ними стали пониматься все материальные объекты, несущие на себе сознательно закрепленную информацию. В состав «документов», таким образом, попадают: 1) письменные и изобразительные источники на любом материале и с любой знаковой системой; 2) вещественные памятники, созданные человеком и несущие на себе преднамеренную информацию в виде изображений или надписей (в том числе здания и механизмы, посуда, оружие и т. п.); 3) природные объекты, не специально обработанные для письма, но имеющие нанесенные человеком рисунки или знаки (в том числе скалы, камни, деревья и т. д.). Объекты двух последних групп сами по себе не порождены информационной функцией, которая в документоведческой литературе признается основной и наиболее общей функцией документа: несение преднамеренной информации в них — либо вспомогательная функция (на предметах, созданных человеком), либо позднее приданная (на предметах природы). В любом случае в качестве «документа» может рассматриваться только часть поверхности этих предметов, не предназначенных в целом для выполнения информационной функции.

Непомерное расширение содержания понятия «документ» имеет в своей основе приближение его к понятию «источник» или «исторический источник». Документалисты фактически делят все источники на две большие группы: источники с преднамеренной информацией (=документы) и источники с непреднамеренной информацией (предметы без надписей и рисунков — как созданные, так и не созданные рукой человека). Вместе с тем информативность источника — это не функция его, а свойство. Даже источники с преднамеренной информацией создаются не ради передачи информации как таковой (передача информации — не самоцель!), а для выполнения определенной функции воздействия посредством передачи определенной информации. Происхождение исторических источников, и прежде всего источников, несущих в себе преднамеренную информацию, может быть понято только в свете социаль-

ного анализа, т. е. при уяснении того, как и на что должен был воздействовать источник для сохранения, укрепления или изменения, разрушения тех или иных конкретных отношений или представлений⁵.

Источники, создаваемые с целью воздействия непосредственно на социально-экономические, политические или правовые отношения, образуют большую группу памятников, которую в исторической науке принято обозначать общим термином «документы» или «документальные источники». Источники, создаваемые с целью непосредственного воздействия только на чувства, взгляды, мировоззрение, мироощущение, знания, вкусы людей, объединяются обычно в группы «повествовательных», или «нарративных», и дидактических источников, у которых цель воздействия на материальные отношения выступает лишь в опосредствованной форме. Документы имеют следующие общие свойства, обусловленные функцией воздействия непосредственно на материальные отношения: 1) современность основным событиям, о которых говорится в источнике; 2) наличие определенной правовой формы, в которой документ составляется; 3) способность служить более или менее официальным свидетельством о предоставленном праве или совершившемся событии. В отличие от документальных повествовательных и дидактических источников а) могут быть посвящены как современным автору событиям, так и событиям отдаленного прошлого; б) не имеют правовой формы, хотя форма их и подчинена законам жанра; в) не являются официальным (хотя и могут служить неофициальным) свидетельством о предоставленном праве или совершившемся событии.

В своем стремлении преодолеть старое понимание «документа» как «доказательства» или источника с правозначимым содержанием современные документалисты и документоведы, по существу, игнорируют объективную обоснованность деления письменных источников на документальные и повествовательные. Вместе с тем различение этих групп источников неоднократно проводилось в исторической науке. Оно встречается, например, у Н. П. Лихачева, Н. Н. Ардашева, С. Ф. Платонова, В. И. Стрельского, Л. Н. Пушкарева.

В отличие от тех историков, которые отождествляют «документы» с «актами» (Н. П. Лихачев,

⁵ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 594—595.

И. Л. Шерман, В. И. Стрельский и др.), мы различаем в составе «документов» несколько видов источников. В 1962 г. было предложено следующее определение вида: «Под видами письменных источников мы понимаем такие группы памятников, которые имеют сходные внешние признаки происхождения, содержания и формы»⁶. В 1970 г. было уточнено, что под «общими внешними признаками» понимаются «формально-юридические признаки», которые могут быть общими у источников, возникших в разные эпохи и у разных народов. Например, общий формально-юридический признак происхождения договорных документов в разных странах и в разное время состоит в том, что во всех случаях эти документы — результат сделки контрагентов. К каким бы классам ни принадлежали контрагенты, на каком бы языке ни был составлен документ, как бы он ни назывался, формально-юридически отношения, приведшие к созданию документа, — договоренность, сделка. То же относится к формально-юридической общности содержания этих документов. Конкретные условия сделки могут быть разными, но формально-юридически содержание сводится к формулировке норм поведения контрагентов в будущем. Наконец, под «формой» понималась внутренняя форма документа, его построение. В договорных документах, независимо от того, в каких конкретно-исторических условиях они возникли, внутренняя форма состоит из комбинаций устойчивых статей. Эта формально-юридическая общность формы договорных документов, созданных в разное время и в разных странах, обусловлена формально-юридической однотипностью их происхождения и содержания⁷. То же можно сказать о формально-юридической общности происхождения, содержания и формы разновременных и разноязычных источников какого-либо другого вида, например законов или прошений.

Основываясь на тексте статьи 1962 г. и не учитывая разъяснение 1970 г., Л. Н. Пушкарев подверг предложенное определение вида критике. Он считал непонятным выражение «сходные внешние признаки» и стал толковать «внешние признаки» как признаки внешней

⁶ Каштанов С. М., Курносоев А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 178 (далее — ИА).

⁷ См.: Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970, С. 15.

формы (почерк, материал), хотя имелось в виду совсем другое и это было разъяснено в 1970 г. Вопрос о происхождении Пушкарев подменил вопросом о значении источника и об авторстве (один и тот же автор может создать источники разных видов). Но разве об этом шла речь? «Сходные внешние признаки» содержания остались ему также непонятны, хотя под внешними признаками схождения содержания подразумевалась юридическая общность тематики: формулирование договорных условий (для актов), формулирование законодательных норм (для законов), выражение просьбы или требования (для челобитных) и т. п. Вместе с тем «сходные признаки» внутренней формы, структуры документа Пушкарев включил в свое определение вида в качестве единственного критерия⁸. Но сходные признаки внутренней формы — это лишь следствие формально-юридической однотипности происхождения и содержания источников, без чего не было бы и единства их формы.

Определение вида как группы документов, имеющих однотипные формально-юридические признаки происхождения, содержания и внутренней формы, связано с вопросом о социальной функции источника. Этот вопрос на основании обобщения опыта изучения актового материала в разных странах, в том числе и в СССР, был впервые четко поставлен в 1953 г. чешским дипломатом З. Фиалой, а затем И. Шебанеком⁹. Об общественной функции источников упоминали А. Д. Люблинская (1955) и А. И. Данилов (1963). Функция источника как способ воздействия на социальные отношения рассматривалась автором данного пособия в 1968 и 1970 гг. Функциям источника, в том числе его социальной функции, уделили внимание М. П. Илюшенко, А. А. Курносоев, А. Г. Тартаковский и др.¹⁰

⁸ См.: *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 221—225.

⁹ См.: *Королев Г. И.* Современные исследования по дипломатике в Чехословакии // *Актовое источниковедение. Сб. статей.* М., 1979. С. 252—253.

¹⁰ См.: *Илюшенко М. П.* К вопросу о функциях документов // *Советские архивы.* 1975. № 5. С. 10—17 (далее — СА); *Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З.* Документ и системы документации. М., 1977. С. 13—14; *Курносоев А. А.* К вопросу о природе видов источников // *Источниковедение отечественной истории. Сб. статей* 1976. М., 1977. С. 24—25; *Тартаковский А. Г.* Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // *История СССР.* 1983. № 3. С. 112—130.

Под социальной функцией источника следует понимать прежде всего ту роль, которая отводится источникам определенного вида в формировании определенных социальных отношений. Возникновение вида письменных источников является юридическим следствием той или иной социальной потребности. Поэтому сам вид можно считать юридической реализацией социальной функции, юридическим каналом воздействия. Понятие «юридический канал» применимо к письменным источникам всех видов и разновидностей, в том числе и к тем, которые лишены правозначащего содержания, например к чисто научным или чисто художественным произведениям, ибо даже полное отсутствие формальной обязательности их чтения и усвоения теми, для кого они предназначены, передает сущность правового отношения к определенному каналу воздействия (возможность юридически безнаказанно его игнорировать). Внешняя необязательность основана тут на внутренней силе воздействия художественной и научной литературы, способной приносить эстетическое наслаждение, удовлетворять любознательность, служить руководством в теоретической и практической деятельности. На практике, как известно, юридическая свобода от научных и художественных каналов воздействия отнюдь не абсолютна. Есть целые группы населения (например, школьники, студенты), для которых усвоение какой-то части этой литературы формально обязательно.

Документоведы указывают, что документ «полифункционален», и выделяют у него следующие функции: «информационную, социальную, коммуникативную, культурную, управленческую, правовую, учета, исторического источника». Вместе с тем они говорят, что «функция документа есть его целевое назначение, органически присущее ему, независимо от того, осознана или не осознана она автором»¹¹. При «полифункциональности» источника не слишком ли много у него разнородных «целевых назначений?». Какая цель главная? Главной, на наш взгляд, является цель, заданная социальной функцией источника, — служить определенным средством воздействия на определенную сферу отношений. «Полифункциональность» источника мы усматриваем не столько в том, что он может быть одновременно или с разрывами во времени и средством информации, и средством коммуникации, и средством

¹¹ *Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З.* Указ. соч. С. 14.

управления, и средством учета, и объектом изучения исторической наукой, сколько в том, что далеко не всякий конкретный источник порождается лишь одной социальной функцией, например только договорной или только законодательной. Довольно многие источники возникают и образуют виды вследствие сочетания, синтеза нескольких социальных функций, скажем, законодательной и договорной, договорной и распорядительной и т. п.

Появление документов связано с процессом создания письменного права в различных его формах и на разных социальных и иерархических уровнях. Образование классовых государств и необходимость подчинения органам государственной власти основной массы населения страны (в антагонистических обществах — прежде всего эксплуатируемого большинства) обусловили зарождение и развитие законодательной функции. Эта функция как древнейшая и постоянно присутствующая в деятельности государств породила наиболее чистый вид документальных источников — законы. Правда, не на всех стадиях развития государства возможно было создание законов в их чистом виде. В период формирования раннефеодальных государств законы нередко выступали в форме записи обычного права. Да и в условиях сложившегося национального государства во Франции фиксация обычного права различных районов (кутюмы) служила как бы дополнением к законодательству. В Германии в XIII—XVIII вв. также практиковалась запись обычного права (Weistümer). Отсутствие общих законов типа позднейших конституций было характерно для ряда государств эпохи феодализма. Русские судебники XV—XVI вв. как общие законы вызвали удивление иностранцев, а в самой России после Уложения 1649 г. не было общего закона вплоть до Конституции РСФСР 1918 г. Зато существовало огромное количество именных и сенатских указов, манифестов, положений и мнений, рассматривавшихся в качестве законов по частным вопросам. Такая же картина наблюдалась в Англии.

Другая древнейшая функция — договорная. Необходимость вступать в соглашения с юридически независимыми контрагентами и фиксировать эти соглашения письменно возникла также по мере развития классовых отношений и образования государств. Существование соседних государств и отношения с ними, военные и мирные, приводили к заключению договоров сначала

в устной, а затем в письменной форме. Формированием частной собственности и наследственного права стимулировалось внедрение договорной функции в отношении между представителями имущих слоев населения. Позднее эта функция проникла в отношения между имущими и неимущими, но лично свободными людьми, способными продавать свою рабочую силу.

Создание государств и развитие частной собственности, усложнение функций управления государством и частным хозяйством предопределило возникновение распорядительных документов (указы, приказы, инструкции и т. п.) как формы осуществления функции управления.

Кроме перечисленных видов документальных источников на разных этапах развития общества и государства возникают документы просительного (челобитные, прошения), рекомендательного (записки, проекты, предложения, письма), информационно-отчетного (донесения, отчеты, служебные письма), удостоверительного (мандаты, паспорта, свидетельства), протоколно-процессуального (правые грамоты, судные списки и т. п.), регистрационно-учетного (писцовые, разрядные книги, ревизии, переписи и т. д.), рецептурного (рецепты, технологии) и другого характера.

В конкретных документах мы нередко встречаемся с воплощением не одной, а двух-трех и больше юридических функций. Документы могут быть смешанных видов: договорно-законодательного (прецепты, уставные, жалованные грамоты), договорно-распорядительного (указные грамоты) и т. п.

На уровне разновидности это смешение функций, сложность юридической и социальной роли источника становится еще очевиднее. Дальнейшая конкретизация функции проявляется в подразновидности, а затем в отдельном документе, где может сочетаться несколько подразновидностей, давая надподразновидность. Пояним это на примере жалованных грамот. Они представляют вид договорно-законодательных источников и являются в нем разновидностью. Подразновидности жалованных грамот: данные, меновные, несудимые, тарханные, обельные, заповедные и др. Надподразновидности: данные и несудимые; данные и тарханно-несудимые; тарханно-несудимые, односрочные, заповедные, тарханно-несудимые и проезжие; тарханно-оборочные, несудимые, двусрочные и заповедные и т. п. (сочетания подразновидностей могут значительно варьироваться).

Какие же из всех перечисленных видов документальных источников следует считать объектом дипломатики? Что такое «акт» как объект дипломатики? Понятие «акт» в настоящее время весьма неоднородно. И в разных значениях этого слова отразилось несколько эпох исторического развития документов.

Уже в Риме, откуда происходит сам термин «акт» (от глагола ago — «действую», actum est — «сделано», «совершено»), под актами (acta) подразумевались документы разного рода: протоколы совещаний; постановления, распоряжения (сената, сословий, императора); дневник совещаний, периодическая информация; хроника, дневник ежедневных городских происшествий, постановлений и пр., городские ведомости; протоколы судебных заседаний¹². Термин «акт» использовался в знаменитом кодексе Юстиниана I «Corpus iuris civilis» (528—534 гг.) и через него вошел в юридический лексикон Италии, Франции и Англии¹³. Обозначение словом acta в Риме постановлений публичной власти послужило основанием для позднейшего применения термина «акты» к законам. Можно привести наиболее известные примеры употребления слова «акт» в этом смысле. Так, в 1679 г. английский парламент принял закон о неприкосновенности личности, получивший по первым двум словам его текста название «Habeas Corpus Act». У нас весьма употребительно выражение «законодательные акты».

Формула «actum» в средневековых дипломах располагала к восприятию в качестве «актов» документов, устанавливающих какие-либо особые права или привилегии того лица, кому акт выдавался. Постепенно понятие об «акте» связывалось с представлением о контрагентах, вследствие чего и частные сделки стали называться актами. Акт в этом смысле — документ, фиксирующий права и служащий юридическим доказа-

¹² См.: Meisner H. O. Das Begriffspaar Urkunden und Akten//Forschungen aus Mitteldeutschen Archiven. Zum 60. Geburtstag von Hellmut Kretzschmar. Berlin, 1953. S. 36; ср.: Schütz A. Zu den Anfängen der Akten- und Registerführung am bayerischen Herzogshof//Landesherrliche Kanzleien im Spätmittelalter. Referate zum VI. Kongress für Diplomatik. München, 1983 (Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance-Forschung, 35). München, 1984. Teilband I. S. 131—132.

¹³ См.: Meisner H. O. Aktenkunde, Ein Handbuch für Archivbenutzer mit besonderer Berücksichtigung Brandenburg-Preußens. Berlin, 1935. S. 4.

тельством прав определенных лиц. Торжественная форма публично-правового акта рассматривалась как показатель его роли создателя и доказательства права, причем не всеобщего, а касающегося конкретных юридических или физических лиц. В немецком языке грамота типа акта называлась обычно Urkunde.

В отличие от Urkunden (грамоты) термин Akten обозначает не грамоты, предоставляющие права и служащие доказательством прав, а записи или деловые письма, лишь сообщающие о фактах или ставящие какие-то вопросы, связанные с фактами правового характера¹⁴. Такое понимание «акта» восходит к римской традиции определения протоколов в качестве «актов». 4-й Латеранский (12-й Вселенский) собор 1215 г. предписал обязательное ведение протоколов в духовных судах. Эти судебные протоколы, acta judicialia, принадлежат к числу первых немецких «актов»¹⁵. Но подлинный расцвет «актового» делопроизводства наблюдается в Германии с конца XV — начала XVI в., когда происходит резкая бюрократизация управления¹⁶. Определенные протоколы, регистры, записей, служебных и деловых писем в качестве «актов» лежит в основе современного выражения «составить акт», принятого у нас. «Акты», составляемые по случаю ревизии, обследования состояния какого-либо государственного или колхозного имущества, наконец, по случаю каких-либо происшествий и правонарушений (милицейские «акты»), — все это документы, по своему характеру близкие к протоколу или записи, регистрации факта, но не к Urkunde — грамоте, дающей права и служащей доказательством права. Вместе с тем в России XIX в. «актом» назывались документы, в которых фиксировались права и обязанности одного или нескольких лиц, а также документы, могущие служить доказательством¹⁷.

¹⁴ См.: Meisner H. O. Aktenkunde. S. 6; *idem.* Das Begriffspaar Urkunden und Akten. S. 45; *idem.* Archivalienkunde vom 16. Jahrhundert bis 1918. Leipzig, 1969. S. 44; Brenneke A. Archivalienkunde. Leipzig, 1953. S. 7—8; Dülfer K. Urkunden, Akten und Schreiben in Mittelalter und Neuzeit//Archivalische Zeitschrift. München, 1957. Bd. 53. S. 16; Franz E. G. Op. cit. S. 45—46; Papritz J. Archivwissenschaft. Marburg, 1976. Bd. 1. S. 255—258.

¹⁵ См.: Schütz A. Op. cit. S. 131—133.

¹⁶ См.: Franz E. G. Op. cit. S. 46. Согласно Паприцу, немецкий термин Akten впервые встречается в XV в. (см.: Papritz J. Op. cit. S. 257).

¹⁷ См.: Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З. Указ, соч. С. 10.

Понятие «акты гражданского состояния» в настоящее время оперирует термином «акты» скорее в значении «действия», «свершения», или, точнее говоря, «факты»: факты рождения, брака, смерти. «Запись», или регистрация этих фактов, может рассматриваться как «акт» в немецком смысле слова¹⁸. Что же касается свидетельств, выдаваемых на основании регистрации фактов, то они являются удостоверительными документами, подтверждающими факт. В них самих договорный элемент отсутствует. Они не приближаются ни к тем «актам», которые даруют особые права, ни к тем удостоверениям (мандатам), которые дают особые полномочия¹⁹. Поэтому их можно отнести к регистрационно-удостоверительному виду документальных источников, придающих констатации факта значение официального удостоверения.

В правоведении и дипломатике западноевропейских стран было давно отмечено употребление термина «акт» в двух разных смыслах: как обозначения документа, предоставляющего права и служащего доказательством их, с одной стороны, и как обозначения деловой или служебной записи, информации о факте, положении дел, состоянии имущества и т. п. — с другой. Документы первого типа получили в связи с этим определения: *l'acte juridique* (юридический акт), *negotium* (сделка), *actio* (действие, распоряжение), *Handlung* (действие, ведение дела, сделка). А. С. Лаппо-Данилевский называл такие документы актами «с конституитивным или удостоверительным характером»²⁰. Документы второго типа характеризуются определениями: *l'acte instrumentaire* (свидетельство, освидетельствование), *instrumentum* (свидетельство), *conscriptio* (запись, про-

¹⁸ В дореволюционное время под «состоянием» или «государственным состоянием» подразумевалось сословие, сословная принадлежность (см.: ПСЗ-1. Т. 42. Ч. 1. С. XV), а под «актами состояний» — метрические книги и ведомости [см.: *Еллагтьевский А. В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время)*//Актовое источниковедение. Сб. статей. М., 1979. С. 56—57], т. е. регистрационные книги, которые в Германии издавна назывались «актами».

¹⁹ О таких документах см., напр.: *Кладт А. П. Ленинские мандаты периода гражданской войны*//Актовое источниковедение. С. 5—19.

²⁰ *Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов*, Пгр., 1920, С. 13.

токол), *Beurkundung* (засвидетельствование)²¹. По Лаппо-Данилевскому, это документы «с декларативным или осведомительным характером»²².

А. С. Лаппо-Данилевский сформулировал критерий различения «удостоверительных» и «осведомительных» актов: «Акт с осведомительным характером имеет меньшее правовое значение, чем акт с удостоверительным характером. Акт с осведомительным характером служит главным образом для показания о состоявшемся правоотношении; он пишется для запечатления в памяти тех действий или событий, которые породили его. Акт с удостоверительным характером, напротив, является основанием для признания правоотношения состоявшимся; он пишется для закрепления тех элементов или условий, из которых оно состоит». По этому принципу в русской историографии различались «грамоты» и «записи» или «грамоты» и «памяти». Последнее противопоставление менее удачно, поскольку некоторые «памяти» имеют распорядительный характер и в этом смысле приближаются к «грамотам». Различение «грамот» и «записей» аналогично встречающемуся в западной дипломатике различению понятий *carta* и *notitia*.

Если и «удостоверительные» и «осведомительные» документы признаются «актами», каково же тогда общее определение «акта»? А. С. Лаппо-Данилевский, не смотря на свое различие «актов» «удостоверительных» и «осведомительных», дал такое общее определение «акта», которое фактически можно отнести только к актам первого типа. «Актами в широком смысле», по его мнению, являются документы, облекающие «известное правоотношение — правительственное постановление или юридическую сделку — в письменную форму»²³. Как видим, для «осведомительных» актов в этом определении места нет. Более расплывчатую и, следовательно, более компромиссную дефиницию давал актам классик австрийско-немецкой дипломатии XIX в. Т. Зиккель, разумея под актами «письменное, облеченное в соответствующую форму изъяснение о предметах правового характера». Надо, однако, иметь в виду, что Зиккель давал определение понятию *Urkunden* (грамоты), а не

²¹ В немецком языке выражение *Beurkundung des Personenstandes* означает ведение метрических книг, ведение записи «актов гражданского состояния».

²² *Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 13.*

²³ Там же; см. также с. 14—15.

Акты, другими словами, речь у него шла об «удостоверительных» актах. Именно они, согласно Зиккелю, касались «предметов правового характера». Дипломатисты XX в. в основном следовали определению Зиккеля. Р.-А. Ботье различает «акты» в собственном смысле слова и массу прочих «документов»: «actes» (Urkunden) «proprement dits» и «la masse des autres «documents»²⁴.

Не вполне ясно соотношение между «актами» и «законами» (leges). Входят ли законы в состав «актов» или они образуют особую группу документов? Общие законы как документы, не имеющие определенных контрагентов, не имеют и характерных атрибутов «актов»: адреса, корроборации (сведения об удостоверении документов) и подписей свидетелей, печатей и т. п.

Таким образом, создание общего понятия «акты», охватывающего все разновидности документов, к которым этот термин прилагался в разные эпохи, весьма затруднительно. Практически получится, что «акты» — это «документы» в целом. Уверенно их можно будет противопоставить только некоторым видам повествовательных и дидактических источников, ибо другие виды окажутся близки к ним. «Акты» в таком понимании — это огромный надвид источников, объединяющий различные по своей функции виды.

В соответствии со старой историографической традицией было бы все же резонно выделить из всей массы разнородных документов акты как документы, устанавливающие определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом. С этой точки зрения в разряд актов попадают 1) все публично-правовые и частноправовые договоры, включая и такие, где контрагенты указываются не в начальном протоколе, а в основном тексте; 2) постановления и распоряжения конкретных органов власти, имеющие индивидуальный или коллективный адрес или имеющие общий адрес, но касающиеся конкретного юридического или физического лица как контрагента автора; 3) распоряжения владельцев собственности, адресованные их агентам (приказчикам, слугам, служащим).

²⁴ См.: Sickel Th. Acta regum et imperatorum Karolinorum digesta et enarrata. Th. I. Lehre von den Urkunden der ersten Karolinger (751—840). Wien, 1867. S. 2; Bautier R.-H. Propositions méthodologiques pour la diplomatique du Bas Moyen Age et des débuts des temps modernes//Landesherrliche Kanzleien im Spätmittelalter. Teilband I. S. 51.

Попытка выделить «акты» как особый объект научного изучения обусловлена следующими задачами источниковедения: 1) необходимостью исследования происхождения и эволюции видов исторических источников как части исторического процесса в связи с выяснением функции вида в общественных отношениях; 2) необходимостью разработки методики источниковедческого анализа и синтеза не только путем дедукции, т. е. приложения уже известных приемов и принципов ко всем вообще источникам, но и индуктивным путем, который дает наиболее эффективные результаты, когда исследуются однородные и сравнимые объекты, требующие специфической методики.

Как уже говорилось, договорные документы разных эпох и народов образуют один вид благодаря наличию у них общих внешних документально-юридических признаков: их происхождение — результат сделки контрагентов, содержание — определение взаимных условий, форма — комбинация устойчивых статей и формул. В происхождении всех разновременных и разноязычных распорядительных документов общий внешний формально-юридический момент — одностороннее волеизъявление носителя власти или субъекта права, содержание — конкретизация воли в форме распоряжений по определенным вопросам, форма — предписание исполнения распоряжений, даваемое тому или иному лицу.

В двойственном положении находятся судебные постановления. Если в раннефеодальный период они имели характер пожалования, выдававшегося выигравшей стороне, которая, таким образом, превращалась как бы в адресата и контрагента автора (=судьи), то позднее судебные постановления уподобляются законам, не имеющим адресата. Впрочем, эта тенденция была заложена в них с самого начала, вследствие чего судебные документы даже раннефеодальной эпохи можно относить к актам только условно.

Завещания сочетают в себе черты договора и распорядительного документа. Как договоры они содержат сведения о контрагентах автора (хотя формальное соглашение с ними тут не фиксируется), как распорядительные документы завещания основаны на одностороннем волеизъявлении. Однако для отнесения завещаний к числу «чистых» договоров в них недостает прямого выражения соглашения автора с контрагентами; как документам распорядительного вида им недостает адреса. Отсутствием адреса эти документы сближаются

с законами, когда дело касается завещаний носителей верховной власти. В целом же духовные грамоты, или завещания, могут быть расценены как документы смешанного распорядительно-договорного или (применительно к актам монархов) распорядительно-договорно-законодательного вида. Мы склонны относить к актам и другие смешанные виды документов, если они не просто отражают правоотношения между двумя (или несколькими) сторонами, а сами создают их.

Что же касается регистрационных, информационных, просительных, отчетных и других документов, то в случае отсутствия сочетания их основной функции с договорной или распорядительной мы воздержались бы включать эти документы в число «актов». В немецкой историографии существует различие между *Urkundenlehre* и *Aktenlehre*, из которых первое посвящено «актам» в собственном смысле слова, или «актам юридическим», «актам удостоверительным», грамотам, а второе — «актам свидетельствования», «актам осведомительным», или, точнее говоря, неактам, причем с дипломатикой отождествляется именно *Urkundenlehre*. В большинстве стран дипломатика существует как единая наука о всех вообще документах, хотя отличие *acte juridique* от *acte instrumentaire* принимается во внимание.

В нашей системе исторических наук наряду с дипломатикой имется еще документоведение, которое конституировалось в самостоятельную дисциплину в 60-х годах нашего столетия. Название ей дал К. Г. Митяев, определивший объект, предмет и основные задачи этой дисциплины²⁵. Документоведение возникло на базе особой отрасли знания, существовавшей уже в XIX в. и занимавшейся изучением современного ей делопроизводства²⁶. В настоящее время документоведение и делопроизводство — разные дисциплины.

Документоведы хотя и разделяют представление документалистов о документе как всяком материальном объекте, несущем преднамеренную информацию, однако предмет своей науки ограничивают изучением докумен-

тов, функционирующих преимущественно в сфере управления²⁷. Дипломатика имеет дело с отдельными разновидностями управленческих документов, но в то же время занимается документами, которые не связаны прямо с управлением (таковы, например, частные акты). Следовательно, объекты дипломатики и документоведения совпадают только частично. Что касается предмета и задач этих двух дисциплин, то тут объединяющим моментом является интерес к внутренней форме, структуре документального источника. В дипломатике издавна велись споры о том, должна ли она заниматься содержанием источника или ее цель — изучение формы для выяснения канцелярского происхождения акта. Некоторые ученые полагали, что герменевтика, т. е. анализ содержания, не входит в задачи дипломатики, а составляет предмет науки истории права. Однако уже Т. Зиккель заметил, что практически невозможно вести дипломатический анализ в полном отрыве от изучения правового содержания актов, от герменевтики текста²⁸. Сам он сочетал исследование формуляра и канцелярского происхождения каролингских дипломов с изучением феодального иммунитета, зафиксированного в этих актах. Более формальный характер носит французская дипломатика. Русская дипломатика XIX—XX вв. никогда не пренебрегала содержанием актов. Можно даже сказать, что она больше интересовалась содержанием, чем формой актовых источников. Для дипломатики сочетание изучения формы и содержания является необходимым постольку, поскольку она рассматривает акты как исторический источник и как факт истории.

Предмет документоведения иной. В нем преобладает изучение документа не как исторического источника, а как формы, которая может быть использована для улучшения и стандартизации современного документопроизводства. Если дипломатика целиком обращена к истории, то документоведение в значительной мере занято проектированием будущего. Его главная цель — создавать оптимальные рекомендации по документированию управления: «Важнейшей задачей документоведения на

²⁵ См.: Митяев К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 35.

²⁶ Первый обстоятельный труд по делопроизводству принадлежит Н. [В.] Варадинову (Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг и актов по данным формам и образцам, 2-е изд., СПб., М., 1873, ч. 1—4).

²⁷ См.: Илюшенко М. П. К понятию «документ» (эволюция термина и предмет документоведения) // СА, 1986. № 1. С. 31; Соколова А. Н. Развитие советского документоведения в условиях научно-технической революции (1960—1980 гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1986. С. 15.

²⁸ См.: Sickel Th. Beiträge zur Diplomatik. Wien, 1864. Th. 3. S. 2 (176).

современном этапе является теоретическое обоснование процессов документационного обеспечения аппарата управления»²⁹. В этом смысле оно скорее может быть определено как документирование, чем как документо-ведение.

Кроме дипломатики и документоведения существует еще эпистолография, занимающаяся изучением писем.

Предмет дипломатики мы видим в применении к актам методов исследования их внешней и внутренней формы, внешнего и внутреннего содержания, а также происхождения. Под внешней формой подразумевается материальная сторона источника и ее особенности: материал для письма, средства письма (чернила, чернила и т. п.), почерки, украшения, удостоверительные знаки, другие атрибуты внешнего оформления. Внутренняя форма — это структура текста источника, формуляр. Разновидности документов договорного, законодательно-договорного и распорядительно-договорного видов имеют относительно устойчивые формуляры, которые позволяют изучать не только эволюцию начальных и конечных формул актов, но и развитие тех статей, которые отражают внутреннее содержание источника. Поэтому применение формулярного анализа, формулярование наиболее эффективно именно в отношении к актам.

Под внешним содержанием мы понимаем те идеи, которые выражены в источнике, под внутренним содержанием — те процессы исторического развития, которые отражаются во внешней и внутренней форме, а также во внешнем содержании акта. Изучение внешней и внутренней формы, а частично и внешнего содержания актов характерно для дипломатики с давних пор. Методика исследования внутренней формы в целях изучения внутреннего содержания актов впервые была разработана в русской дипломатике А. С. Лаппо-Данилевским. Русская и советская дипломатика всегда уделяли значительное внимание изучению внутреннего содержания актов.

Проблема происхождения актов как бы распадается на две: первая — это канцелярское происхождение документа (где, кем и как, по чьему приказу создан и выдан акт), вторая — происхождение в более широком, историческом смысле (каковы были предпосылки и

причины создания актов, в чьих интересах он составлялся и утверждался, какие цели при этом преследовались заинтересованными сторонами). Первая сторона проблемы происхождения тщательно изучается в западноевропейской дипломатике и недостаточно исследуется в нашей науке, о второй стороне происхождения актов в западной дипломатике говорится мало, зато русская и особенно советская дипломатика уделили ей значительное внимание. Впечатляющие результаты достигнуты Л. В. Черепниным в исследовании политических причин возникновения духовных и договорных, жалованных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.³⁰

Дипломатика — это не какой-то один метод исследования, применимый ко всем источникам. Вернее видеть в ней совокупность многих методов и приемов в приложении к актовому материалу, причем специфически дипломатическим является метод формулярного анализа актов.

³⁰ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., Л., 1948. Ч. 1; М., 1951, Ч. 2.

²⁹ Илюшенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. З. Указ. соч. С. 4, Ср.: Сокова А. Н. Указ, соч. С. 43—44.

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИКИ ДО КОНЦА XVIII в.

1. Практическая дипломатика

Практическое развитие какой-либо исторической дисциплины начинается тогда, когда в сферу изучения попадает ее объект и при этом применяются в зачаточном виде методы, которые впоследствии найдут применение в данной дисциплине, но само исследование имеет целью не установление научной истины, а решение конкретных практических вопросов: удовлетворение определенных экономических или политических требований, пропаганду определенных взглядов, обеспечение функционирования государственного аппарата и т. п.

Объектом дипломатики являются документы преимущественно юридического характера. Ее методика во многом сводится к критическому анализу их внешних и внутренних особенностей. Ученые нового и новейшего времени усматривают первые шаги дипломатики в случаях проверки подлинности актов. Так, начало западноевропейской дипломатики условно датируют 590 годом. Под этим годом в «Истории франков» Григория Турского рассказано о том, как референдарий Оттон установил подложность сделанной от его имени подписи на грамоте, якобы выданной королем Хильдебертом II реймскому епископу Эгидию. В связи с подделкой папских булл появилось послание папы Иннокентия III, где разъяснялись способы различения подлинных и подложных актов (1198). В этом послании обобщался накопленный к тому времени опыт проверки подлинности документов. В XIII—XIV вв. проверочная работа развернулась в Германии, Франции, Италии, Польше, хотя ограниченность методов практической дипломатики позволяла подвергнуть экспертизе главным образом только

современные критикам документы, акты же отдаленного прошлого оставались чаще всего недоступными для критического изучения.

Понятие подложной («составной») грамоты выработалось и на Руси. Первым свидетельством о зарождении русской практической дипломатики принято считать известие ряда летописных сводов относительно наказания «в торгу кнутьем» в 1487/88 г. поддельщиков жалованной данной грамоты покойного вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого (ум. в 1481 г.) Спасо-Каменному монастырю. Правда, летописи не рассказывают, какими методами была разоблачена фальшивка. Способы выявления подлинности документов вырисовываются из судебных дел второй половины XV—XVI вв. Наиболее распространенным приемом дипломатического анализа на судебных процессах была критика удостоверительной части актов: всегда вызывало подозрение отсутствие указаний на послухов (свидетелей) и дьяка. Судьи проявляли определенное знание правил и способов прикрепления печатей. Вопрос о географических названиях решался путем сверки документов и опроса свидетелей.

Для проверки правильности списков последние иногда сличались с подлинником. Из палеографических приемов применялась лишь экспертиза почерка, причем в большинстве случаев на низшей стадии (опознание своей «руки» послухом или писцом), реже — на стадии сличения почерков третьим лицом. Конечно, надо иметь в виду, что как дипломатическая, так и палеографическая критика была еще весьма примитивной и служила только вспомогательным средством судебного следствия, главную же роль играла сама процедура суда, прежде всего перекрестный допрос сторон и свидетелей.

В 1699 г. московское правительство установило особый порядок исследования подписей на документах, подлинность которых вызывала сомнения.

К области практической дипломатики можно отнести помимо экспертизы документов также их копирование, пересказ, составление сборников копий и образцовых грамот, наконец, составление новых актов на основании более ранних первоисточников, в том числе и производство подложных документов.

Такое расширительное толкование практической дипломатики разделяется не всеми историками. Французские дипломатисты А. Жири (1894) и А. де Буар

(1929) подчеркивают, что авторы средневековых анналов и хроник, приводя тексты или пересказывая содержание актовых источников (а это явление наблюдается с VI в.), как правило, не дают их критику, не ставят вопрос о подлинности, и, значит, подобные труды лишены элементов практической дипломатики. Я. И. Трушевич (1907), напротив, считал, что критическое отношение к историческим актам вырабатывалось уже «при ознакомлении древних историков и хроникеров с архивным материалом», и в качестве примера приводил договор Олега с греками, помещенный в летописях.

В самом деле, использование актов в нарративных произведениях развивало иные стороны практической дипломатики, чем те, которыми занималась судебная экспертиза. Главным тут была не проблема подлинности, а проблема интерпретации актов, причем в ряде случаев — отдаленного времени, что требовало навыков чтения и понимания документов других эпох. Создание таких навыков закладывало фундамент научной дипломатики, которая не ограничивает свои задачи лишь изучением подлинности актов. Следовательно, изложение и цитирование актов в повествовательных источниках, с чем мы часто сталкиваемся и в русских летописных сводах, вполне может быть отнесено к практической дипломатике.

Совершенствованию интерпретации актов разного времени способствовало составление сборников копий грамот. Эти сборники именовались в Западной Европе картуляриями (от лат. *charta*, *carta* — лист, письмо, грамота, книга), а в России — копиями книгами (термин XVIII в., от слова «копия»). Составлялись они в практических целях — для укрепления землевладельческих прав, привилегий, для учета документации и т. д.

В странах Запада картулярии известны с X в., хотя в «Истории» Григория Турского есть намек на их существование уже в VI в. Первоначально слово *chartularius* означало «архивист» («хартуларий»). В этом смысле оно употребляется в кодексах Феодосия (V в.) и Юстиниана (VI в.). Слово *chartularium* (ср. р.) стало обозначать рукописные сборники копий с грамот. В X в. и позднее картулярии создавались прежде всего в различных духовных учреждениях — аббатствах, монастырях, церквях и т. д. Но были и картулярии муниципальных, купеческих цехов, университетов, братств, семей, светских сеньорий, королевской канцелярии. Картулярием мог называться также регистр нотариальных

минут. Картулярии явились для королевской канцелярии первой формой регистров, т. е. книг учета выдаваемых и получаемых документов. Затем произошел переход к регистрам типа регестов, где документы не полностью копировались, а лишь более или менее кратко излагались. Во Франции при Филиппе II Августе возник регистр утраченных документов текущего делопроизводства (1204), составленный благодаря использованию следственных материалов. В период участия Людовика IX Святого (1225—1270) в VII и VIII крестовых походах при короле велся регистр, куда записывались выданные акты. Как полагают, королевская канцелярия стала переходить от картуляриев к регестам после 1254 г. В XIII в. появляются регистры в германской канцелярии, в Сицилии, Неаполитанском королевстве, Арагоне и др., с XIV в. — вероятно, в Польше. Особенно четко налаженным учетом документов отличались канцелярии папской курии, королевств Англии и Арагона. Регистры папской канцелярии хорошо сохранились начиная с XIII в., а в отрывках дошли и от более раннего времени.

В канцелярии Великого княжества Литовского регистры типа картуляриев создавались уже в XV в., однако древнейшие книги XV и первой половины XVI в. погибли в начале XVII в. От первой половины XVI в. сохранились только две подлинные книги (ок. 1514 и 1516 гг.), другие дошли лишь в копиях конца XVI в. Книги XVII—XVIII вв. являются подлинниками регистров того времени. В XVII в. в канцелярии Речи Посполитой распространяются регистры типа регестов (книги сигиллят — документов, снабженных печатью).

В России копиями сборники актов стали составляться не позже середины XV в. От этого времени дошел первый по времени список так называемого Краткого собрания ханских ярлыков в русском переводе¹. Составление собрания ханских ярлыков русским митрополитам было делом митрополичьей кафедры. Как в Западной Европе папская курия, так и в России митрополичий дом явились пионерами в области организации архивного дела и постановки его на службу поли-

¹ См.: Зимин А. А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам//Археологический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 32 (далее — АЕ); Григорьев А. П. Время составления Краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам//Историкография и источниковедение стран Азии и Африки. Л., 1985. С. 107.

тическим интересам. Сборник договорных и жалованных грамот, относящихся к Новгородской земле и характеризующих преимущественно новгородско-московские отношения, был составлен, вероятно, при дворе Ивана III в 70-х годах XV в. в связи с борьбой за присоединение Новгорода. Согласно Л. В. Черепнину, в начале 80-х годов XV в. возник сборник копий с духовных и договорных грамот князей московского дома, около 1486 г. — копия книга междукняжеских договорных грамот (тетради копий с документов такого рода упоминаются в описи архива Посольского приказа 1626 г.)².

От XVI в. дошли копия книги крупнейших духовных феодалов того времени: митрополичьего дома, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей. Л. В. Черепнин считает, что в основе кирилло-белозерской книги XVI в. лежала более ранняя копия книга — 80-х годов XV в.³ Количество и размеры копия книг заметно увеличиваются в XVII—XVIII вв.: все крупные и многие средние монастыри обзаводились копиями книгами. Уже в XVI в. известны описи монастырских архивов, включающие в себя данные о хранящихся в монастыре актах. В XVII—XVIII вв. получают распространение описные и переписные книги монастырских вотчин и монастырского имущества, в которых одним из разделов являются описания публично-правовых и частных актов, находившихся в монастырской казне или ризнице⁴.

При Иване IV, в годы опричнины, создается опись Царского архива, который представлял собой архив действующий, активно использовавшийся в текущей политике, хотя в нем хранились наряду с документами XVI в. также и акты более раннего времени⁵. От

² См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., Л. 1948. Ч. 1. С. 183—205.

³ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 29—34.

⁴ Подробнее см.: Амосов А. А. Архивы двинских монастырей. Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций. Автореф. канд. дисс. М., 1975; Тугова Т. А. Из истории архива Соловецкого монастыря//АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 58—67.

⁵ См.: Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года/Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции/Подготовка текста и комментарии А. А. Зимина; Под ред. Л. В. Черепнина, М., 1978, [Вып.] 1—3,

XVII в. дошли описи документов, хранившихся в приказах. Акты первостепенной государственной важности содержались в архиве Посольского приказа, куда поступили и материалы Царского архива. С. М. Соловьев называл Посольский приказ канцелярией Боярской думы. К настоящему времени опубликованы описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг.⁶

Одним из интересных направлений развития практической дипломатии было создание копий, максимально воспроизводящих внешний вид (почерк, размещение текста, удостоверительные надписи) оригинала. Копию такого типа называют *copie figurée* (рисованная копия). Кроме рисованных копий делались также «видимусы». Акт, называвшийся *vidimus* во Франции и Германии или *inspeximus* в Англии, представлял собой копию, в отношении которой выдававший ее официальный орган власти (например, королевская канцелярия от имени короля) давал заверение в том, что он видел (*vidimus* — буквально: «мы видели») предшествующий данной копии акт и что этот акт имеет все черты подлинности, причем подробно описывалась печать акта и способ ее прикрепления, а текст документа воспроизводился целиком, без каких-либо модификаций. Тексту копии видимуемого документа предшествовала интитуляция видимуемого лица (чаще всего государя). Свое заверение в аутентичности «видимуса» выдававший его орган власти скреплял своей печатью. Время наибольшего распространения «видимусов» во Франции — XIII—XV вв.

В России копии, до некоторой степени близкие к рисованным (хотя и не тождественные им), появились в начале XIX в., когда создавались копия книги грамот разных монастырей, оказавшиеся впоследствии в составе Румянцевского собрания и описанные А. Х. Востоковым⁷ (Отдел рукописей ГБЛ). Эти копии выполнялись, по-видимому, членами Румянцевского кружка в соответствии с какими-то общими согласованными принципами. Копии не воспроизводят почерк источника и расположение материала на листе, текста в строках, но они дают ясное представление об орфо-

⁶ См.: Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. С. 45—137; Опись архива Посольского приказа 1626 года/Подготовил к печати В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977.

⁷ См. Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, СПб., 1842,

графии рукописи, системе сокращений и выносных букв. Устаревшие буквы не заменялись новыми, однако текст разделялся на слова. Таким образом, назвать эти копии «рисованными» можно лишь весьма условно.

Давнюю традицию имела практика составления формулярников, или сборников образцов текста документов различных разновидностей. Само появление таких сборников свидетельствует о значительной развитости системы документирования социально-экономических и политических отношений. К эпохе Меровингов относятся, например, знаменитые «Формулы Маркульфа», составленные, как полагают, в Сен-Дени в промежутке между 688 и 732 гг. Во времена Каролингов были созданы «*Formulae imperiales*» (828—832 гг.). Оба эти сборника вышли из церковной среды⁸.

В канцелярии Священной Римской империи германской нации образцовые формуляры использовались уже в начале XIII в. По наблюдениям чешской исследовательницы С. Душковой, до 60-х годов XIII в. в канцелярии чешских королей преобладали сборники иностранных формуляров, хотя выбор формул зависел от усмотрения нотариусов. Во второй половине XIII в. протонотарий (т. е. главный нотариус) Петр скомпоновал не дошедший до нас формулярник из текстов документов, выданных им самим, и затем при составлении новых грамот заимствовал отсюда целые куски.

Два сохранившихся формулярника московской митрополичьей кафедры возникли в первой трети XVI в. Большое место в них занимают образцы различных митрополичьих посланий. Как полагает Л. В. Черепнин, эти два сборника могли восходить к общему протографу XV в.⁹ Наличие митрополичьих формулярников и отсутствие великокняжеских говорит о значительной роли церкви в составлении письменных актов на Руси. Свообразными формулярниками были позднейшие «письмовники». Они предназначались для широких слоев населения и способствовали выработке определенных стилевых стереотипов. «Письмовники» пользовались популярностью в XVIII и отчасти XIX в. Переводные письменники, восходящие к южнославянским

⁸ См.: *Tessier G.* *Diplomatique royale française.* Paris, 1962. P. 7 (note 4), 61

⁹ См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. С. 18—25; издание формулярника (ГИМ. Синод. 562) см.: *Русский феодальный архив.* М., 1986. [Вып.] 1.

(сербским) образцам, появились на Руси гораздо раньше.

Создание образцовых формуляров безусловно принадлежит к области практической дипломатики, ибо оно было основано на обобщении большого документального материала и требовало от составителей умения критически отобрать наиболее типические редакции актов или посланий определенной разновидности.

Широкой сферой действия практической дипломатики можно считать само составление актов. В этом смысле начало практической дипломатики уходит своими корнями в историю древнего мира. Древний Восток уже знал практику письменного оформления частных сделок имущественного характера и международных соглашений. Эти традиции были продолжены Грецией и Римом, где развитие частной собственности способствовало усложнению и совершенствованию документирования имущественных отношений. Создание раннесредневековых «варварских» государств на развалинах Римской империи не прервало старую практику. Оно даже подняло ее на новую высоту, выдвинув на передний план публично-правовые акты.

Составители актов должны были уметь не только выразить существо сделки, но и облечь соглашение в устоявшуюся правовую форму, строго и в то же время творчески следовать устной процедуре или письменному формуляру. Отступление от них, вызванное теми или иными насущными интересами, ставило перед составителями сложные задачи: найти более подходящий старый формуляр, обновить его в случае необходимости, привлечь документы отдаленного прошлого, прочесть, понять и применить их к данным конкретным обстоятельствам. Выполнение подобных задач было невозможно без определенных навыков чтения актовых текстов и использования актовых формуляров.

Первое практическое знакомство русских с актовыми формулярами произошло, вероятно, в X в., когда составлялись договоры Руси с Византией. При этом византийский канцелярский обычай доминировал, что, однако, не помешало русским отразить в договорах свои условия и требования. На собственно русской почве практика составления актов укореняется в XII в. Впрочем, так называемые церковные уставы Владимира I и Ярослава Мудрого, известные в более поздних, чем время жизни этих князей, редакциях и списках, позволяют думать, что в основе уставов могли лежать

какие-то грамоты, возникшие при Владимире и Ярославле, т. е. в конце X и в XI в.¹⁰

Коснемся, наконец, подложных грамот. Их наличие безусловно свидетельствует о развитии практической дипломатии, ибо подлог нуждался в правдоподобии и, следовательно, требовал известного знания формуляра и реалий актов той эпохи, к которой хотели отнести фальшивку. Разоблачение поддельных документов в Западной Европе наблюдается, как уже отмечалось, с VI в. Значит, и сама практика подделок распространяется по крайней мере с этого времени, если не раньше.

Не вполне выяснено происхождение первоначального текста знаменитого «Константинова дара» («Donatio Constantini», или «Constitutum Constantini») — подложной грамоты, в которой от имени императора Константина I (306—337 гг.) папе Сильвестру I (314—335 гг.) предоставлялась светская власть над всей западной частью Римской империи, включая Италию¹¹. Текст «Константинова дара» впервые появляется в окончательной редакции в так называемых лжеисидоровых декретах — сборнике середины IX в., происходящем из западнофранкского региона Каролингской империи¹². Возможно, ему предшествовал текст более ранней редакции, о которой можно судить по некоторым рукописям IX—X вв. и позднейшим. В современной литературе подчеркивается, что эти рукописи происходят не из Рима и вообще не из Италии.

Первая прямая ссылка на «Константинов дар» в папском послании относится к 979 г., и только Лев IX в 1053 г. впервые использовал «Константинов дар» для заявления претензий папской курии. Впрочем, в 778 г. папа Адриан I, не ссылаясь на какой-либо письменный документ, ставил Карлу Великому в пример Константина, якобы предоставившего римскому папе власть над западными частями империи.

Одним из источников «Константинова дара» могло послужить житие Сильвестра, где говорилось, что на четвертый день после своего крещения Константин дал

¹⁰ См.: Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Новоузенск, 1925. Вып. 1. С. 118; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 126, 127, 192, 193, 198, 199, 209, 279, 287, 288, 305—310.

¹¹ См.: Constitutum Constantini. Text. MG. Fontes iuris Germanici antiqui. 1968. Bd. 10.

¹² См.: Decretales Pseudo-Isidorianae et capitula Angilramni. Lipsiae, 1863. P. 249—254.

папе привилегию, по которой тот признавался первейшим чином среди духовных особ¹³.

В конце XIX в. П. Шеффер-Бойхорст на основании дипломатически-филологического анализа текста «Константинова дара» датировал его временем между 750 и 780 гг. и предположительно отнес к понтификату Павла I (757—767 гг.). Эта датировка была широко принята в литературе. Однако современные специалисты считают, что по языку «Константинов дар» нельзя отнести к периоду ранее IX в. По мнению В. Онзорге, предпосылкой создания «Константинова дара» была коронация Карла Великого императорской короной в 800 г. В. Шлезингер указывал, что титул Константина в «Константиновом даре» соответствует титулу Карла Великого в акте о разделе империи (Divisio regnorum) 806 г. Х. Фурман называет другой возможный для того времени источник заимствования титула Константина: «Collectio Avellana», где титул византийских императоров формулируется почти так же. В целом автор приходит к выводу, что поскольку ни один папа эпохи Каролингов не ссылался прямо на «Константинов дар», а рукописи, содержащие «древнейшую» (лжеисидоровскую) редакцию этого документа, происходят не из Италии, трудно связывать происхождение фальшивки с деятельностью папства в VIII в. Время возникновения и непосредственные причины создания «Константинова дара» Х. Фурман не уточняет. Он полагает, что первоначально этот документ имел значение не грамоты о привилегии, с помощью которой хотели добиться определенных прав, а лишь формы фиксации папского самосознания, и только в XI в. проблема «папство и «Константинов дар» приобрела актуальность.

История поддельных актов на Руси начинается с конца XIV в., когда расширяется сама практика составления актов. К концу XIV в. А. А. Зимин относил возникновение двух подложных новгородских уставов князя Всеволода-Гавриила Мстиславича, княжившего в Новгороде в 1117—1132 и 1132—1136 гг.¹⁴ В. Л. Янин

¹³ Подробнее см.: Fuhrmann H. Das frühmittelalterliche Papsttum und die Konstantinische Schenkung. Meditationen über ein unausgeführtes Thema//XX settimana di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. Spoleto, 1973. T. 1. P. 257—292, 327—329.

¹⁴ См.: Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича//Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия.

считает, что один из этих уставов имел протограф первой трети XIII в., хотя в дошедшем виде был составлен в конце XIII в., другой возник на рубеже XIII—XIV вв.¹⁵ Я. Н. Шапов датирует уставы Всеволода второй третью и концом XIII в., находя в тексте одного из них такие элементы, которые он расценивает как дополнения XIV или даже XV в.¹⁶ Заметным явлением фальшивки становятся со второй половины XVI в. В этот период их изготовление связано с попытками крупных духовных феодалов обосновать исконность своих землевладельческих прав и иммунитетных привилегий, подвергавшихся ограничениям со стороны правительства¹⁷. В конце XVII и в XVIII в. фабрикуются подложные грамоты с целью доказать древность рода определенных светских лиц. Эти фальшивки подавались сначала в Разрядный приказ, а затем в Герольдмейстерскую контору, поскольку грамоты служили основанием для записи в дворянство¹⁸. Аналогичную цель (приобретение шляхетского достоинства) преследовали многочисленные поддельные документы, созданные в XIX в. в Царстве Польском. Часто они вписывались в регистры канцелярии XVI—XVII вв. на имевшихся там чистых листах¹⁹.

Образцом «научных подделок» грамот в XIX в. могут служить фальшивки Н. Н. Головина. Он оставлял в своей коллекции подлинные грамоты фонда «Грамот

М., 1952. С. 123—131; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 3. С. 160—185.

¹⁵ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 89—93.

¹⁶ См.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 170—177; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 153, 158—159; Российское законодательство. М., 1984. Т. I. С. 249, 262.

¹⁷ См.: Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 247—251; *его же*. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 36—37; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970. С. 266—267.

¹⁸ См.: Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Труды Московского государственного историко-архивного института (МГИИИ) М., 1963. Т. 17. С. 399—428.

¹⁹ См.: Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов. Вильнюс, 1985. С. 16—17. Ст. 20.

коллегии экономии», а взамен их изготовлял копии, подделанные под внешний вид подлинника, т. е. написанные схожим с ним почерком, схожими чернилами на бумаге, местами затертой с имитацией следов многообразных прикосновений человеческих рук на протяжении веков. Подделки Головина были разоблачены благодаря анализу бумаги, водяные знаки которой относились не к XV—XVI, а к XVIII в.²⁰

Ограниченность знаний поддельщиков, невозможность привлечь для изготовления подделки весь сопоставимый материал — все это сказывалось как на результатах их работы, так и на методике изучения источников в данной сфере практической дипломатии. Здесь наблюдается не столько систематический подход к материалу, сколько выхватывание отдельных документов и поспешная перекройка их формуляра с учетом лишь некоторых других актов. Бывали случаи, когда одна из подделок становилась «образцовым формуляром» для целого ряда последующих.

2. Зарождение научной дипломатии

Появление научной дипломатии характеризуется совершенствованием методов изучения актов, определенной системой отбора и критики источников, накоплением опыта работы с документами отдаленных эпох, что само по себе расширяло цели исследования, добавляя к задачам чисто практическим или полемическим еще и задачу создания определенной отрасли научного знания, служащего не только интересам сегодняшнего дня.

Зарождение научной дипломатии в Западной Европе относится к XIV в. Подобно основному направлению практической дипломатии, научная дипломатика возникла как учение о подлинности актов. В этом состояла одна из главных черт преемственности научной дипломатии от практической. Не лишена была научная дипломатика в первые века своего развития и ясно выраженных практических целей. В условиях Возрождения экспертиза подлинности феодальных документов приобрела новую социальную направленность, оказав-

²⁰ См.: Чаев Н. С. К вопросу о подделках исторических документов в XIX веке // Известия Академии наук СССР. 1933. VII серия. Отделение общественных наук. № 6—7. С. 485—502; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 13—15.

шись звеном в политической борьбе между нарождающейся буржуазией и феодалами, прежде всего между гуманистами и католической церковью. Наряду с этим сохранила свое значение экспертиза узкопрактического характера, отражавшая старую борьбу внутри лагеря феодалов за земли и привилегии. Научная дипломатика и практическая сосуществовали вплоть до XIX в., часто переплетаясь в единое целое.

Разработка научной дипломатики началась с изучения конкретных документов. Хранитель французского королевского архива Жерар де Монтегю (ум. в 1391 г.) составил целый сборник критических замечаний об актах. Поэт Петрарка в послании к императору Карлу IV (1361) проверил подлинность так называемых привилегий Цезаря и Нерона Австрии, о которых говорилось в подтверждавшей их грамоте короля Генриха IV 1058 г. маркграфу Эрнсту Австрийскому. Итальянский гуманист Лоренцо Валла написал ок. 1443 г. трактат о подложности «Константинова дара». Разоблачая эту фальшивку, он уделил большое внимание филологической критике текста, показал несоответствие ряда понятий и терминов эпохе Константина I²¹. В начале XVI в. специальный трактат о грамотах составил швейцарский юрисконсульт Иоахим де Ватт (1484—1551). Г. Бюде в своих комментариях к Пандектам ссылаясь на грамоты (1508).

Реформация способствовала дальнейшему развитию конкретной дипломатики. Ульрих фон-Гуттен опубликовал в 1517 г. сочинение Л. Валлы и сам выступил с критикой подлинности некоторых папских документов, вызвав ответную реакцию римской курии. Почин Гуттена подхватили славянский гуманист Матвей Франковиц и магдебургские центуриаты, разоблачившие в своей «Истории церкви» (1560—1574) лжедекреталии, которыми папы стремились обосновать церковные привилегии. В ответ на 13-томную «Историю» Франковица в 1578—1583 гг. появилась 12-томная «История церкви», написанная Цезарем Баронием (впоследствии кардиналом), введшим в научный оборот огромный актовый и летописный материал, истолкованный им с позиций римской курии.

В XVII в. широко развернулась публикация документальных источников. В 1626 г. появился сборник,

²¹ См.: Валла Л. Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина/Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии, М., 1963, С. 139—216.

включавший в себя ряд грамот, хранившихся в архиве Сен-Дени. Ценные сборники были изданы во Франции и во второй половине XVII в. (подготовлены к печати Ашри, Балюзом, Мабильоном и др.). Огромное значение имели составленные К. Дюканжем словари средневековой латыни (1678) и средневекового греческого языка (1688), явившиеся капитальными терминологическими пособиями для изучения источников.

На актовом материале основывались работы многих французских, бельгийских, немецких, польских авторов XV — первой половины XVII в., посвященные истории отдельных территорий, княжеств, аббатств и т. п. (Тиллэ, Питу, Луазель, Лувэ, Катель, Тритгейм, Гольдаст и др.).

Вторая половина XVII в. была временем интенсивного развития дипломатики на почве ожесточенной борьбы за права (прежде всего на землю) между духовенством и городами (особенно в Германии после Тридцатилетней войны 1618—1648 гг.), внутри соперничавших группировок духовных и светских феодалов, между государством и привилегированными владельцами земель и замков. Объявляемые подложными, грамоты стали поводом для бесконечных судебных разбирательств. Этот период истории дипломатики получил название «дипломатических войн» (*bella diplomatica*). Чтобы отличить их от последующей острой дискуссии в дипломатике, данный этап ее развития определяют еще в качестве первой «дипломатической войны».

В середине XVII в. господствовало скептическое направление в изучении актов. В 1655 г. англичанин Джон Маршем выступил с тезисом, что чем древнее диплом, тем он подозрительнее. Из полемических сочинений времени, первой «дипломатической войны» наиболее серьезной признается книга немецкого автора, юрисконсульта, медика и политэконома Германа Конринга (1606—1681), которого в Германии считали даже основателем дипломатики.

Появление в 1672 г. работы Конринга было связано с тяжбой о правах между имперским городом Линдау, расположенным на трех островах у восточного берега Боденского озера в Баварии, и Линдаусским женским монастырем Покрова Богородицы, находившимся на одном из этих островов. Монастырь оперировал дипломом, составленным от имени императора Людовика и закреплявшим за монастырем землю, данную ему «для спасения души» якобы Адальбертом, графом

«Sacri Palatii». В дипломе фиксировались также широкие иммунитетные привилегии. Конринг сопоставил диплом Покровского монастыря с целым рядом подлинных дипломов Людовика I Благочестивого, Людовика II (сына Лотаря I) и короля Людовика Немецкого и пришел к выводу, что покровский диплом не мог быть выдан ни одним из этих государей и был на самом деле составлен много позже IX в. Исследователь обнаружил анахронизмы в терминологии фальшивого диплома, показал несостоятельность его хронологии и реалий. Попутно он сделал много ценных наблюдений относительно истории титула императоров Священной Римской империи, истории имперской канцелярии, уделил внимание удостоверительной части дипломов²².

Для труда Конринга характерно сопоставление источников разных эпох и разных видов: помимо дипломов IX в. он привлекал анналы, хроники, а также надписи и грамоты более позднего времени, в том числе XVII в. Автор занимался главным образом внутренней критикой источника, поскольку имел дело с опубликованным текстом. Элементы внешней критики можно усмотреть у него лишь в некотором сравнении типов подписей имени государей в конце дипломов и изображений на печатях.

Конринг отстаивал интересы патрициата города Линдау и всячески пытался доказать подложность опубликованного монастырем диплома, прибегая иногда и к передержкам в критике (он отрицал, например, возможность выдачи диплома женскому монастырю). Принадлежность Конринга к лютеранской церкви являлась, по-видимому, одной из причин его активности в борьбе с католическим монастырем.

Мысль о подложности старинных дипломов, высказанную в общей форме Дж. Маршемом, довел до логического конца иезуит Даниэль ван-Папebroк (1675). Пытаясь разработать общую методику выявления подложных актов, но недостаточно овладев материалом, он поставил под сомнение подлинность документов монастырских архивов, в особенности архива ордена бенедиктинцев, ученые монахи которого и дали отпор Папebroку.

Крупнейшей фигурой среди них был Жан Мабильон (1632—1707), член конгрегации св. Мавра (ученая орга-

²² См.: *Conringius H. Censura diplomatis quod Ludovico imperatori fert acceptum coenobium Lindaviense, Halmestadii, 1672.*

низация бенедиктинцев, существовавшая в 1618—1790 гг.), член Академии надписей (с 1701 г.). В литературе уделялось внимание личности и научным трудам Мабильона. По происхождению крестьянин, он отличался большим научным дарованием и огромным трудолюбием. В трактате о дипломатике (1681) Мабильон рассмотрел очень значительный комплекс актовых источников — преимущественно королевские и императорские грамоты, отчасти папские буллы за время с V до XIII в. включительно²³. Собственно исследовательскими являются первые три книги его труда.

В работе Мабильона дается характеристика основных разновидностей средневековых латинских грамот, анализируются особенности их структуры и «стиля», прежде всего начальных формул — инвокации, интитуляции, инскрипции, — а также признаки канцелярского происхождения. Благодаря систематическому привлечению большого количества источников Мабильон сумел опровергнуть многие положения своих предшественников. Он, в частности, показал несостоятельность утверждения Конринга о том, что формула «Sacri Palatii» появилась только при Фридрихе Барбароссе (1152—1190); согласно Мабильону, она встречается раньше. В трактате Мабильона уделяется большое внимание хронологии и внешним признакам средневековых дипломов — почеркам, печатям и т. д., приводятся изображения целого ряда печатей. Можно сказать, что Мабильоном была впервые широко намечена и проведена внешняя критика актов. Как отметил Т. Зиккель, Мабильон первым предпринял попытку раскрыть функции должностных лиц канцелярии и определить стадии изготовления документа, т. е. он раньше других приступил к изучению механизма работы средневековой канцелярии²⁴.

Труд Мабильона, по праву признанного основателем научной дипломатики, был восторженно встречен учеными Европы, в том числе и Папebroком, и послужил классическим образцом для последующих работ в области дипломатики. Принципы, изложенные Мабильоном, сразу получили признание за пределами Франции — в Испании (Перес, 1688 г.), в Англии (Медокс, 1702 г.; Эндерсон, 1739 г.) и в других странах. Однако

²³ См.: *Mabillon J. De re diplomatica libri sex. Paris, 1681.*

²⁴ См.: *Sickel Th. Beiträge zur Diplomatik. Wien, 1879. Th. 7. S. 5.*

иезуиты, издавна враждовавшие с бенедиктинцами, не оставили труд Мабильона без критики, и в начале XVIII в. в дипломатике вновь возникла острая полемика (*bella diplomatica* № 2). Против принципов Мабильона выступили во Франции иезуит Жермон (1703, 1706), в Англии Хикс, который оспаривал только некоторые положения доктрины Мабильона (1703—1705). Защиту основ новой дипломатики повели сам Мабильон (1704) и его ученики Рюинар и Кустан (1706—1707). Во второй «дипломатической войне» приняли участие многие ученые (кроме указанных итальянцы Фонтанини, Лаццарини и др.).

В первой половине XVIII в. дипломатика получила наибольшее развитие в Италии (Маффеи — 1727 г., Муратори — 1740 г. и др.) и Германии (Бессель — 1732 г., Баринг — 1737 г., Эккард — 1742 г., Гаттерер — 1765 г. и др.).

И. Хр. Гаттерер делил дипломатику на теоретическую и практическую. Он продолжал дальше разрабатывать проблемы внешней критики источника, уделяя большое внимание печатям, подписям, палеографии грамот, аббревиатурам, особенностям языка. Гаттерер рассматривал в частности подложные грамоты и те акты, которые были объектом дискуссии во время «дипломатических войн»²⁵.

В Англии также появились трактаты по дипломатике — английской (Медокс, Эндерсон) и шотландской (Радимэн, 1739 г.). Шестая книга знаменитой «Греческой палеографии» француза Монфокона (1708) была посвящена дипломатическому изучению актов южно-итальянских архивов. В 1750—1765 гг. вышел шеститомный труд французских монахов конгрегации св. Мавра Тустена и Тассена «Новый трактат о дипломатике»²⁶. Он создавался под влиянием политической борьбы середины XVIII в. и в значительной мере был вызван необходимостью доказать подлинность поставленных под сомнение папских булл, в которых закреплялись привилегии руанского аббатства Сент-Уан.

²⁵ См.: *Gattereri I. Chr. Elementa artis diplomaticae universalis cum tabulis XII. aeri incis. Göttingae, 1765. Vol. I; ср. idem. Oratio de artis diplomaticae difficultate. Norimbergae, 1757; idem. Abriß der Diplomatiek. Nürnberg, 1798; idem. Praktische Diplomatiek. Nürnberg, 1799; idem. Epitome artis diplomaticae/Ed. nova et completa curis E. Gätner. Salzburg, 1806.*

²⁶ См.: [Dom Toustin et Dom Tassin]. *Nouveau traité de diplomatique/Par deux religieux Bénédictins de la Congrégation de S. Maur. [Имена авторов не указаны.] P., 1750—1765. T. 1—6.*

Сочинение Тустена и Тассена стало настоящей энциклопедией дипломатики, палеографии, сфрагистики и других вспомогательных исторических дисциплин. Собранный здесь огромный материал в сочетании с широкой эрудицией авторов определил важное значение этого труда. Но хотя Тустен и Тассен обобщили опыт дипломатической практики XVII и первой половины XVIII в. и привели много новых, ранее неизвестных источников, они не внесли существенных изменений в методику Мабильона, а подчас даже не могли подняться до того высокого уровня научной критики, которого он достиг. Авторы не сомневались, например, в подлинности печати Гуго Капета, на которой тот изображался с «рукой справедливости», или «рукой правосудия» (*main de justice*), в правой руке, с державой в левой и в короне с лилиями, хотя еще ученый иезуит Ардуэн не без основания считал эту печать подделкой, указывая, в частности, что изображение «руки справедливости» появляется впервые на печатях Людовика X, т. е. через 300 с лишним лет после Гуго Капета. Тустен и Тассен приводят мнение Ардуэна, но не принимают его²⁷.

Несмотря на недостатки методического характера, труд Тустена и Тассена сыграл довольно заметную роль в развитии науки. Его сразу же перевели на немецкий язык, а Вэн переработал этот обширный трактат в справочник по дипломатике (1774)²⁸, которым пользовались как практическим руководством вплоть до середины XIX в.

На развитие дипломатики в Центральной Европе заметное влияние оказал труд Гаттерера. Он послужил образцом для первых опытов разработки дипломатики в Польше (Г. Улих, 1785 г.) и в Венгрии (М. Шварцнер, 1790 г.; М. Ковачич, 1799 г.). Публикация и исследование актов начались в Швеции (С. Лагербринг, 1749—1758 гг.). С середины XVIII в. дипломатика стала преподаваться в университетах Германии. В Португалии изучение древних дипломов (главным образом с лингвистической точки зрения) вошло с 1772 г. в программу занятий университета в Коимбре, где кафедру

²⁷ См.: [Dom Toustin et Dom Tassin]. *Nouveau traité de diplomatique/Par deux religieux Bénédictins de la Congrégation de S. Maur [Имена авторов не указаны.] Paris, 1759. T. 4. P. 89 (et note 1).*

²⁸ См.: *Vaines J.-F., de. Dictionnaire raisonné de diplomatique, Paris, 1774. Vol. 1—2.*

дипломатики в 1796 г. возглавил крупный специалист по актам Ж. Рибейру. В 1773 г. была учреждена кафедра дипломатической орфографии в Лиссабоне.

В России интерес к сбору и изучению древних грамот отмечен уже в период преобразований Петра I. В связи со стремлением Петра обосновать свое право на императорский титул в 1718 г. в Москве была издана на немецком языке и в русском переводе договорная грамота 1514 г., заключенная между императором Священной Римской империи Максимилианом I и Василием III, который титулуется здесь кайзером (Kaiser), т. е. императором.

А. А. Введенский связывает начало научной дипломатики в России с деятельностью поморских старообрядцев братьев Денисовых. Он считает первым произведением русской научной дипломатики «Поморские ответы» Андрея Денисова (1717)²⁹. Однако в этом полемическом сочинении старообрядцев подвергнуты критике источники неактового характера («Соборное деяние на еретика арменина на мниха Мартина» и «Требник» митрополита Феогноста), что исключало возможность применения здесь формулярного анализа в строгом смысле слова. Наличие в труде Денисова палеографической критики³⁰ не дает, как нам кажется, достаточных оснований для того, чтобы считать автора «Поморских ответов» первым русским дипломатистом, хотя «Поморские ответы» — интересный момент в истории становления вспомогательных исторических дисциплин в России.

Сбором русских письменных источников активно занимались В. Н. Татищев (1686—1750) и Г. Ф. Миллер (1705—1782). В копии Татищева сохранилась, например, грамота Ивана IV Казанскому Илантову монастырю 1557 г.³¹ В своем «Лексиконе Российском», увидевшем свет через 43 года после смерти автора,

²⁹ См.: Введенский А. А. Зарождение и развитие национальной русской дипломатики в XV — начале XVIII в. // VIII наукова сесія [Киевского университета]. Тези доповідей. Секція історії. Київ, 1951; его же. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. (Дипломатика). Киев, 1963. С. 31—40.

³⁰ См.: Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Пг., 1923. Вып. 31 (далее — ЛЗАК); его же. Дополнение к исследованию о поморских палеографах начала XVIII века // ЛЗАК за 1923—1926 гг. Л., 1926. Вып. 33.

³¹ См.: Татищев В. Н. История российская. В 7 т. Л., 1968. Т. 7. С. 385—387. № 171.

Татищев дал определение грамоты, диплома, жалованной грамоты. Он различал документы по разновидностям и по сроку действия. Среди жалованных грамот Татищев отметил такие разновидности, как полетные, тарханные, на кормление. Он провел аналогию между русскими грамотами и латинскими дипломами и патентами. Не ускользнуло от внимания автора и то обстоятельство, что в числе грамот на кормление немало подложных («лживых»)³². О «тарханных» и других грамотах Татищев говорил также в своих комментариях к Судебнику 1550 г.

Весьма подробно с актовыми источниками был знаком и Миллер. В его «портфелях» сохранился в копиях целый ряд актов. Миллер еще в 1760 г. составил предложение³³ об издании корпуса «договоров, конвенций и других публичных актов, заключенных между Россией и иностранными дворами начиная с самых отдаленных времен». Он полагал, что публикация должна осуществляться на русском и французском языках: на первом — для доказательства подлинности документов, на втором — для возможности всеобщего пользования ими. По замыслу Миллера, издание следовало предварить историческим введением с объяснением причин и последствий заключения каждого договора, а также сопроводить все документы историческими комментариями.

Введение в научный оборот русских договоров и конвенций Миллер рассматривал в качестве дополнения (supplement) к зарубежным изданиям и обзорам дипломатических документов, таким, как многотомные публикации подготовленные Дюмоном³⁴, Ламберти³⁵ и

³² См.: Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, СПб., 1793. Ч. 2. С. 81—82, 146, 211—212.

³³ Центральный государственный архив древних актов, ф. 199 (Портфели Миллера), оп. 389, ч. 2, ед. хр. 5, л. 2 (далее — ЦГАДА). Вероятно, писарская копия, без подписи, на французском языке. Заголовок написан другим почерком: Proposition faite en 1760, т. е. «Предложение, сделанное в 1760 г.».

³⁴ Миллер упоминает «Corps Diplomatique de Du Mont». Имеется в виду: Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traités.../Par J. Dumont. Amsterdam, La Haye, 1726—1731. Т. 1—8; Supplement au Corps universel diplomatique du droit des gens... Amsterdam, La Haye, 1739. Т. 1—5.

³⁵ Миллер говорит о «Memoires de Lambertii». Под ними подразумевается следующее издание: Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle, contenant les négociations, traités, résolutions, et autres documens authentiques concernant les affaires

Руссе³⁶. Хотя в данных изданиях фигурируют и некоторые русские документы, писал Миллер, это только сотая доля того, что хранится в архивах; к тому же при копировании, переводе и печатании русских актов нередко допускались ошибки, которые можно было бы исправить по оригиналам.

Реакция правительства на предложение Миллера оказалась замедленной. Только через 19 лет, в указе из иностранной коллегии от 27 мая 1779 г. (за подписью гр. Н. Панина и гр. И. Остермана), Миллеру в соответствии с указом Екатерины II от 28 января 1779 г. вменялось в обязанность готовить собрание дипломатических актов: «Повелено поручить вам имянно, чтоб для российской истории старались вы учинить собрание всех российских древних и новых публичных трактатов, конвенций и прочих подобных тому актов по примеру Дюмонова дипломатического корпуса». В конце указа говорилось: «... когда вам по порядку работы вашей понадобятся новейшего и настоящего времен секретные и публичные акты, то оные все по востребованию вашему отсюда доставлены быть имеют с означением, которые из них должны сохранены быть в непроницаемой тайне». Указ о подготовке «собрания трактатов» попал на достаточно хорошо подготовленную почву. Уже в «доношении» от июля 1780 г. в секретную экспедицию иностранной коллегии Миллер сообщал, что «находящийся при архиве оной коллегии ассессор Николай Бантыш-Каменской сочинил дипломатическое собрание дел, происходивших между российским и польским дворами, выбрав оное кратким перечнем из польских статейных списков с столпцов в свободные от своей при архиве должности дни и часы». Миллер препроводил это сочинение в Петербург в двух экземплярах, из которых один был в двух томах и предназначался для поднесения императрице, а другой отдавался самой коллегии. Из рапорта Миллера в секретную экспедицию той же коллегии мы узнаем, что документы, использованные Н. Бантышом-Каменским, охватывали период от княжения Ивана III до царство-

d'état.../Par [G.] De Lamberty. [1-ère éd.] La Haye, 1724—1740; 2-ème éd. Amsterdam, 1734—1740. Т. 1—14.

³⁶ Миллер называет издание «Recueil des actes et négociations de Roussei». Оно ясно отождествляется с многотомной публикацией: Recueil historique d'actes, négociations, mémoires et traitéz.../Par [J.] Roussei. La Haye, Amsterdam, Leipzig, 1728—1754. Т. 1—21.

вания Михаила Федоровича. В приложениях к обзору Бантыша-Каменского содержались «точные списки с трактатов, на которые в историческом объявлении ссылается». В рапорте Миллера упоминался еще сотрудник архива М. Соколовский, занятый «обстоятельным сочинением о делах с Швециею, зачиная с старейших времен, коего частица о границах уже прежде коллегии подана для Академии наук по ее требованию»³⁷. Миллер лестно отзывался о своих сотрудниках и всячески рекомендовал иностранной коллегии их труды как непосредственно способствующие выполнению указа о создании «российского дипломатического корпуса». Н. Бантыш-Каменский и М. Соколовский служили в архиве иностранной коллегии с 1763 г.³⁸, следовательно, им давно был известен замысел Миллера относительно «дипломатического корпуса». Сам Миллер подготовил обзор сношений России со Священной Римской империей, который он послал в коллегию при «доношении» от 20 августа 1780 г. В «доношении» от 18 марта 1781 г. он сообщал, что сделал обзор сношений между Россией и герцогством Пруссией, а также Бранденбургским курфюршеством с 1517 по 1701 г. Этот обзор автор направил «в пристойном переплете» в коллегию для представления императрице³⁹. Сочинение Миллера было написано, вероятно, по-французски, ибо он предлагал перевести «дипломатический корпус» на русский язык, если этого пожелает императрица. Историк рассчитывал на то, что Екатерина повелит напечатать его труд для ознакомления с ним публики, чем и было вызвано предложение о переводе⁴⁰.

Таким образом, идея «дипломатического корпуса» свелась к составлению документированных обзоров дипломатических отношений, иногда с текстами в приложениях, но не к подготовке сборников документов как таковых. Впрочем, и «Дюмонов корпус», о котором Миллер писал еще в 1760 г., не всегда был публикацией источников в строгом смысле слова. В ряде томов этого издания давался подробный обзор, а не издание документов.

³⁷ ЦГАДА, ф. 199, оп. 389, ч. 2, № 5, лл. 4, 6—6 об., 7 об. Ср.: Валк С. [Н.] Сборник Грамот коллегии экономии. (Историко-графические заметки)//Борьба классов. Исторический журнал. 1924. № 1—2. С. 244.

³⁸ ЦГАДА, ф. 199, оп. 389, ч. 2, № 5, л. 7—7 об.

³⁹ Об этом упоминается в «доношении» от 18 марта 1781 г. (там же, л. 32).

⁴⁰ Там же, лл. 32, 34 об., 36.

Труды сотрудников Московского архива Коллегии иностранных дел по созданию «дипломатического корпуса» не были реализованы в XVIII в. в виде печатных изданий, но они сыграли существенную роль в освоении и интерпретации дипломатических документов, в том числе и международных договоров.

С именем Г. Ф. Миллера и деятельностью возглавлявшегося им Московского архива Коллегии иностранных дел связаны также первые опыты изучения внешних особенностей, формуляра и разновидностей русских публично-правовых актов. Сохранилось в оригинале письмо И. Х. Гаттерера к Миллеру, отправленное из Геттингена и датированное 4 июля 1766 г.⁴¹ Гаттерер, издавший в 1765 г. первый том своего труда «Elementa artis diplomaticae universalis», думал о написании второго тома и, желая расширить круг изучаемых источников, обратился к Миллеру с просьбой ответить на вопросы, касающиеся русских актов. Гаттерера интересовали прежде всего «грамоты» (Urkunden), или «дипломы» (Diplomata). Всего в письме содержалось 11 вопросов. Автор письма спрашивал, когда возникли грамоты в России и какие из древнейших грамот сохранились; на каком языке они написаны — только ли по-русски или также по-гречески; каков был материал для письма — только ли пергамен или и иные материалы; какими чернилами писались грамоты, употреблялось ли золото для письма; как оформляются жалованные грамоты; когда были учреждены теперешние архивы; в одних ли монастырях находились архивы, и т. д. Гаттерер задавал также вопросы о печатях: были ли они лишь восковыми или имелись и золотые, серебряные, свинцовые; каковы были их размеры, форма, надписи на них, изображения; с какого времени употреблялись гербы на печатях; чем отличались государственные печати от печатей духовных особ и частных лиц и т. п. Наконец, немецкий ученый спрашивал о разновидностях (Gattungen) дипломатических источников и использовании формуляров (формул) при их написании, а также о том, с какого времени началось применение формулярников.

Сам Миллер или сотрудники архива при его участии⁴² составили довольно подробные ответы на вопросы

⁴¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 389, ч. 2, № 5, лл. 10—11 об.

⁴² Вероятно, его рукой написаны по-немецки ответы на пять вопросов Гаттерера. Шестой вопрос написан, но оставлен без ответа (ЦГАДА, ф. 199, оп. 389, ч. 2, № 5, лл. 13—14 об.).

Гаттерера⁴³, указав в числе древнейших грамот духовную Ивана Калиты. Из разновидностей дипломатической документации, имеющейся в архиве, были названы указы, раскрипты, министерские реляции (т. е. донесения послов) и пр. Об оформлении жалованных грамот говорилось, что они пишутся на александрийском листе (в XVIII в.). Особенно подробные сведения давались о печатях. Приводились рисунки различных печатей (главным образом княжеских и митрополичьих)⁴⁴.

Архив составил, кроме того, ответ на запрос статского советника И. А. Тауберта о титуле «господаря всея Руси» и случаях титулования Василия III царем⁴⁵. Автором ответа был, видимо, сам Миллер.

Со второй половины 60-х — начала 70-х годов XVIII в. процесс введения актов в научный оборот становится интенсивным. В 1773—1775 гг. выходит в свет «Древняя Российская вивлиофика» (далее — ДРВ) в 10 частях. Ее издателем был Н. И. Новиков. Второе, «вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное» издание ДРВ появилось в 1788—1791 гг. и состояло из 20 частей. Одновременно со вторым изданием ДРВ печаталось «Продолжение «Древней Российской вивлиофики», составившее 11 частей. В ДРВ и «Продолжении» были изданы многие источники разных видов, в том числе и акты: духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные, меновные, межевые и другие грамоты, поручные записи по боярам, приговор земского собора 1566 г. и т. п.

Кроме издания началось и изучение актовых материалов. Договорные, духовные и другие грамоты вели-

⁴³ По поводу этих ответов С. Н. Валк, не ссылаясь на источник, писал: «Наш первый дипломатический труд, принадлежащий перу все того же неутомимого Герарда Миллера и до сих пор неизданный, был написан по инициативе знаменитого Гаттерера и носил название: «О русских древних грамотах, их письме, бумаге, печатях и пр.» (Валк С. [Н.] Указ. соч. С. 244).

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 389, ч. 2, № 5, лл. 17—23, 24—30.

⁴⁵ Там же, лл. 15—16. Ответ на запрос Тауберта не имеет даты, а сам запрос в деле отсутствует. Поскольку, с одной стороны, ответ на этот запрос помещен сразу после записи на немецком языке шести вопросов Гаттерера и ответов на пять из них (лл. 13—14 об.), а с другой — он предваряет русский текст ответов на одиннадцать вопросов Гаттерера (лл. 17—23), можно полагать, что дата запроса Тауберта и ответа на него близка к дате письма Гаттерера, т. е. к 1766 г., хотя подборка документов в деле могла быть и тематической, что не обязательно свидетельствует об их хронологической близости.

ких и удельных князей подверг анализу М. М. Щербатов в своей «Истории российской с древнейших времен», выходявшей с 1770 по 1781 г. А. Т. Николаева, специально исследовавшая приемы работы Щербатова над актами, устанавливает наличие у него элементов критики содержания актов. Щербатов производил сравнительный анализ публично-правовых актов, устанавливал политические причины их появления, предлагал свою, научно аргументированную датировку недатированных документов⁴⁶.

В конце XVIII в. В. В. Крестинин довольно широко использовал частные акты для изучения истории русского Севера⁴⁷.

Таким образом, можно с полным основанием говорить о появлении в России второй половины XVIII в. трудов, ознаменовавших рождение русской научной дипломатики.

⁴⁶ См.: Николаева А. Т. Из истории русского актового источниковедения // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 293—295.

⁴⁷ См.: Крестинин В. В. Исторические заметки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784; его же. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1785; его же. Краткая история о городе Архангельске. СПб., 1792.

ГЛАВА II

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ АКТОВ В XIX—XX ВВ.

Историографии русского акта в полном виде не существует. С. Н. Валк коснулся этапа становления научной дипломатики в России XVIII в.¹ Критические замечания по поводу ряда дипломатических исследований содержатся в монографии Л. В. Черепнина², который написал также специальную статью о так называемой практической дипломатике на Руси XV в.³ Большой материал по историографии русского акта приведен А. А. Зиминым в его неопубликованных лекциях по дипломатике, читанных в 50-х годах в историко-архивном институте⁴. Весьма выборочно затрагивает историографию русского акта А. А. Введенский⁵. А. Т. Николаева уделила внимание вопросу о характере использования актов в «Истории» М. М. Щербатова⁶. В. М. Панеях посвятил статью характеристике вклада С. Н. Валка в советскую дипломатику частного акта⁷.

Автор настоящей работы пытался в общих чертах проследить ход изучения русских актов с 40-х годов

¹ См.: Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8.

² См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.

³ См.: Черепнин Л. В. У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России. (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV—начале XVI в.) // Вопросы архивоведения. 1963. № 1.

⁴ См.: Зимин А. А. Русская дипломатика феодальной эпохи. Машиннопись.

⁵ См.: Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. (Дипломатика). Киев, 1963.

⁶ См.: Николаева А. Т. Из истории русского актового источниковедения // АЕ за 1962 год. М., 1963.

⁷ См.: Панеях В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 10.

XIX в. до 1917 г.⁸ Некоторые итоги развития советской дипломатики до середины 60-х годов XX в. подвел А. И. Копанев⁹. В. В. Фарсобин изучал вопрос о понимании объекта и предмета дипломатики в русской дореволюционной и советской историографии¹⁰. Истории преподавания дипломатики в Петербургском и Московском археологических институтах в конце XIX — первой четверти XX в. посвящены разделы диссертации А. М. Пашкова¹¹. Представитель современной французской историографии В. А. Водов проследил появление публикаций и каталогов русских и русско-литовских средневековых грамот в России и за рубежом в XVIII—XX вв.¹²

1. Русская дореволюционная дипломатика

Как уже отмечалось, во второй половине и особенно в конце XVIII в. трудами Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова и В. В. Крестинина были заложены основы научной дипломатики в России. Интерес к дипломатике и возникновение ее в качестве специальной исторической дисциплины были связаны в конце XVIII — начале XIX в. с процессом развития буржуазных отношений и становлением особой формы буржуазно-дворянского мирозерцания, которая была обусловлена эволюцией дворянства в направлении утраты им черт средневекового феодального класса (свобода от службы, превращение сеньориальной власти в право буржуазно-«рабовладельческой» частной собственности и т. д.). Акты привлекали особенное внимание исследователей прежде всего своим показом юридической стороны отношений собственности, занимавшей видное место в проблематике зарождавшейся буржуазной исторической науки.

Помимо издания актов, начатого еще Н. И. Новиковым в его «Древней Российской вивлиофике» и продолженного составителями «Собрания государственных гра-

⁸ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 659—667; М., 1963. Т. 3. С. 617—627.

⁹ См.: Копанев А. И. Советская дипломатика//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1.

¹⁰ См.: Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 101—118.

¹¹ См.: Пашков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины в архивном образовании в конце XIX — начале XX вв. Автореф. канд. дисс. М., 1984. С. 13—14, 19—20.

¹² См.: Vodoff. W. Les publications et les catalogues de chartes russes et lituano-russes du Moyen Age et du XVI-e siècle//Archiv für Diplomatik. Köln, Wien, 1981. Bd. 27. S. 184—231.

мот и договоров», Амвросием — автором «Истории российской иерархии»¹³ и другими, появились опыты научного комментирования и толкования отдельных актов. Х. А. Шлецер издал две новгородские грамоты, снабдив их комментариями¹⁴. К. Ф. Калайдович выступил с критикой этих комментариев и предложил ряд собственных объяснений¹⁵. Основательный дипломатический и палеографический анализ жалованной грамоты великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода дал Е. Болховитинов, опирающийся на опыт западноевропейской дипломатики конца XVII—XVIII вв. (труды Мабильона и главным образом Гаттерера)¹⁶.

Заметное место в истории актов исторического источниковедения первой половины XIX в. занимает работа С. Г. Саларева, носившая характер обзора некоторых наиболее распространенных разновидностей русских грамот¹⁷. Автор подчеркивал актуальность изучения грамот: «Для объяснения некоторых мест истории нашей знание грамот необходимо»¹⁸.

Теория дипломатики в первой трети XIX в. разрабатывалась весьма слабо. Труд вологодского купца И. Лаптева о «дипломатике» не имел с ней ничего общего, кроме названия (это был небольшой альбом водяных знаков)¹⁹.

В сочинениях Пауловича и Даниловича излагались отдельные наблюдения и принципы западноевропейской дипломатики. Брошюра К. П. Пауловича сводилась к

¹³ См.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1828. Ч. 1—4; М., 1894. Ч. 5; Амвросий. История российской иерархии. М., 1811—1815. Ч. 3—6.

¹⁴ См.: Вестник Европы. 1811. № 23, 24.

¹⁵ См.: Калайдович К. Замечания на объяснения двух грамот новгородских. (Письмо к Х. А. Шлецеру)//Вестник Европы, 1812, № 3. С. 204—232.

¹⁶ См.: [Болховитинов Е.] Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю//Вестник Европы. 1818. № 15—16. С. 201—255.

¹⁷ См.: Саларев [С. Г.] Описание разного рода российских грамот//Вестник Европы, 1819, № 4—5.

¹⁸ Вестник Европы, 1819, № 5, С. 44.

¹⁹ См.: Лаптев И. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков. СПб., 1824. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР, М., 1955. Т. 1. С. 566.

пересказу основ методики Гаттерера²⁰. В статье Даниловича сообщались выводы польского историка и дипломатиста начала XIX в. И. Лелевеля о типах письма, некоторых начальных и конечных формулах и печатях литовских, русских и польских грамот²¹.

М. Т. Каченовский, писавший о дипломатике одновременно с Пауловичем и Даниловичем, называл ее «одною из вспомогательных наук истории и... составною частию критики исторической». Он говорил, что дипломатика «имеет предметом своим дипломы или харатейные памятки, которыми некогда обеспечивались права и обязанности, как общественные, так и частные. Ведомству ее подлежат документы не только подлинные, но и списки с официальными признаками их достоверности, например с подписью имен, с приложением печатей или же если список внесен в официальную книгу дипломов (in diplomataria, chartularia). Достоверность документа прежде всего исследуется (так! — С. К.) графически: разыскатель смотрит, на каком веществе писано, чем, на каком языке и какими буквами, с какими отличительными признаками, когда, где». Причиной актовых подделок Каченовский считал либо «простоту» («глупость»), либо злонамеренность. По мнению Каченовского, подлог может быть раскрыт в одних случаях методом графической экспертизы, в других — также или исключительно посредством анализа исторических фактов.

Таким образом, Каченовский понимал дипломатику как науку о подлинности документов (которую он называл достоверностью, что неточно), пользующуюся приемами, как мы бы теперь сказали, внешней и внутренней критики. Это соответствовало пониманию предмета и задач дипломатики в зарубежной и русской историографии того времени.

Учитывая, что «Русская Правда» не дошла до нас ни в подлиннике, ни в списках с официальными признаками достоверности», Каченовский делал вывод: «Итак, перед строгою и точною разборчивостию дипломатики Правда Русская особой важности для нее иметь не может. Нет надобности даже поверять и графические признаки, когда знаем, что древнейший список Правды новее дву-

²⁰ См.: Паулович К. [П.] Конспект или краткое обозрение дипломатики. Харьков, 1829. О труде Пауловича подробнее см.: Венденский А. А. Лекции... С. 40—58.

²¹ См. Д[анилович]ь. О русской дипломатике//Московский вестник. М., 1829, Ч. 3, С. 68—82.

мя столетиями подлинника — неизвестного никому в целом свете! Что же сказать о разногласии в списках...»²².

Ученик Каченовского М. Гастев писал о дипломатике как науке, изучающей форму источников для выяснения их достоверности²³.

Известно, однако, что дипломатике приходится иметь дело и с такими копиями документов, которые не имеют признаков официального удостоверения. Мы не включаем «Русскую Правду» и другие источники законодательного вида в число объектов дипломатики не потому, что они не дошли в оригинале, а потому, что законы не относятся к актам в нашем понимании, т. е. не представляют собой договора, сделки, в которой участвовали бы определенные контрагенты.

Огромное значение для развития русской дипломатики имели актывые публикации 30-х — начала 40-х годов XIX в.²⁴, продолженные другими фундаментальными изданиями во второй половине 40-х годов и позднее²⁵. Акты, почерпнутые из различных архивохранилищ Российской империи и дотоле совершенно не известные науке, составили солидную источниковую базу для изучения русской истории XIII—XVII вв. Несмотря на то что публикации актов в середине XIX в. были выборочными, т. е. не охватывали весь документальный фонд какого-либо монастыря или иного учреждения за тот или иной период, они все же давали довольно много материала для суждения о существовавших разновидностях грамот, их формуляре и содержании. Поскольку сама наука середины XIX в. была пронизана юридическим подходом к изучению истории социально-экономических и политических отношений и институтов, она вполне удовлетворялась использованием отдельных «образцов» грамот определенной разновидности. Впоследствии прео-

²² К[аченовский] М. Мой взгляд на Русскую Правду//Вестник Европы. 1829. № 14. С. 107—108.

²³ См.: Гастев М. О. О вспомогательных науках для истории//Вестник Европы. 1830. № 19—20. С. 201—202.

²⁴ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4; Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1—5.

²⁵ См.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857—1884. Т. 1—3.

доление юридического метода потребовало нового отношения к сбору и публикации актовых источников.

Наряду с публикациями актов Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в середине и второй половине XIX в. появились серии актовых изданий, посвященных Западной и Юго-Западной Руси, входившей в XIV—XVII вв. в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой²⁶. Во второй половине XIX — начале XX в. была издана большая серия документов, в том числе и актов, по истории Кавказа X—XIX вв.²⁷. С 70-х годов началось издание договоров России с иностранными державами XVII — начала XX в.²⁸. Более ранние международные договоры, заключенные Россией, публиковались в «Собрании государственных грамот и договоров», «Памятниках дипломатических сношений»²⁹, разных томах «Сборника Русского исторического общества», в серийных актовых изданиях, указанных выше, и в других сборниках.

Интенсивное изучение русских актов началось с 40—50-х годов XIX в. Наиболее значительные группы актов постепенно обросли весьма обширной историографией.

В русской дореволюционной науке уделялось большое внимание древнейшим внешнеполитическим актам — договорам Руси с греками. Ф. Круг и И. Ф. Г. Эверс не сомневались в их подлинности. Договорам была посвящена книга Н. Лавровского³⁰, исследовавшего главным образом лингвистические особенности договоров 911(912) и 945(944) гг.³¹. Спорный вопрос о существовании договора 907 г. Лавровский решал положительно, думая, что «договор 907 г. был вполне самостоятельный». Сохранившийся текст договоров Лавровский считал переводным, однако в его труде не объяснено, почему в договоре

²⁶ См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846—1853. Т. 1—5; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863—1892. Т. 1—15.

²⁷ См.: Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1866—1904. Т. 1—12.

²⁸ См.: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами/Составил Ф. Ф. Мартенс. СПб., 1874—1909. Т. 1—15.

²⁹ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851—1871. Т. 1—10.

³⁰ См.: Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.

³¹ Здесь и далее без скобок приводятся даты договоров, принятые авторами.

911 г. много грецизмов, а в договоре 945 г. их почти совсем нет. Автор проделал важную работу по исследованию византийского влияния на построение периодов, на синтаксис и морфологию договорного языка. Аргументация исторического порядка в пользу византийского влияния в договорах отличается у Лавровского меньшей убедительностью. Не вполне доказана его исходная посылка о том, что первоначально был приготовлен один экземпляр договора — на греческом языке.

Строгость формы акта автор не мог объяснить ничем иным, кроме заимствования ее из Византии. Правильно подметив наибольшее отражение византийского влияния во вступлениях и заключениях и наименьшее — в самих статьях, Лавровский недостаточно связывал это обстоятельство с активным участием русской стороны в составлении договоров. В ясности статей он видел прежде всего проявление заботы Византии о том, чтобы императорское правительство всегда имело возможность напомнить Руси насчет ее обязательств.

Автор мало учитывал конкретные условия заключения договоров, однако его отношение к тексту источника было весьма серьезным. Он справедливо предостерегал от принятия ряда мест за описки. Переводчик «в совершенстве разумел свое дело», утверждал Лавровский. После книги Лавровского монографических исследований о договорах Руси с греками не было вплоть до начала XX в., печатались лишь отдельные небольшие статьи.

Историко-правовой подход к анализу договоров наметился в работах 70—90-х годов. В 1870 г. В. В. Сокольский опубликовал свою пробную лекцию, темой которой являлись договоры с греками. Вслед за Лавровским автор признавал так называемый договор 907 г. вполне самостоятельным международным актом. Видя в договоре Игоря «нечто вроде теперешних наступательных и оборонительных союзов», Сокольский совсем иначе оценивал договор Олега 911 г. Он полагал, что в этом документе «устанавливаются не отношения договаривающихся государств друг к другу, но взаимные отношения подданных этих государств»³². Вследствие столь безусловного отнесения всего договора Олега к числу «актов по частному международному праву» игнорировались политические взаимоотношения между Ви-

³² Сокольский [В. В.] О договорах русских с греками//Университетские известия, Киев, 1870, № 4. Отд. 2, С. 3, 4, 12.

зантией и Русью, конкретные обстоятельства составления договора.

Несмотря на примитивность некоторых рассуждений Сокольского о процедуре заключения договоров и об их содержании, автор высказал ряд правильных соображений. Отмечая «грубость нравов» и общее «недоверие», царившее в тогдашнем международном праве, Сокольский считал, что греки в этом отношении были не лучше «северных варваров». Автор отрицал определяющую роль влияния Византии на судопроизводство, а также на уголовное и гражданское право русских, хотя он аргументировал свою мысль только тезисом о русской «необразованности» в X в.: «Необразованный человек неохотно отказывается от своих воззрений на эти части права, воззрений, так тесно с ним сроднившихся».

Попытка изучить правовое содержание договоров принадлежит В. И. Сергеевичу. Подойдя более конкретно, чем его предшественники, к обстановке, в которой происходило заключение договора Олегом, Сергеевич отверг возможность существования особого письменного договора 907 г., считая, что «первый... письменный договор есть договор 911 г.». Сергеевич присоединился к предположению Лавровского о том, что статьи, зафиксированные в летописи под видом договора 907 г., должны были входить в договор 911 г. Сохранившиеся в составе Повести временных лет тексты договоров 911 и 945 гг. Сергеевич считал испорченной редакцией подлинных актов. Только договор Святослава 971 г., по мнению Сергеевича, не возбуждает никаких недоразумений ни по содержанию, ни по форме³³.

Как и Сокольский, Сергеевич оперировал понятием «частное международное право», однако он не относил один какой-либо договор к группе «актов по частному международному праву», различая в договорах публично-правовые и частноправовые статьи. В число последних он включал все постановления, касавшиеся уголовного и гражданского права и процесса судопроизводства. Таким образом, в изучении договоров с точки зрения теории международного частного права Сергеевич сделал заметный шаг вперед по сравнению с Сокольским.

Автор считал, что договорные нормы «частного права» предназначались для регулирования конфликтов

³³ См.: *Сергеевич В.* Греческое и русское право в договорах с греками X века // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. 219. С. 82—115. (Далее — ЖМНП).

между русскими и греками только на греческой территории. Из этого интересного предположения Сергеевич сделал неоправданный вывод о бесспорном господстве греческого права в договорах. Согласно автору, сведения относительно русских обычаев случайно попали во вступления к договорам, они якобы «вносились в договор лишь постольку, поскольку не противоречили стремлению греков возложить узду на примитивные нравы Руси». Отсюда у Сергеевича попытка свести к нулю значение договоров как источников по истории русского права: «Договоры сами по себе ничего не прибавляют к тому, что мы знаем уже о наших древних обычаях на основании других, более чистых источников». Преувеличивает автор влияние византийского права на русское. Договоры, по его мнению, «дают нам новое право, проникнутое греческими понятиями». Сергеевич представляет Византию в виде всесильного диктатора, предписывавшего русским свои законы. «Греки весьма последовательно проводят принцип обуздания северных дикарей»,³⁴ — заявляет он.

Некритическое отношение к договорам характерно для работы Д. Я. Самоквасова, доказывавшего, что договоры между Византией и Русью существовали по крайней мере с IX в. Автор признавал состоявшимся договор 907 г., а все последующие договоры рассматривал как дополнения к нему³⁵.

В 1895 г. договоры 907, 911 и 945 гг. подверглись рассмотрению в статье А. Димитриу, изучавшего эти источники главным образом «со стороны их внешней формы и порядка заключения...»³⁶. Для сравнительного исследования русско-византийских договоров Димитриу привлек опубликованные в 1856 г. Тафелем и Томасом латинские тексты византино-венецианских договоров. По аналогии с последними он полагал, что в русских договорах должны были содержаться обязательства только Руси, а в императорских хрисовулах — обязательства только Византии. Исходя из этой гипотезы, Димит-

³⁴ ЖМНП. 1882. Ч. 219. С. 105. См. также с. 93, 96, 114.

³⁵ См.: Речь проф. Д. Я. Самоквасова на торжественном акте императорского Варшавского университета 30-го августа 1886 года // Варшавские университетские известия. 1886. № 6; *Самоквасов Д.* Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяноруссов к грекам до Владимира Святославича Равноапостольного // Там же.

³⁶ *Димитриу А.* К вопросу о договорах русских с греками // Византийский временник, СПб., 1895. Т. 2. Отд. 1, С. 540.

риу считал погибшим императорский хрисовул 945 г. и расценивал сохранившийся текст договора Игоря как копию с того экземпляра договора, который шел от имени Игоря к Византии. Поэтому автору казалась неправильной точка зрения Сергеевича, думавшего, что в 945 г. Византия обманула простоватых русских; навязав им свои требования.

Согласно Димитрию, первым утвержденным договором Руси с Византией был договор 945 г. Автор категорически отрицал возможность существования договорных отношений между Византией и Русью до 911 г., договор же 911 г. представлялся ему «несостоявшимся»: по мнению автора, Олег не успел, а Игорь не захотел его подтвердить. Форма договоров, полагал Димитрию, была заимствована русскими у греков³⁷.

В 1902 г. Н. П. Некрасов посвятил небольшой исследовательский этюд двум статьям о бегстве раба в договоре 945 г. Углубляя схему Сергеевича, автор пришел к выводу, что договор имеет в виду бегство раба не из Руси в Грецию, как считали Карамзин, Соловьев и Владимирский-Буданов, а от приезжего русского к греку в Греции, причем под лицами, у которых мог укрываться челядин, следует подразумевать русских, живших в Византии постоянно и являвшихся подданными императора³⁸.

Греко-русские договоры X в. стали темой монографии А. В. Лонгинова, вышедшей в 1904 г. Автор применил метод сравнительно-исторического изучения договоров, сопоставляя их юридическое содержание, разделенное им на три части — уголовную, гражданскую и государственную — с позднейшими княжескими договорами, «Русской Правдой», Полицким Статутом, Прохироном, капитуляриями Карла Великого, Уложением Борнория II Чешского, Судебником 1468 г. Казимира Польского и др.³⁹ Однако все эти сравнения носили формальный характер и не позволили автору вскрыть особенности договорного права и причины заключения договоров.

На материале договоров автор хотел доказать, во-первых, исконность «взаимной любви двух великих на-

ций», покоящейся «на божественной поддержке», во-вторых, то, что «Греция в X веке стала обращаться к Руси как к равносильному ей и справедливому государству». В равносильности и справедливости Руси X в. Лонгинов видел результат деятельности варяжских князей, которые якобы «поселяли среди подвластного населения выработанные высшей цивилизацией правовые понятия». Следствием подхода к договорам с таких предвзятых позиций явилось стремление автора не только признать заключенными все греко-русские договоры X в. (в том числе договоры 907 и 912 гг.), но и высказать предположение о существовании русско-византийских договоров с 30-х годов IX в.⁴⁰ Лонгинов пытался проследить дальнейшее развитие договорных отношений между Византией и Русью. Он полагал, что договор 971 г. был подтвержден с дополнениями в 978 г. Ярополком⁴¹.

Автор явно преувеличивал значение договоров, ставя их по важности выше всех остальных уцелевших отечественных памятников письменности домонгольского периода. Особенное внимание Лонгинова привлекали договорные статьи, обеспечивавшие взаимную выдачу «злодеев», причинявших «весьма значительный вред частным лицам или государству своими «проказами». Эта «правда» и стяжала России, по мнению автора, славу «справедливого государства»⁴².

Содержащееся в летописи противопоставление Киева другим русским землям Лонгинов ошибочно считал искусственным и утверждал, что в договорах 912 и 945 гг. «закон русский есть закон общий для всех племен, обитавших в пределах Русского государства и состоявших в подданстве у великого князя русского»⁴³.

От взглядов Лонгинова резко отличалась концепция А. С. Мулюкина, целиком поддерживавшего воззрения В. И. Сергеевича. По Лонгинову, договоры проводят *jus tertio*, предоставляя право преследования, суда и наказания преступника тому государству, в пределах которого возникло преступление, причем имеется в виду как Греция, так и Русь («взаимная выдача злодеев») ⁴⁴. Мулюкин, напротив, склонялся к мысли, что местом действия всех договорных статей являлась Греция. Автор

³⁷ См.: Византийский временник. СПб., 1895. Т. 2. Отд. 1. С. 539, 545—546, 549—550.

³⁸ См.: Некрасов Н. Заметка о двух статьях в договоре Игоря с греками 945 г. // Известия Отделения русского языка и словесности. 1902. Т. 7. Кн. 3. С. 82—83.

³⁹ См.: Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке, Одесса, 1904. С. 116—117; ср. с. 40,

⁴⁰ См.: Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. С. 3, 18, 37—63.

⁴¹ См. там же. С. 112; ср. с. 112—114.

⁴² См. там же. С. 1, 160.

⁴³ Там же. С. 8.

⁴⁴ См. там же, С. 159—160.

аргументировал свое мнение тезисом о невежестве и бедности Древней Руси, куда грекам якобы не за чем было ездить по торговым делам, все необходимое само приходило «к воротам Царяграда и настоящее назойливо просило о торговле... т. е. размене привезенного на золото и паволоки, что грекам приходилось обуздывать наглость являвшихся оружием или договорами»⁴⁵. Значение договоров, согласно Мулюкину, как раз и состояло в обуздании греками северных дикарей, в ограничении сношений между Византией и Русью.

Образцом формалистического изучения договоров была изданная в 1910 г. большая монография Г. М. Бараца, который на основании «филологической, преимущественно конъектуральной (дивинаторной) критики»⁴⁶ дал произвольную, крайне субъективистскую реконструкцию «первоначального текста» договоров, казавшихся ему в летописном изложении «бестолковым словосплетением». Встав на путь абстрактно-юридического сравнения разновременных исторических источников, Барац пришел к выводу о господствующем влиянии в договорах «моисеево-талмудического права». Еще в дореволюционной историографии были подвергнуты критике концепция Бараца и его дивинаторный метод⁴⁷.

Появившаяся в 1915 г. статья А. А. Шахматова о греко-русских договорах X в. отличалась от предшествующих работ новым подходом к исследованию договоров — попыткой поставить их в тесную связь с историей древнерусского летописания. Поддерживая мнение ученых, считавших дошедший текст договоров переводом с греческого, Шахматов подчеркивал: «Перед нами не рабский перевод с греческого оригинала, а сознательная его переделка в определенных редакционных целях»⁴⁸. Шахматов полагал, что восстановление точного смысла и происхождения договорных статей 911 и 945 гг. возможно «только путем возведения их текста к греческим оригиналам, представлявшим иную редакцию, чем ори-

⁴⁵ Мулюкин А. С. К вопросу о договорах русских с греками // Журнал Министерства юстиции. 1906, сент. С. 104 (далее — ЖМЮ).

⁴⁶ Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. VI.

⁴⁷ См.: Мейчик Д. Русско-византийские договоры // ЖМНП, 1915. Июнь. С. 354—361, 368—372.

⁴⁸ Шахматов А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества. Пг., 1915. Вып. 8, С. 402.

гиналы русские»⁴⁹. Первым заключенным договором автор признавал договор 911 г.

В 1915—1917 гг. с работой, посвященной греко-русским договорам, выступил Д. М. Мейчик⁵⁰, который вопреки Барацу справедливо отмечал необходимость конкретно-исторического изучения каждого договора. «Автору казалось, — упрекал он Бараца, — что ему нужно дать единое нераздельное целое, своего рода синтез русско-византийского международного права X века, тогда как ему надлежало поднести читателю четыре самостоятельных акта, отделенных друг от друга большим или меньшим промежутком времени»⁵¹. Мейчик во многом разделял взгляды Лавровского. Он не сомневался в «руководящем значении греческого элемента» в договорах и преуменьшал роль русского права.

Разбирая выражение статьи 5 договора 911 г. «по закону русскому», автор поспешил объявить его лишенным «делового значения»: «Раз норма принята по взаимному соглашению, она тем самым уже перестает быть исключительно русской или греческою». Однако Мейчик не руководствовался этой посылкой при изучении статей, которые представлялись ему взятыми из византийских кодексов. Договор 907 г. (или 922 г.) автор считал самостоятельным актом и возражал Шахматову, видевшему в так называемом договоре 907 г. интегральную часть договора 911 г.⁵² Исследование Мейчика представляет собой постатейные лингвистические и юридические комментарии, не вскрывающие существа социальных и политических отношений, заключенных в договорах. Его изложение доведено до ст. 12 договора 911 г.

Таким образом, в начале XX в. можно отметить три различающихся по своей методике направления в изучении договоров. Для одного из них был характерен историко-правовой анализ отдельных статей — продолжение линии Сергеевича (Н. П. Некрасов, А. С. Мулюкин, Д. М. Мейчик). Новым являлся сравнительно-юридический анализ содержания актов, которое сопоставлялось с нормами права других памятников, как русских, так и иностранных (А. В. Лонгинов, Г. М. Барац), однако

⁴⁹ Шахматов А. Указ. соч. С. 407.

⁵⁰ См.: Мейчик Д. Русско-византийские договоры // ЖМНП, 1915. Июнь. С. 349—372; Октябрь. С. 292—317; Ноябрь. С. 132—163; 1916. Март. С. 89—128; Ноябрь. С. 57—82; 1917. Май. С. 26—46.

⁵¹ ЖМНП, 1915. Июнь. С. 361.

⁵² См. там же. 1915. Окт. С. 295; 1916. Март. С. 91.

этому методу не хватало четкости критериев, что вело подчас к произвольным построениям (Барац). Наконец, возник текстологический метод, заключавшийся в рассмотрении текстов договоров в непосредственной связи с историей летописания (А. А. Шахматов). Наиболее важным итогом изучения договоров в дореволюционной историографии было, по нашему мнению, распространение на них сравнительно-документоведческого (Димитриу) и текстологического (Шахматов) методов исследования.

Помимо договоров с греками в дореволюционной историографии неоднократно подвергались изучению ярлыки татарских ханов русским митрополитам. Начало углубленному изучению ярлыков положила опубликованная в 1842 г. работа крупного русского ориенталиста В. В. Григорьева, который задался целью доказать достоверность этих актов⁵³.

В 1850 г. появилась статья И. Д. Беляева, посвященная выяснению состава ханских чиновников, посылавшихся в Россию. Автор сравнивал свидетельства ярлыков с летописными показаниями, но не дал источниковедческого анализа ярлыков⁵⁴.

Много нового внес в понимание ярлыков А. А. Бобровников, изложивший результаты своих наблюдений в 1861 г. в письме к В. В. Вельяминову-Зернову. Бобровников связал вопрос о ярлыках с вопросом о «монгольских подписях» на русских актах. Он пришел к выводу, что эти подписи были сделаны не монгольскими чиновниками, а митрополичьими дьяками из желания скрепить акт «тайными» словами, усилить его значение и уберечь от подлога. С установлением этого факта, заключал далее Бобровников, «падает и вся теория о контроле ханских чиновников над нашими внутренними и частными делами». По мнению Бобровникова, ханские ярлыки переводились не в Орде, а на Руси. Слово «велиции» наводило его «на предположение, что в числе древних ярлыков были писанные квадратными буквами, по крупному почерку которых и малые ярлыки могли казаться велициями»⁵⁵.

⁵³ См.: Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842. См. также сб.: Россия и Азия. СПб., 1876. С. 170—258.

⁵⁴ См.: Беляев И. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1. Отд. 1. С. 97—110.

⁵⁵ Бобровников А. А. О монгольских подписях на русских актах//Известия Археологического общества, СПб., 1861. Т. 3. С. 28.

И. Н. Березин использовал ярлыки как иллюстративный материал для характеристики улуса Джучи⁵⁶.

После работ Бобровникова и Березина ярлыки надолго выпали из сферы источниковедческого исследования. В 10-х годах XX в. их изучением занялись Н. И. Веселовский и М. Д. Приселков. Веселовский углубился главным образом в трактовку отдельных неясных терминов⁵⁷.

Монография М. Д. Приселкова, изданная в 1916 г., отличается более широкой постановкой вопросов. Сам подход к анализу ярлыков сразу выдавал в Приселкове ученика А. А. Шахматова. Приселков пошел по верному пути, отказавшись от метода изолированного изучения отдельно взятых ярлыков. Он установил существование трех коллекций ханских ярлыков (краткой, пространной, смешанной) и рассматривал прежде всего «не отдельные ярлыки, а целый памятник, составленный не из одних только ярлыков»⁵⁸. Происхождение этих коллекций Приселков связывал с борьбой митрополичьего дома за сохранение церковного землевладения.

Краткая коллекция, или краткая редакция, появилась, по его мнению, после собора 1503 г., отвергшего секуляризационную программу Ивана III. Цель ее, считал Приселков, заключалась в противопоставлении мягкого поведения татарских ханов секуляризаторской политике московских князей. Согласно автору, пространная редакция возникла во время написания митрополитом Макарием ответа Ивану IV о недвижимых имуществах церкви, т. е. в 1550 г., в результате обработки краткой редакции; она «пыталась доказать то, чего не существовало: полной неприкосновенности церковного имущества от князей по прямой на то воле хана, выражаемой и повторяемой в ярлыках с настойчивостью»⁵⁹.

Установив политические мотивы происхождения коллекций и факт определенного тенденциозного подбора и редактирования ярлыков, Приселков внес крупный вклад

⁵⁶ См.: Березин И. Очерк внутреннего устройства улуса Джучева//Труды восточного отделения Археологического общества, СПб., 1864, ч. 8, с. 387—494.

⁵⁷ См.: Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству//Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина, СПб., 1909, с. 525—536.

⁵⁸ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам, Пг., 1916, с. 9.

⁵⁹ Там же. С. 48.

в дело изучения названных памятников, хотя некоторые его предположения (например, о времени составления первой коллекции) не подтвердились новейшими исследованиями.

В своей рецензии на монографию Приселкова Н. И. Веселовский, не поняв значения этого труда, критиковал автора главным образом за широту выводов о повинностях и юрисдикции, которые, по мнению рецензента, не оправданы вследствие того, что в ярлыках почти все переведено неточно или неправильно. Веселовский упрекал Приселкова в переоценке ярлыков как источника и считал недопустимым дополнять их показаниями свидетельства летописей. Не удовлетворившись объяснением причин выдачи ярлыков, имеющимся в книге Приселкова, Веселовский справедливо отверг тезис о заботе ханов о церкви как побудительном мотиве предоставления ярлыков. Однако сам Веселовский дал не менее идеалистическую трактовку этого вопроса: «Монгольские императоры из-за свойственной шаманистам религиозной трусости освобождали всех духовных лиц всех исповеданий от податей и повинностей»⁶⁰.

Следовательно, успехи русского востоковедения в начале XX в. позволили приступить к терминологическому анализу русских переводов ярлыков и к изучению степени точности перевода (Н. И. Веселовский), а шахматовский текстологический метод открыл новые перспективы исследования происхождения и достоверности содержания ярлыков (М. Д. Приселков).

Среди других публично-правовых актов изучались духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. В 1858 г. было опубликовано специальное исследование Б. Н. Чичерина, посвященное этим источникам. Чичерин не столько пытался дать внутреннюю и внешнюю критику духовных и договорных грамот, сколько стремился иллюстрировать ими свою концепцию о периоде «гражданского общества» на Руси, когда, по его мнению, междукняжеские отношения не носили уже характера только кровных связей, но и не превратились еще в государственные отношения, а определялись личной волей государей. Отмечая исключительное господство этой личной воли завещателя («частного права») в ранних духовных грамотах, Чичерин наблюдал посте-

⁶⁰ Веселовский Н. Рецензия на книгу М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам»//ЖМНП, 1917, Март — апрель. С. 118.

пенное развитие государственных правовых норм в великокняжеских духовных начиная с середины XV в., а в духовной Ивана Грозного видел «окончательное торжество государя»⁶¹.

При анализе договорных грамот Чичерин справедливо подверг критике устаревшую «родовую теорию», указав, что «степени определялись не одним родством, не естественным только происхождением, но и могуществом того или другого князя». Однако автор неосновательно отрицал наличие государственных отношений между княжествами, которые рассматривались им как «независимые друг от друга нравственные лица», связанные личным договором⁶².

После работы Чичерина долго не появлялось специальных исследований о духовных и договорных грамотах.

В 1892 г. В. Н. Дебольский опубликовал статью, посвященную княжеским договорным грамотам со времен Семена Гордого. Заслугой Дебольского является то, что он, разбирая договорные грамоты в юридическом плане, сумел тем не менее подойти с конкретно-исторических позиций к объяснению отдельных статей, включенных в определенные договоры. Происхождение некоторых договоров он в известной мере обуславливал конкретной политической борьбой. Дебольский полностью разошелся с Чичериным в оценке договоров между великими князьями, рассматривая их как «договоры двух независимых государей различных государств», т. е. как договоры международные⁶³.

Про отношения великих и удельных князей Дебольский писал: «Нам кажется, что это сперва были отношения родственные, а потом отношения вассала к суверену». Договоры великих князей с удельными не принадлежали, по его мнению, к категории актов, заключенных между двумя государствами («они совсем не имеют международного характера») ⁶⁴. Таким образом, в этом вопросе Дебольский пошел на некоторый компромисс с концепцией Чичерина. В 1901—1902 гг. В. Н. Дебольским

⁶¹ Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 260, ср. с. 254—259.

⁶² См. там же. С. 299, 301, ср. 329, 334, 336.

⁶³ См.: Дебольский В. Н. Древнерусские междукняжеские отношения по договорам//Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 49—50, 52, 56, 64—65.

⁶⁴ См. там же. С. 60; см. также с. 65.

было выпущено два небольших очерка, где автор на основании изучения духовных и договорных грамот (до 1504 г. включительно) и писцовых книг конца XVI в. устанавливал географическое положение городов, сел, волостей и станов, упомянутых в духовных и договорных грамотах. Свое описание автор сопроводил многочисленными эскизами карт⁶⁵.

Всестороннему анализу как источники по политической и социально-экономической истории духовные и договорные грамоты не подвергались, хотя ранняя работа С. В. Бахрушина о княжеском хозяйстве, написанная преимущественно на основании духовных грамот, немало продвинула вперед анализ содержания этих источников⁶⁶. С филологической точки зрения новгородские договорные грамоты изучал А. А. Шахматов, считавший, что в основе их лежал какой-то общий текст XII в.⁶⁷

В целом же в дореволюционной историографии не было найдено достаточно перспективных путей изучения происхождения, формы и содержания княжеских духовных и договорных грамот. Это же относится и к жалованным грамотам.

К последним буржуазная историческая наука проявляла значительный интерес. Еще дворянская славянофильская историография в лице К. С. Аксакова стремилась использовать жалованные грамоты для доказательства того, что в «старые добрые времена» существовали «свободные» отношения между землевладельцами и крестьянами⁶⁸. Жалованные грамоты привлекали буржуазных исследователей прежде всего необычайным богатством своего юридического содержания. Известный историк-правовед К. А. Неволин полагал, что жалованные грамоты не создавали привилегии, а лишь закрепляли сложившиеся отношения⁶⁹.

⁶⁵ См.: *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901—1902. Вып. [1]—2.

⁶⁶ См.: *Бахрушин С.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. 2. С. 563—604; *его же.* Научные труды. М., 1954. Т. 2.

⁶⁷ См.: *Шахматов А.* Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886. С. 229.

⁶⁸ См.: *Аксаков К.* О состоянии крестьян в древней России // Соч. М., 1861. Т. 1. С. 415—494, особенно с. 418.

⁶⁹ См.: *Неволин К. [А.]* О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб., 1847. С. 202; *его же.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 2. С. 149—151.

Попытку дать систематическое изложение основных правовых норм, зафиксированных в жалованных грамотах, сделал В. А. Милютин. Он отметил составные части жалованных грамот XIV—XVII вв., рассмотрел разные формы их подтверждения⁷⁰.

К сочинению Милютина близка по теме и методу работа А. Н. Горбунова о жалованных грамотах монастырям и церквам XIII—XV вв. Первая часть ее увидела свет одновременно с монографией Милютина — в 1860 г.⁷¹ Горбунов использовал опубликованные к тому времени источники, т. е. свыше 200 жалованных грамот XIII—XV вв., и произвел опыт их классификации. Классификация Горбунова в известной мере учитывала деление жалованных грамот на акты, предоставляющие земельные пожалования; и акты, фиксирующие разного рода финансовые и судебные привилегии («вотчинные», «льготные», «вотчинно-льготные»). В этом ее достоинство. Но были в схеме автора и искусственные группы, произвольно выпавшие из рубрики «вотчинных» или иммунитетных (например, «жалованные грамоты, имеющие вид гражданских сделок князя с монастырем»).

Другим недостатком классификации Горбунова являлось отсутствие в ней указаний на конкретные разновидности жалованных грамот. Разбор содержания жалованных грамот носил у Горбунова такой же описательный характер, как и в сочинении Милютина. Вывод «средние» нормы иммунитета XIV—XVII вв. (Милютин) и XIII—XV вв. (Горбунов), исследователи не могли показать развитие экономической и политической власти феодалов.

В 60—70-х годах XIX в. вопросы, связанные с жалованными грамотами, были затронуты в трудах Н. Л. Дювернуа и М. И. Горчакова. Дювернуа⁷² поддерживал мнение некоторых западных и русских историков (в том числе Горбунова) о личной милости князя как главном побудительном мотиве выдачи грамот и подчеркивал «в высшей степени случайный» характер иммунитетных

⁷⁰ См.: *Милютин В.* О недвижимых имуществе духовенства в России // Чтения ОИДР. 1859. Кн. 4; 1860. Кн. 3; 1861. Кн. 1—2. См. также отдельное издание 1862 г. (М.). С. 165—272.

⁷¹ См.: *Горбунов А. Н.* Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII—XIV и XV веках // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1; 1863. Кн. 5; М., 1869. Кн. 6.

⁷² См.: *Дювернуа Н.* Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 262; ср. с. 261—265, 350.

актов. Горчаков, исходя из той же посылки, стремился доказать на материале жалованных грамот существование в средневековой Руси обоюдного уважения и согласия между представителями духовной и светской власти⁷³. Челобитьями заинтересованных лиц объяснял выдачу жалованных грамот В. И. Сергеевич⁷⁴. П. И. Беляев, оставаясь на почве концепции, считавшей иммунитетные грамоты формой «изъятия, *lex griva*», рассматривал их как документы, преследовавшие чисто управленческие цели. Поэтому он зачислял их в одну группу с уставными, земскими и губными, пытаясь найти общий источник всех этих разновидностей грамот⁷⁵.

Иную точку зрения высказал Н. П. Павлов-Сильванский, полагавший вслед за К. А. Неволлиным, что жалованные грамоты оформлялись в основном уже сложившиеся политические отношения. Русские жалованные грамоты XV в. Павлов-Сильванский сравнивал с западными иммунитетными дипломами периода «высокого» средневековья (VII—IX вв.). Этим ему в значительной мере удалось подтвердить мысль об однотипности содержания русских и западных иммунитетов. Однако и Павлов-Сильванский не смог выйти за рамки абстрактно-юридического изучения жалованных грамот, он не связывал их выдачу с определенными конкретно-политическими мероприятиями княжеских правительств⁷⁶. Оппонентом Павлова-Сильванского был В. И. Сергеевич, считавший, что именно жалованные грамоты создавали иммунитет⁷⁷.

В книге В. А. Панкова, изданной в 1911 г., давался обзор жалованных грамот (до конца XVI в.) по княжествам⁷⁸. Автор использовал лишь акты, напечатанные в наиболее известных публикациях. Работа Панкова носила в целом иллюстративный характер.

⁷³ См.: Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871. С. 250, 253, 258.

⁷⁴ См.: Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. Т. 1. С. 228—233; *его же*. Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 291, 292, 297.

⁷⁵ См.: Беляев П. И. Источники древнерусских законодательных памятников//ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 136, 139.

⁷⁶ См.: Павлов-Сильванский Н. Иммунитеты удельной Руси в сравнении с западными//ЖМНП. 1900. Дек. С. 318—365; *его же*. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 281 и след.

⁷⁷ См.: Сергеевич В. [И.] Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 291, 292, 297, 308, 313, 471—475.

⁷⁸ См.: Панков В. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. СПб., 1911.

Порядок оформления жалованных грамот в XVII—XVIII вв. рассматривал В. К. Лукомский⁷⁹. В обобщающей статье С. А. Шумакова о русских грамотах, изданной в качестве введения к четвертому выпуску его «Обзора «Грамот коллегии экономии», жалованным грамотам уделялось значительное внимание. Вслед за Беляевым Шумаков сближал жалованные грамоты с грамотами правительственного управления — уставными, губными и земскими, — но в отличие от Беляева выводил управленческие грамоты из более ранних — жалованных. Все указанные разновидности грамот Шумаков расценивал как «хартии вольностей отдельных классов... вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы». При выдаче грамоты в качестве «решающего момента» выступает, по мнению Шумакова, не юридическая фикция добровольности дачи грамоты, а юридическое закрепление грамотой фактического переворота и сдвига, явившегося результатом классовой борьбы. В мысли Шумакова было много верного, но «классовую борьбу» он усматривал главным образом во внутриклассовой борьбе «боярства» и «дворянства»⁸⁰.

Подход к жалованным грамотам в течение ряда десятилетий оставался по преимуществу юридическим. Взгляд на причины появления жалованных грамот менялся (милость князей — в историографии 50—70-х годов XIX в., челобитья заинтересованных лиц — в историографии 80-х годов, задачи управления, ограничения иммунитета — на рубеже XIX—XX вв., перипетии внутриклассовой борьбы — в литературе 1916—1917 гг.), однако общей чертой историографии всех этих периодов было игнорирование конкретной истории выдачи грамот, эволюции иммунитета. Работы 50—60-х годов XIX в. (В. А. Милютин, А. Н. Горбунов), где выводились «средние» нормы иммунитета по жалованным грамотам, не были заменены какими-либо капитальными источниковедческими трудами, основанными на ином методе.

Кроме жалованных грамот буржуазное источниковедение занималось грамотами, оформлявшими ход древнерусских судебных процессов. Много внимания уделялось самой классификации этих источников.

В 1848 г. А. А. Федотов-Чеховский произнес в Киевском университете речь о форме и содержании правых

⁷⁹ См.: Лукомский В. К. Жалованные грамоты XVII—XVIII веков//Старые годы. 1913. Июль — сент.

⁸⁰ См.: Шумаков С. [А.] Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 3—9.

грамот. Он основывался лишь на документах, изданных в 1838 г. в «Актах юридических». Дав статистику распределения правых грамот по царствованиям, Федотов-Чеховский остановился на классификации судебных грамот и их структуре. Он подчеркивал различие между правой грамотой и судным списком⁸¹, причем весь разбор документов велся в формально-юридическом плане.

В 1855 г. была опубликована статья И. Д. Беляева, в которой давались характеристика и определение правой грамоты, судного списка, докладного судного списка и бессудной грамоты⁸². В 1898 г. появилась работа П. И. Беляева, снова поставившего вопрос о судебных грамотах. Автор подчеркивал, что правые грамоты и судные списки в основном отражают только те тяжбы, где одной из сторон было привилегированное лицо (обыкновенно монастырь), которому княжеская власть предоставляла право судиться специально назначенным судьей⁸³. Судебные документы не подвергались в этот период исследованию в качестве источников по истории классовой борьбы.

Особенным вниманием в дореволюционной дипломатике пользовались уставные наместничьи, а также губные и земские грамоты, в содержании которых находили материал для аналогий с земским самоуправлением XIX в. При изучении именно этих источников получил самое яркое, классическое воплощение метод «сводных текстов». Он выражался в том, что из текстов какого-то числа актов определенной разновидности выводился искусственный «сводный текст» — абстрактный формуляр актов данной разновидности. Широкое распространение этого метода в период с 40-х годов XIX в. до начала XX в. было следствием господства юридической школы, для которой цель исследования актов заключалась в выведении вневременной средней нормы права. Отсюда механистичность в изучении актов, неспособность про-

⁸¹ См.: Федотов-Чеховский А. Речь о форме и содержании правых грамот, читанная в торжественном собрании Университета св. Владимира 10 октября 1848 г. Киев, 1849. С. 24—33, 48—57.

⁸² См.: Беляев И. Списки судные и докладные и грамоты правые и бессудные в Московском государстве//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855, Кн. 2, первая половина, отд. 3. С. 115—128.

⁸³ См.: Беляев П. Специальное назначение судей и судебная грамота в древнем русском процессе (сравнительный очерк)// Сборник правоведения и общественных знаний, М., 1898, Т. 8, С. 1—16.

следить их эволюцию и связь с социальным развитием страны.

В 1846 г. студентом-юристом В. Ерлыковым был составлен и опубликован сводный текст губных грамот. В предисловии автор указывал, что «здесь из всех этих грамот составлена одна»⁸⁴. Сводный текст Ерлыкова был чрезвычайно схоластическим. Аналогичная попытка составления сводного текста уставных грамот принадлежит Ф. Высоцкому, выступившему со своей работой накануне отмены крепостного права⁸⁵.

В 70-х годах XIX в. Н. П. Загоскин посвятил специальное исследование Двинской и Белозерской уставным грамотам, а также уставным грамотам, которые были получены в XVI в. отдельными группами крестьян, рыболовов, бобровников и т. п. Работа Загоскина состояла из двух частей. В первой автор давал описание каждой грамоты с указанием в некоторых случаях политических мотивов выдачи акта. Во второй части Загоскин выводил «сводный текст» уставных грамот, где постановления всех грамот были систематизированы по разделам⁸⁶. Такая схема помогала четче представить себе характер юридических норм, заключенных в грамотах, однако в ней вполне конкретные и разновременные акты заменялись голой абстракцией, фикцией никогда не существовавшего документа.

В уставных грамотах автор находил прежде всего «значение земское», придававшее им характер «святыни». Сущность этих грамот заключалась, по мнению Загоскина, «в стремлении установить прочные отношения между элементами управляемым и управляющим, в стремлении сгладить противоположность интересов их в тех жизненных отношениях, в которых эта противоположность угрожает неблагоприятными последствиями»⁸⁷. Аналогичные взгляды до Загоскина высказывались в 1869—1870 гг. Н. Дювернуа и А. Градовским.

Следовательно, в представлении буржуазно-либеральной историографии роль уставных грамот, проводящих

⁸⁴ Ерлыков В. Сличенный текст всех доселе напечатанных губных грамот XVI и XVII века. М., 1846. С. 1.

⁸⁵ См.: Высоцкий Ф. Уставные, судные и губные грамоты. СПб., 1860.

⁸⁶ См.: Загоскин Н. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Казань, 1876. Вып. 2. Тот же метод в книге М. Н. Ясинского, посвященной уставным грамотам Литвы (см.: Ясинский М. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889).

⁸⁷ Загоскин Н. Указ. соч. Вып. 1. С. 54.

«земское начало», сводилась прежде всего к тому, чтобы сгладить классовые противоречия. Не случайно уставные грамоты были подняты на щит либеральной историографией именно в 60—70-х годах, когда правительственные реформы; в том числе земская, рекламировались как средство улучшения жизни всего народа.

Сводные схемы актов имели свое оправдание и некоторое положительное значение в моменты их возникновения, но вместе с тем, возведенные юридической школой в догму, они тормозили дальнейшее изучение актов с конкретно-исторических позиций.

В середине 90-х годов XIX в. в либеральной буржуазной историографии вновь появляются исследования, посвященные уставным грамотам. С. А. Шумаков избрал темой своей монографии губные и земские грамоты, сам факт возникновения которых он рассматривал как результат возрождения в XVI в. древнерусских народных начал. Шумаков упорядочил классификацию и углубил юридический анализ правовых норм, содержащихся в губных и земских грамотах, однако он не учитывал классовые цели их составления. Подобно Загоскину, Шумаков идеализировал уставные грамоты, видя в них основу для улучшения народной жизни: «Не уничтожь Петр В[еликий] губных учреждений, они могли бы стать общерусскими местными земскими учреждениями. К этому дело и шло. Надо было только лучше организовать контроль над ними со стороны избирателей». Под влиянием духа времени автор критиковал земские учреждения с чисто буржуазной точки зрения, порицая их «невеселовность»: «Собственно же земские учреждения Ивана IV погубила главным образом невеселовность их». Как и Загоскин, Шумаков дал «сводный текст» изученных им материалов: губных грамот и наказов, земских уставных грамот, земских судебных грамот⁸⁸.

Как уже отмечалось, опыт сравнительного исследования губных, земских, судебных и жалованных грамот произвел П. И. Беляев⁸⁹, который, исходя из сходства этих источников между собой как документов, выданных от лица верховной власти, «пожалованных», пытался установить существование исходной редакции, лежавшей в основе жалованных грамот финансового и судебно-адми-

⁸⁸ См.: Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 40—41, 97, 114—215; ср. его же. Новые губные и земские грамоты // ЖМНП. 1909. Окт. С. 329—416.

⁸⁹ См.: Беляев П. И. Источники древнерусских законодательных памятников // ЖМЮ. 1899, Ноябрь, декаб.

нистративного характера, с одной стороны, и уставных земских и губных грамот — с другой⁹⁰. В сущности, ничего нового не давала опубликованная в 1914 г. работа Л. Сомова, в которой опять-таки производился опыт составления сводного текста уставных наместничьих грамот. Сомов делил сводный текст на 12 главных частей и 106 параграфов. Таблицы сводного текста⁹¹ сочетались здесь с переизданием 16 уставных наместничьих грамот.

Более эпизодически изучались отдельные уставные грамоты, подлинность которых вызывала сомнения. «Открытую» во второй половине XIX в. в Румынии уставную грамоту князя Ивана Берладника 1134 г. А. И. Соболевский вполне основательно считал подложной. Против мнения Соболевского выступил Н. П. Дашкевич⁹². Уставная грамота церкви Ивана на Опоках рассматривалась в некоторых историко-юридических работах⁹³.

Из других публично-правовых грамот в дореволюционном источниковедении довольно слабо изучены были внешнеполитические акты. Новгородским договорным грамотам посвящалась книга И. Андреевского⁹⁴. Шертные (или «клятвенные») грамоты крымских ханов XVI—XVII вв. подверглись анализу в интересной статье Ф. Ф. Лашкова. Он правильно отметил, что «каждая из грамот служит знаменателем тех отношений, которые существовали между Крымским ханством и Московским государством, результатом их истории, и потому эти грамоты теряют свое однообразие и приобретают интерес в истории»⁹⁵. Таким образом, Лашков призывал к отказу от абстрактно-юридического разбора внешне шаблонного формуляра шертных грамот и настаивал на необхо-

⁹⁰ См.: ЖМЮ. 1899. Ноябрь. С. 151.

⁹¹ См.: Сомов Л. Опыт систематического изложения материала уставных грамот, определяющих порядок местного правительственного управления в Московском государстве // Работа из семинарии проф. М. В. Довнар-Запольского. Киев, Пг., 1914. С. 13—36.

⁹² См.: Соболевский А. И. Грамота кн. Иванка Берладника 1134 г. // Труды восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1895. Т. 2. С. 174; Дашкевич Н. П. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову / Под ред. М. Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 366—381, особенно с. 377.

⁹³ См., напр.: Загорский А. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия. Киев, 1875. С. 40.

⁹⁴ См.: Андреевский И. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855.

⁹⁵ Лашков Ф. Ф. Крымские шертные грамоты XVI—XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве МИД // Труды восьмого Археологического съезда в Москве, Т. 2, С. 196.

димости конкретно-исторического изучения их. Сам он рассмотрел конкретные обстоятельства происхождения ряда неопубликованных шертных грамот начиная с 1535 г.

В конце XIX — начале XX в. наблюдается известный поворот от методов юридической школы в сторону более исторического подхода к публично-правовым актам. Этот сдвиг в разной степени проявился в разных отделах русской дипломатики [при изучении договоров Руси с греками (работа Д. М. Мейчика), при изучении княжеских договорных грамот (работа В. Н. Дебольского), при изучении внешнеполитических актов (работа Ф. Ф. Лашкова)].

Частным актам буржуазное источниковедение XIX в. посвятило меньше работ, чем актам публичным. Вместе с тем исследование этих грамот медленно, но верно продвигалось вперед. Внимание историков привлекали некоторые древние уникальные акты, прежде всего знаменитая рядная Тешаты и Якима. В середине XIX в. ее изучали И. И. Срезневский и К. А. Неволин. Срезневский считал грамоту древнейшим образцом обязательства между частными лицами. Он отверг мнение Напиерского о том, что этот договор — купчая, и по-своему установил ее разновидность, назвав грамоту «брачной рядной»⁹⁶. Неволин оспаривал мнение Срезневского и относил акт к числу не брачных рядных, а рядных, касавшихся соглашений по имению⁹⁷.

В 1916 г. появилась интересная статья В. К. Трутовского, пересмотревшего старые точки зрения на грамоту Тешаты и Якима. В Тешате он видел мать той «девки», на которой женился Яким, а самый документ считал мировой. По его мнению, акт был составлен после свадьбы: Яким отдавал Тешате монисто (данное за невестой в залог вместо денег) в связи с тем, что Тешата отдала Якиму условленную сумму денег (приданое)⁹⁸. Скрупулезный анализ таких неясных и труднопонимаемых актов, как рядная Тешаты, договоры с греками X в., ханские ярлыки, способствовал совершенствованию техники

⁹⁶ Срезневский И. И. Рядная запись с печатью XIII века // Записки Археологического общества. СПб., 1851. Т. 3. С. 239.

⁹⁷ См.: Неволин К. А. Замечания о той же грамоте. Письмо к И. И. Срезневскому // Записки Археологического общества. Т. 3. С. 250—267.

⁹⁸ См.: Трутовский В. Тешата и Яким и их взаимные отношения // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 328—338.

источниковедческого исследования, придавал ей в какой-то мере филигранный характер.

Помимо отдельных уникальных грамот предметом исследования становились и целые группы частных актов. Особенно интересовали буржуазных дипломатов частные акты, отражающие товарно-денежные отношения, в том числе заклад имущества, и наследственное право — купчие, закладные, духовные. Эти грамоты очень живо перекликались с актовой документацией XIX — начала XX в. Их изучение позволяло буржуазным источниковедам и юристам проводить единую линию от древнейших товарно-денежных и наследственных отношений до современных, игнорируя основные специфические особенности феодальной и буржуазной общественной структуры. Такая многочисленная группа древнерусских частных актов, как данные грамоты, специально источниковедческому анализу почти совершенно не подвергалась.

А. Станиславский (1842) уделил некоторое внимание купчим и духовным грамотам. Он различал «внешнюю» и «внутреннюю» форму актов, а по способу заключения выделял три типа «крепостей» XVII—XIX вв.

В 1855 г. вышла в свет работа К. Киндякова о купчих середины XIV в. — 1631 г., основанная на изучении автором только опубликованных источников⁹⁹. В статье имеется ряд полезных наблюдений над развитием формы купчих, однако развитие их содержания не получило здесь освещения. Автор стремился дать прежде всего юридическое описание купчих, поэтому в его труде лучше показаны основные вопросы, поднимаемые купчими, чем их действительная эволюция. Автор часто делал не вполне оправданные сравнения норм, заключенных в древних купчих, с современными ему законами Российской империи. Д. Мейер, изучая древнее русское право залога¹⁰⁰ главным образом по законодательным и указным источникам и в характерном для юридической школы сугубо формальном плане, с обобщением данных различных исторических эпох, привлек лишь в виде иллюстраций отдельные закладные грамоты. В исследовании П. Полежаева о завещаниях использовались некоторые духов-

⁹⁹ См.: Киндяков К. Опыт ученой разработки купчих грамот, помещенных в «Актах юридических» // Юридический сборник, изданный Дмитрием Мейером. Казань, 1855. С. 409—449.

¹⁰⁰ См.: Мейер Д. Древнее русское право залога // Там же, С. 254, 257 и др.

ные грамоты¹⁰¹, однако его работа, как и статья Мейера, была написана в основном по законодательным памятникам (до XIX в. включительно).

В монографии И. Е. Энгельмана о приобретении прав собственности на землю, появившейся в 1859 г., описывались разного рода грамоты, в том числе отказные, купчие, меновные, данные, отводные, разъезжие, раздельные, отступные, закладные, мировые (рядные), порядные. Автор уделял внимание этим актам в связи с характеристикой различных способов перераспределения земельных фондов в средневековой Руси. Энгельмана интересовали в основном вопросы оформления и записи актов, а не их внутренняя критика. Признаком «акта» служило для него рукоприкладство послухов; грамоты XV в., не имевшие этого рукоприкладства, заносились им в категорию «неформальных грамот»¹⁰².

Накануне отмены крепостного права обнаружился значительный интерес буржуазного источниковедения к крестьянским порядным и кабальным записям. Н. В. Калачов издал четыре порядные конца XVII в. — 1700 г. для подкрепления древним примером проекта крестьянской реформы. Из до сих пор напечатанных актов, указывал он в авторском предисловии, «не видно положительно, чтобы в конце XVII века и в начале XVIII-го можно было поступать в крестьяне иначе, как **навсегда** (в вечное крестьянство), а в дворовые иначе, как **в кабалу до самой смерти помещика...**» «Недавно мне повезло, однако, найти четыре записи, — писал далее Калачов, — которые свидетельствуют, что и в означенное время были примеры поступлений в крестьяне и дворовые на срок. Полагаю, что эти акты заслуживают особого внимания не только как материалы для истории русского законодательства, но, при предстоящих переменах в отношениях помещиков к крестьянам и дворовым, и в значении практическом, тем более что два из них указывают на существование у нас в старину найма в крестьянские работы кроме отдельных лиц и семейств также **артелями**. Вот основание, почему я сообщаю прилагаемые здесь документы»¹⁰³.

¹⁰¹ См.: *Полежаев П.* О завещаниях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. С. 27, 40 и др.

¹⁰² *Энгельман И.* О приобретении права собственности на землю по русскому праву. СПб., 1859. С. 80.

¹⁰³ *Калачов Н.* Договоры вольных людей XVII и начала XVIII века о поступлении в крестьяне и дворовые на срочное

С несколько иных позиций была написана в это же время статья И. Д. Беляева, в которой анализировались источники, фиксирующие крепостную зависимость. Из актовых материалов Беляев разобрал порядные, кабальные, жилые записи, поступные и данные на людей. Подробного анализа формуляра актов в этой работе не было; тем более не было в ней и показа их постепенного развития. Автор приводил в виде образцов неопубликованные до тех пор акты. Однако статья Беляева очень ценна своей четкой классификацией крепостных актов и связью ее с общей концепцией автора, а также выделением переломных моментов в истории отдельных разновидностей актов. Указывая на наличие трех основных категорий «полусвободных» людей в допетровской Руси, Беляев к каждой из них относил определенную группу актов. До прикрепления крестьян, утверждал Беляев, «порядные во крестьянство носили характер наемного контракта», к концу же первой половины XVII в. «крестьянские порядные приняли чистый характер крепостных»¹⁰⁴.

Касаясь актов на поступление в кабальное холопство, автор отмечал, что во всех кабальных записях главным являлось долговое обязательство «с уплатой процентов, а иногда и капитала работою должника или его детей; но до 1596 года работа должника оканчивалась уплатою долга, после же указа 1596 года об уплате долга не было уже и помину: и работа, и крепость должника продолжались до смерти заимодавца»¹⁰⁵.

Следовательно, основные положения статьи Беляева шли вразрез с попыткой Калачова доказать распространенность актов вольного найма во второй половине XVII в. Однако оба автора сходились на том, что когда-то такие акты существовали. Это сходство позиций и позволило Калачову поместить статью Беляева в своем «Архиве». Третьим разрядом полусвободных Беляев считал людей, чья зависимость оформлялась в жилой записи: «В них характер должников соединялся с характером наймитов» (на определенный срок). Более бегло были описаны у Беляева акты, фиксирующие полное холопство¹⁰⁶.

время // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. С. 83—84.

¹⁰⁴ *Беляев И.* Законы и акты, устанавливающие в Древней Руси крепостное состояние // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Кн. 2. С. 94.

¹⁰⁵ Там же. С. 102.

¹⁰⁶ См. там же. С. 108—111.

Таким образом, мы видим, что собственно дипломатический подход к частным актам в эту пору еще не выработался. Был распространен метод иллюстративного использования актов как дополнительного к законодательному материалу источника (П. Полежаев, Д. Мейер и др.).

Только с конца XIX в. наблюдается возрождение интереса к частноправовому акту, вылившееся вскоре в целый поток исследований по источниковедению частных актов и увенчавшееся созданием русской школы дипломатики частных актов (А. С. Лаппо-Данилевский). Увлечение частными актами в конце XIX — начале XX в. косвенно связано с новым периодом экономического развития России, в первую очередь с дальнейшим ростом капиталистических отношений в деревне.

В самом конце XIX — начале XX в. историками юридической школы был выпущен ряд исследований о духовных завещаниях и праве залога. Отличительной чертой этих работ является то, что они написаны главным образом на базе анализа законодательных памятников и чрезвычайно бегло затрагивают грамоты (духовные, закладные)¹⁰⁷, где отражено практическое функционирование наследственного права и права залога. Некоторыми из историков-юристов были, однако, введены в научный оборот новые акты (например, В. А. Удинцевым) и поставлены вопросы, касавшиеся непосредственно актового источниковедения. Так, В. А. Удинцев, доказывая тезис об имущественном, а не личном характере древнего заемного обязательства, попытался выяснить сущность служилой кабалы, которая, по его мнению, «не может быть привлекаема для характеристики древнейшего обязательства»¹⁰⁸. А. С. Звоницкий, оспаривая положения Д. Мейера, подчеркивал не известный Мейеру в его время факт, что «закладные без передачи владения насчитываются десятками»¹⁰⁹.

Однако во всех указанных работах грамоты использовались в лучшем случае лишь для иллюстрации отдельных положений. Исключение из этой серии исследований

¹⁰⁷ См.: Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1894; Товстолес Н. Н. Сущность залога в историческом развитии по русскому гражданскому праву//ЖМЮ. 1898. Окт. С. 141—172; Ноябрь. С. 168—200; Удинцев В. История займа, Киев, 1908; Звоницкий А. С. О залоге по русскому праву. Киев, 1912.

¹⁰⁸ Удинцев В. Указ. соч. С. 184.

¹⁰⁹ Звоницкий А. С. Указ. соч. С. 30,

составляет работа П. И. Беляева, в которой дан весьма подробный, но чисто юридический анализ содержания, терминологии и некоторых формул духовных грамот до XVIII в.¹¹⁰ Хотя Беляев вплотную занялся здесь изучением грамот, он не сумел все же показать конкретно-исторически развитие формы и содержания духовных.

П. И. Беляев сосредоточил свое внимание на вопросах развития различных институтов права с древнейших времен до XVII в. Он изучал отражение в актах обязательственного права, договора найма, договора займа¹¹¹, связывая корни этих отношений с отношениями, возникшими при поступлении в холопы. С юридических позиций исследовал Беляев положение холопов и крестьян. Он впервые попытался рассмотреть крестьянскую порядную как акт вступления в сеньориальную зависимость, отказавшись от трактовки порядной как обычного арендного договора¹¹².

В статье С. А. Шумакова о мене затрагивались меновные записи XVII в., но исследовались не столько меновные, сколько процессы по меновным делам. Статья Шумакова построена не в историческом, а в юридическом плане и делится на три тематических раздела: I — чистая мена, II — фиктивная мена, III — меновой процесс¹¹³.

Из юридической школы вышла и опубликованная в 1912 г. работа В. Б. Ельяшевича, в которой делалась довольно интересная попытка установить взаимосвязь между жалованными, отводными, купчими и другими грамотами. Акцентируя внимание на форме купчих, составившихся до XVI в. от имени покупателя и не имевших подписей послухов, Ельяшевич делал вывод, что земельные акты до XVI в. были лишены «доказательного значения»: доказательством являлся только факт реального отвода земли. В XVI в., по мнению автора, благо-

¹¹⁰ См.: Беляев П. И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897.

¹¹¹ См.: Беляев П. И. Древнерусское обязательственное право//Юридический вестник. М., 1917. Кн. 18; его же. Договор найма в древнерусском праве//Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5; его же. Заем и заклад по древнерусскому праву//Русский исторический журнал. 1921. Кн. 7.

¹¹² См.: Беляев П. И. Холопство и долговые отношения в древнем русском праве//Юридический вестник. М., 1915. Кн. 9; его же. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение//ЖМЮ. 1916. Окт.—нояб.; Окт. С. 163—165.

¹¹³ См.: Шумаков С. А. Мена//ЖМНП, 1906. Ноябрь. С. 119—154.

даря подписям послухов письменные акты приобрели доказательную силу и поэтому купчие стали писаться от имени продавца¹¹⁴. Стремление объяснить изменения в характере актов формальными моментами истории купчих сближает Ельяшевича с Энгельманом, писавшим еще в конце 50-х годов XIX в.

В 1903 г. было опубликовано исследование А. А. Шахматова, посвященное двинским частным актам XV в. до 1471 г., т. е. до конца новгородского господства в Двинской земле. Эта монография существенно отличалась от ранней работы Шахматова о новгородских грамотах, носившей чисто филологический характер. Книга состояла из двух частей. В первой содержалось само исследование, во второй автор издал около 120 (основных 115) грамот. Шахматов доказал, что время составления изученных им актов — XV век (1400—1471), а не XIV век, как считали А. Х. Востоков и И. И. Срезневский. Автор провел важную работу по выяснению того обстоятельства, в какой духовной корпорации хранилась та или иная грамота. В книге Шахматова дан и юридический анализ ряда грамот, особенно купчих. Автор заключил, что «большая часть собственников... купчих, закладных и пр. принадлежала к крестьянству»¹¹⁵.

Значительную роль в изучении частных актов, отразивших закрепощение крестьян, сыграл М. А. Дьяконов. В его монографии «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» (СПб., 1898) широко и критически использовался богатый актовый материал, в значительной своей части неопубликованный. Дьяконов внимательно исследовал крестьянские порядные, ссудные записи, служилые кабалы, жилецкие записи и др. Несмотря на интерес автора к юридической стороне актов, в его работе много ценных конкретно-исторических наблюдений над развитием формы и содержания актов.

В статье о крестьянской порядной записи и служилой кабале Дьяконов подчеркивал влияние кабальной крепости на зарождающуюся крестьянскую неволю. Он видел близость порядной записи к служилой кабале в ее первоначальной форме. Изучив большой архивный мате-

¹¹⁴ См.: Ельяшевич В. Б. Очерк развития форм поземельного оборота в России // Известия С.-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 17, отдел наук экономических и юридических. С. 223—235.

¹¹⁵ Шахматов А. А. Исследования по русскому языку. СПб., 1903. Т. 2. Вып. 3. С. 45.

риал, Дьяконов пришел к выводу, что в XVII в. вплоть до 1680 г. сохранялась только старая форма служилой кабалы с займом или ссудой. «Служба за занятые деньги, — указывал он, — еще более сблизила служилую кабалу XVII в. (до 1680 г.) с крестьянской ссудной записью...»¹¹⁶.

Под руководством Дьяконова слушательницами Высших женских курсов в 1906—1907 гг. был составлен сводный текст крестьянских порядных 1544—1599 гг. с пунктами: кто поряжается; кому поряжается; название, качество и величина арендуемого участка и др.¹¹⁷

Общий интерес к крепостным актам в период «второй крестьянской реформы» 1906—1913 гг. вызвал появление ряда других исследований. Специально выясняя юридическое значение крестьянских порядных, Д. Я. Самоквасов утверждал, что псковские порядные конца XVI—XVII вв. «представляют собою частные договоры по определению юридических отношений землевладельцев к новопорядным крестьянам и публичные акты, определявшие обязанности новопорядцев к государству по уплате податей и отбыванию повинностей»¹¹⁸. Ряд наблюдений о бобыльских порядных содержится в предисловии Б. Д. Грекова к публикации новгородских порядных XVII в.¹¹⁹

Н. Я. Новомбергский изучал кабальные записи 1628—1700 гг., относящиеся к территории Севского и Белгородского полков¹²⁰. По его мнению, существовали особые «вымученные кабалы», в которых закреплялась зависимость так называемых вымученных (насильственно закабаленных) холопов. Автор считал, что «с полным основанием можно говорить о вымученных холопах как об особой категории холопов в XVII веке, одна часть которых находилась в фактическом закрепощении, а

¹¹⁶ Дьяконов М. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. 1. С. 326.

¹¹⁷ См.: Сводный текст крестьянских порядных XVI века / Составлен слушательницами С.-Петербургских Высших Женских Курсов. Введение написано В. Н. Кропачевой, В. Н. Немчиновой, В. Д. Прозоровой, К. В. Флоровской. СПб., 1910.

¹¹⁸ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 79.

¹¹⁹ См.: Греков Б. Новгородские бобыльские порядные // Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. 2. С. 1—6.

¹²⁰ См.: Новомбергский Н. Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия // ЖМЮ. 1915. Май. С. 288—338; Июнь. С. 192—247.

другая часть была закреплена юридически на основании вымученных кабал»¹²¹.

Опыт изучения актов «сельского населения» в тот же период способствовал возникновению новой школы дипломатики частных актов, возглавлявшейся А. С. Лаппо-Данилевским (1863—1919). В 1903 г. он создал кружок студентов Петербургского университета, начавших изучать вместе с ним вопросы дипломатики частных актов. Школа Лаппо-Данилевского вышла из недр юридической школы, однако она разработала такие приемы исследования источников, которые стали отличать ее существенным образом от всей научной практики историков-юристов. Вот почему в период глубокого кризиса старой юридической школы в начале XX в. школа Лаппо-Данилевского получила значительное развитие и обогатила науку рядом ценных источниковедческих изысканий.

Школа Лаппо-Данилевского возникла не на пустом месте. Между нею и юридической школой имелась промежуточная группа историков и источниковедов, которые тоже в какой-то мере склонялись к конкретно-историческому изучению актов (например, М. А. Дьяконов и др.). Дипломатическому методу школы Лаппо-Данилевского были свойственны некоторые черты диалектики в исследовании формы, а отчасти и содержания актов.

В 1909 г. Лаппо-Данилевский опубликовал статью о служилых кабалах, где впервые обнаружилась разрабатывавшиеся им приемы исследования частных актов. Много внимания уделил автор служилым кабалам «старшего типа» (до 1680 г.). Содержание кабал он дробил на отдельные клаузулы и с точки зрения «клаузульного состава» выделял различные группы кабал (М — московские, Н — новгородские, Р — псковские). Московские (М) подразделялись на М₁, М₂, М₃ и т. п. Такое детальное анатомирование актов и составление из них определенных групп по сходству статей было большим шагом вперед в области источниковедения. Развитие формы кабал Лаппо-Данилевский связывал с указами 1586, 1597, 1606 гг. Колебания же их формы он в значительной мере обуславливал личностью подьячего. Автор прослеживал постепенное появление в кабалах статьи, которая стала господствовать в них с 1680 г.: «Вместо договора займа с обязательством «за рост служить» они теперь уже содержат одно только челобитье о добровольной отдаче

¹²¹ ЖМЮ. 1915. Июнь, С. 247.

себя в холопство под условием служить во дворе у «государя» «по его живот»¹²².

Метод Лаппо-Данилевского в отличие от метода юридической школы требовал изучения всех или по крайней мере большинства актов данной разновидности. Поэтому уже в статье о служилых кабалах Лаппо-Данилевский ввел в научный оборот обширный архивный материал. Еще более поучительны в этом отношении работы его учеников, которые составили картотеку всех изданных частных актов¹²³ и широко использовали архивные документы в своих статьях, помещенных в сборнике в честь А. С. Лаппо-Данилевского (1916). Если сам Лаппо-Данилевский уделял главное внимание развитию формы актов, то некоторые из его учеников пытались применить диалектические приемы к исследованию не только формы, но и содержания актов. Так, значительный интерес представляют статьи А. И. Андреева об отступных грамотах XVI в. и А. А. Шилова о поступных записях XVII в.¹²⁴ Обе статьи характеризовали источники по истории крестьянства. Начинались они, как и другие работы, помещенные в сборнике в честь Лаппо-Данилевского, с разбора хронологического распределения актов, их терминологии (устанавливалось, каким термином акты сами себя называют) и клаузул.

Андреев указывал, что «как наименование разновидности отступные встречаются только в Двинском уезде... но в первой половине XVI в. отступные нередко назывались посильными... акты с таким названием встречаются до 1528 г. кроме Двинского и в других уездах XVI в. (Вологодский, Галицкий и Костромской)»¹²⁵. С другой стороны, отмечает автор, посильные до 1528 г., к которому относится самая ранняя отступная, — это те же купчие. Анализ отступных Андреев тесно связывал с историей черносошного и оброчного землевладения на русском Севере.

¹²² См.: Лаппо-Данилевский А. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. 2. С. 742, 744—745, 764.

¹²³ Частично опубликована в 1936 г. (см.: Каталог частных актов Московского государства // Проблемы источниковедения, М., Л., 1936. Вып. 2. С. 333—379).

¹²⁴ См.: Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. (Историческое обозрение. Т. 21); Андреев А. И. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.) // Там же. С. 131—181; Шиллов А. А. Поступные записи. (К истории крестьянского вопроса в XVII в.) // Там же. С. 266—311.

¹²⁵ Историческое обозрение. Т. 21. С. 171.

А. А. Шилов, изучая поступные на крестьян без земли, самая ранняя из которых, по наблюдениям Лаппо-Данилевского и Дьяконова, датируется 1597/98 годом, отмечал необходимость параллельного исследования отступных и других документов, отражающих побег крестьян: «Эти поступные при более широком и точном исследовании следовало бы разобрать в связи с мало-разработанным до сих пор в литературе, несмотря на обилие материалов, вопросом о беглых крестьянах вообще...»¹²⁶. Шилов выделял помимо «основных клаузул» клаузулы «дополнительные» и «побочные». Он стремился уловить тенденцию развития поступных. Интересно прослежена им, например, эволюция клаузулы неустойки. Сравнение актовых памятников с законодательными позволило автору прийти к выводу о несоответствии между законом и актом. Шилов стремился не оставаться в плену у формы источника. Так, указывая, что поступные имеют вид мировых, он обнаруживал в поступных за приемодержательство беглых факты их замаскированной купли-продажи.

Хотя статьи Лаппо-Данилевского о служилых кабалах, Андреева — об отступных, Шилова — о поступных не вскрывали в должной мере зависимость развития акта от производственных отношений, они все же были новым и важным шагом на пути к такому исследованию.

М. Ф. Злотников по конечным протоколам актов изучал историю подъячих Ивановской площади, начавшуюся примерно с 1589/90 г.¹²⁷

Другие работы, помещенные в сборнике, носили более формальный характер, сводясь главным образом к разбору формуляра актов. Таковы статьи Г. М. Котлярова о рядных-сговорных XVI—XVII вв., Н. И. Сидорова о складных записях XVII в., В. Н. Куна о мирских отписях XVI—XVII вв., Ф. Ф. Злотникова о кортомных (договорах найма имущества) XVII—XVIII вв.¹²⁸ Ф. Ф. Злотников даже составил в духе юридической школы сводный текст кортомных.

¹²⁶ Историческое обозрение. Т. 21. С. 311.

¹²⁷ См.: Злотников М. Ф. Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси//Историческое обозрение. Т. 21. С. 82—130.

¹²⁸ См.: Котляров Г. М. Рядные-сговорные записи XVI—XVII вв.//Там же. С. 182—223; Сидоров Н. И. Складные записи//Там же. С. 240—261; Кун В. Н. Мирские лодомские отписи//Там же. С. 224—239; Злотников Ф. Ф. Кортомные//Там же. С. 63—81.

В 1894—1917 гг. существовало, на наш взгляд, шесть различающихся по методу направлений в источниковедении частноправовых актов: 1) юридически-иллюстративное (Л. Руднев, Н. Н. Товстолес, В. А. Удинцев, А. С. Звоницкий); 2) юридическое (П. И. Беляев в конце XIX в., Д. Я. Самоквасов); 3) юридически-документоведческое (С. А. Шумаков, В. Б. Ельяшевич); 4) юридически-филологическое (А. А. Шахматов); 5) юридически-экономическое (М. А. Дьяконов, Б. Д. Греков, П. И. Беляев в 1915—1917 гг.); 6) клаузульно-статистическое — собственно дипломатическое (А. С. Лаппо-Данилевский и его ученики). Первые три направления восходят своими корнями к историографии середины XIX в., три последних возникли под влиянием наиболее передовых тенденций развития общественных наук изучаемого времени. Была осознана необходимость исследования экономических процессов, причем не в статике, а в динамике. Для этого потребовалась разработка новых, отвечающих поставленной задаче методов дипломатического анализа. Во всей историографии частных актов в начале XX в. был сделан очевидный крен в сторону изучения актов крестьянской и холопской зависимости (порядных, служилых кабал, поступных и т. д.).

Изучение русских актов в XIX — начале XX в. прошло три основных этапа развития: 1) первая треть XIX в. — этап определения объекта и предмета дипломатики; 2) середина 30-х — 80-е годы XIX в. — этап введения в научный оборот (публикации) основной массы разновидностей русских актов и юридического по преимуществу изучения их; 3) 90-е годы XIX в. — 1917 г. — этап сочетания юридического метода с новыми методами исследования — текстологическим, конкретно-историческим, клаузульно-статистическим (или собственно дипломатическим).

Каждому из этих этапов соответствуют некоторые обобщающие труды. К первому этапу относится обзор С. Г. Саларева, который был не столько итогом, сколько программой изучения древнерусских грамот.

Квинтэссенция второго этапа развития выражена в обобщающей работе Д. М. Мейчика (1883), где давалась характеристика основных разновидностей грамот XIV—XV вв. Мейчик коснулся жалованных, указных, правых грамот, судных списков (подписных и докладных), межвых (разводных, разъезжих, отводных), мировых и отступных, отдельных, меновных, купчих, данных и духовных грамот. Наибольшее внимание автор уделил куп-

чим и жалованным грамотам. Работа Мейчика явилась образцом подробного юридического разбора актов, далекого от показа развития их конкретно-исторического содержания. Во главу угла автор ставил «роды и виды актов, т. е. юридические формы». Классификация грамот была произведена Мейчиком с точки зрения деления их на исходящие от правительственной власти и исходящие от частных лиц. К первой группе автор относил жалованные и указные грамоты, судебные документы, ко второй — раздельные, мировые, отступные, меновные, купчие, посылные, данные и духовные. В промежуточную группу выделял он межевые акты, которые могли быть как публичными, так и частными (отводные, разъезжие или разводные)¹²⁹.

В начале XX в. в русской исторической науке был вновь поставлен вопрос об объекте и предмете дипломатики. На эту тему писали Н. П. Лихачев¹³⁰, Я. Н. Трусевич¹³¹ и Н. Н. Ардашев¹³². В попытке поставить историческую науку на фундамент вспомогательных исторических дисциплин дворянско-буржуазные исследователи видели выход из кризисных явлений буржуазной историографии. Лихачев считал вспомогательные исторические дисциплины теорией, а историческое изложение — практикой. Корни увлечения дипломатикой автор объяснил довольно определенно: «Невозможность познания абсолютной исторической истины заставляет искать все новых и новых путей»¹³³. Называя дипломатику «наукой об актах», Лихачев подразумевал под актами все источники, отличные от повествовательных (летописей, хроник и т. п.), т. е. «документы» вообще. Характерный признак «актов» («документов») Лихачев видел в их подлинности и современности событиям. (Примерно то же говорилось в это время и в западноевропейских исследованиях по дипломатике. В работе Артура Жири,

¹²⁹ См.: Мейчик Д. М. Грамоты XIV—XV вв. Московского архива министерства юстиции. М., 1883. С. VI, 2—3.

¹³⁰ См.: Лихачев Н. П. Дипломатика. (Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте). СПб., 1901; *его же*. Из лекций по дипломатике, читанных в имп. Археологическом институте. СПб., 1905—1906 учебн. г.; *его же*. Из истории дипломатики (XIX в.). СПб., 1905—1906 учебн. г.

¹³¹ См.: Трусевич Я. Н. Западная и русская дипломатика и сфрагника древнего Востока. СПб., 1907.

¹³² См.: Ардашев Н. Н. Дипломатика. Лекции, читанные в 1907—8 уч. г. (ГБЛ, литографированный экземпляр Дмитрия Александровича Свиреллина). См. также: Ардашев Н. Программа лекций по дипломатике (1907/8 акад. г.). М., 1908.

¹³³ Лихачев Н. П. Дипломатика. С. 1,

например, вышедшей в 1894 г. и оказавшей влияние на курсы Лихачева и Ардашева, объединяющим признаком актов признавались их подлинность, определенное происхождение и определенная дата¹³⁴.) Основной задачей дипломатики было, по мнению Лихачева, выяснение подлинности акта или, если следовать определению самого Лихачева, установление того обстоятельства, является ли акт актом.

Дипломатика представлялась Лихачеву формальной дисциплиной. «Критику текста» он, по существу, сводил к правильному прочтению акта и неодобрительно относился к попыткам включить в состав дипломатической критики разбор содержания источника, «критику толковую, так сказать герменевтику текста». Лихачев фактически не признавал дипломатику особой дисциплиной, считая, что она состоит из палеографии, хронологии, истории архивов и библиотек и т. п.

Сходной методологией отличается курс лекций Ардашева. Ардашев говорил о «психологической основе» дипломатики¹³⁵, усматривая ее в «чувствованиях любопытства, любви и уважения»¹³⁶. Дипломатика казалась ему прекрасным средством воспитания в людях уважения к старине. В изучении средневековых источников он видел способ привить людям консервативные взгляды, что определяло бы и их деятельность: «Здесь уже дипломатика обуславливает непосредственно наши ретроспективные взгляды, а через посредство их влияет на наши грядущие чаяния, словом, сказывается на нашем мирозерцании и, несомненно, отражается, не может не отражаться на нашей деятельности»¹³⁷.

Предметом дипломатики Ардашев считал все «документы» вообще, отличая их от повествовательных источников. Самую принадлежность источника к категории документов автор определял по формальным признакам: «1) дата документа, 2) знаки происхождения и место появления его и 3) форма и вообще правильность, истовость его составления»¹³⁸. Если бумага не имела, например, даты или подписи, либо была составлена не по форме, она в глазах Ардашева не являлась документом. Ардашев сделал важный шаг вперед по сравнению с Лихачевым, попытавшись выяснить разницу между «доку-

¹³⁴ См.: Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894, P. 4.

¹³⁵ См.: Ардашев Н. Программа лекций по дипломатике, С. 1.

¹³⁶ Ардашев Н. Н. Дипломатика. С. 59.

¹³⁷ Там же, С. 30.

¹³⁸ Там же, С. 51.

ментом» и «актом». Правда, он шел путем чисто этимологических сравнений. Из сопоставления латинских корней терминов «акт» (от ago — действую) и «документ» (от docere — учу) Ардашев заключил, что акты закрепляют сделки, договоры, поэтому понятие «документ» шире понятия «акт»¹³⁹.

Много внимания уделял Ардашев вопросу о месте дипломатики среди других исторических дисциплин. Будучи вспомогательной по отношению к истории, правильно указывал Ардашев, дипломатика сама пользуется как вспомогательными дисциплинами палеографией, сфрагистикой и др. В курсе Ардашева немало утверждений о критическом методе дипломатики. Ардашев подчеркивал, что науками настоящими, «критическими», т. е. беспристрастными и лишенными каких-либо партийных интересов, являются прежде всего и даже исключительно в сфере наук гуманитарных вспомогательные исторические дисциплины: «... в этом отношении дипломатика ушла, может быть, вперед других наук, хотя бы, например, политической экономии, которая, по признанию некоторых современных ученых, в настоящее время еще носит чисто описательный характер»¹⁴⁰.

Автор всячески осуждал попытки причислить дипломатику к категории описательных дисциплин. Однако на деле Ардашев имел в виду главным образом палеографическую критику и не касался критики содержания в полном смысле этого слова. Под критикой содержания в дипломатике он понимал исследование терминологии документов¹⁴¹.

Самые основы дипломатической критики трактовались им метафизически: «Исследователь-дипломатист сознательно, хотя на время, заслоняет пробивающийся из документа свет жизни и рассматривает хартию под нужным ему в данный момент, пусть односторонним, но зато концентрированным освещением». Признавая, что документы «представляют сами по себе известные... явления исторической жизни», Ардашев вместе с тем снимал для дипломатики вопрос об изучении происхождения источника. Согласно его представлениям, дипломатика исследует документ только «как свидетельство о самых разнообразных явлениях жизни, идеях, фактах, силах и отношениях»¹⁴².

¹³⁹ См.: Ардашев Н. Н. Дипломатика. С. 51—52, 120, 123, 124.

¹⁴⁰ Там же. С. 128.

¹⁴¹ См. там же. С. 55, 62, 85.

¹⁴² Там же. С. 36, 126.

Задача дипломатики, по мнению Ардашева, «состоит в том, чтобы возвести исторический памятник в достоинство исторического источника, констатировать или отрицать в нем таковое достоинство»¹⁴³. Очевидно, здесь имеется в виду установление подлинности документа (хотя сам автор и критиковал подобную постановку вопроса о задачах дипломатики) или отнесение его к формальной категории «документов». Изучение документа признавалось Ардашевым самоцелью дипломатики: «Для дипломатики всякий документ, как памятник былой жизни, достоин изучения как целое, во всем своем объеме, хотя бы в результате изучения могло оказаться отсутствие в нем исторических сведений, чего-либо нового в этом отношении или их недостоверность, ложность, вообще непригодность»¹⁴⁴.

Считая дипломатику наукой о «документах» вообще, а не об «актах» специально, Ардашев не разрабатывал какие-либо конкретные специфические приемы дипломатики, основывающиеся на определенных соотношениях формы и содержания в актовом источнике. Всякую источниковедческую критику он называл критикой дипломатической. Приемы дипломатической критики он считал возможным целиком перенести на повествовательные источники¹⁴⁵. Автор идеализировал достоверность, точность и полноту сведений формальных документов. Все они, за редким исключением, казались ему абсолютно достоверными, написанными людьми, совершенно не заинтересованными в тех делах, которые находили отражение в документе. Таким образом, курс Ардашева, отличаясь некоторыми сдвигами вперед по сравнению с курсом Лихачева (например, в вопросе об «актах» и «документах», о «критике содержания»), был написан с тех же идеалистических позиций, заметно окрашенных реакционностью политических взглядов автора.

В 1917 г. общую классификацию актовых источников XIV—XVII вв. дал С. А. Шумаков¹⁴⁶. Его схема охватила более широкий круг источников, чем классификация Д. М. Мейчика, но в основе ее лежало все то же деление

¹⁴³ Ардашев Н. Н. Дипломатика. С. 127.

¹⁴⁴ Там же. С. 71.

¹⁴⁵ Ардашев считал, например, что книга В. О. Ключевского о житиях является образцом дипломатического исследования (см. с. 82), говорил он и о «дипломатике» писцовых книг (см. с. 20).

¹⁴⁶ См.: Шумаков С. Обзор «Грамот коллегии экономии», М., 1917. Вып. 4, С. 1—43.

актов на публичные и частные. Автор различал «грамоты, даваемые правительственной властью» (А), «грамоты из области церковного права» (Б), «частные акты» (В). Очень условно и далеко не всегда оправдано его деление документов на «грамоты» и «записи».

Говоря о происхождении жалованных грамот и других публичных актов, Шумаков пытался объяснить его в известной мере «классовой борьбой», однако под этим термином он понимал внутриклассовую борьбу в лагере феодалов. Весьма показательно его подчеркивание «узкоклассовых» целей выдачи различных правительственных актов (послушных и др.). Правые грамоты казались ему очень важными «для выяснения междуклассовых отношений». По мнению Шумакова, уставные грамоты наместничьего управления суть «первая стадия классового самосознания областного населения и проявление его вовне», а уставные земские грамоты — вторая его стадия¹⁴⁷.

Чрезвычайно интересно характеризовал Шумаков частные акты: «Это письменные акты, в форму которых облекались определявшиеся переплетом и борьбой социальных и экономических сил и отношений юридические сделки в смысле юридических действий, направленных к изменению существующих юридических отношений по равнодействующей этого переплета и борьбы сил»¹⁴⁸. В служилых кабалах и порядных Шумаков видел «акты социально-экономической классовой борьбы по преимуществу и народного беспорядка и угнетения»¹⁴⁹.

В русском буржуазном источниковедении это была первая попытка осмыслить акты в свете представлений о социально-экономических отношениях и классовой борьбе. Шумаков, правда, не столько вник в существо этих понятий, сколько приложил принятые в марксистской литературе термины к объяснению происхождения различных разновидностей актов. Тем не менее его формулировка нельзя отказать в меткости и остроте. Изменения в терминологии, а отчасти, по-видимому, и во взглядах Шумакова следует связать теснейшим образом с революционной обстановкой 1917 г.

Теоретические позиции школы А. С. Лаппо-Данилевского в области изучения частных актов были впервые

¹⁴⁷ См.: Шумаков С. Обзор «Грамот коллегии экономии», С. 3, 10, 12.

¹⁴⁸ Там же, С. 17.

¹⁴⁹ Там же, С. 38.

изложены в печатных статьях в 1916 г. Статьи эти принадлежали перу В. И. Веретенникова и М. Н. Смирнова¹⁵⁰. Веретенников дал следующее определение частного акта: «Древнерусский частнопроводной акт (до XVIII века) есть словесно выраженное и письменно запечатленное обычно сложное действие, определяющее собой существо совершенной сделки...»¹⁵¹ Важность этого определения заключалась в том, что оно было новым (после лекций Ардашева) шагом на пути выяснения разницы между актами и документами вообще. Акт здесь характеризовался как отражение какой-то сделки. Это имело серьезное значение для уточнения самого объекта дипломатики.

«Препарирование» отдельного акта состоит, по мнению Веретенникова, из двух этапов: расчленения акта на клаузулы и установления его формуляра. Клаузула в представлении автора — это «словесно выраженное и письменно запечатленное в данном акте действие (символическое или реальное), отдельно воспринимаемое сознанием составителей акта». Предостерегая от искусственного разделения акта на клаузулы, Веретенников указывал: «Клаузула должна фактически пребывать в исторической действительности, т. е. в сознании составителей древнерусских изучаемых актов... а не являться чем-то уже извне навязанным нашим современным юридическим сознанием тому историческому факту, каковым является в своем цельном бытии каждый древнерусский акт частного права»¹⁵².

Формуляр акта автор определял как «порядковый перечень клаузул, входящих в данный акт, с точно обобщенным указанием его содержания»¹⁵³. Изучение группы актов Веретенников предлагал начинать с их классификации. Он различал два вида классификаций: историческую и юридическую. Несколько абсолютизируя значение классификации, Веретенников не видел ясной цели дальнейшего изучения актов: «Когда классифицирование закончено, то тем самым уже в главнейших, первичных этапах произведено и... исследование классифицированных актов... изучение отдельных клаузул несомненно

¹⁵⁰ См.: Веретенников В. И. К вопросу о методах изучения древнерусских частнопроводных актов//Историческое обозрение. Т. 21. С. 9—19; Смирнов М. Н. Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа//Там же. С. 20—62.

¹⁵¹ Веретенников В. И. Указ. соч.//Историческое обозрение. Т. 21. С. 9.

¹⁵² Там же, С. 10.

¹⁵³ Там же, С. 11.

возможно и должно быть проводимо в случае надобности»¹⁵⁴. Таким образом, Веретенников не ставил задачи исследования эволюции всего содержания актов. Его интересовала только судьба отдельных клаузул. Возможные изменения клаузулы он представлял себе тройко: или клаузула видоизменяет свое содержание в целом, или она расчленяется на несколько новых клаузул, или, наконец, «она уничтожается в самостоятельном бытии, сливаясь в одно с какой-нибудь другой клаузулой»¹⁵⁵.

Веретенников предлагал полезные технические приемы, в действительности способствующие диалектическому изучению актов (карточки и таблицы), однако сам он считал их в первую очередь средством для определения и построения идеального формуляра (в случае классификации исторической). При юридической классификации, указывал автор, «роль такого рода таблиц будет ролью очень важного орудия для более точного выяснения содержания каждого отдельного акта и тем самым для более точного отнесения его в ту или иную группу»¹⁵⁶.

Критикуя ограниченность понимания Веретенниковым роли таблиц, следует все же подчеркнуть, что сама идея таблиц существенным образом отличалась от идеи составления сводного текста, ибо «такая таблица должна заключать в себе все акты, в схематическом виде расчлененные на их составляющие клаузулы, все акты данного наименования, если это классификация «историческая», или все акты данного гражданского приурочения, если это классификация «юридическая»¹⁵⁷.

Остро сформулировал свои взгляды на анализ частного акта М. Н. Смирнов. В его статье наиболее ценна последняя ее часть, излагающая цель и средства дипломатического анализа частных актов. В отличие от Лихачева и Ардашева Смирнов видел главную задачу дипломатики в критике содержания источника, признавая внешнюю критику лишь средством, помогающим установить дату акта. Кроме того, он подчеркивал, что дипломатика исследует движение и рост, эволюцию документа¹⁵⁸. Эти положения Смирнова совершенно правильны.

Основным приемом изучения эволюции частного акта автор считал клаузульный анализ, когда за основу бер-

ется исследование движения простейшей частицы акта — клаузулы. Здесь, как и в статье Веретенникова, можно усмотреть известное абсолютизирование клаузулы, придание ей самодовлеющего значения, хотя в целом Смирнов смотрел на этот вопрос шире. Утверждая, с одной стороны, что «испытывающим изменения является не весь документ, а его составные части», он, с другой стороны, указывал: «Эволюция составной части есть изменение всего документа»¹⁵⁹.

Для проведения клаузульного анализа автор рекомендовал пользоваться «статистическими методами», оправданными при наличии «некоторого постоянства и повторяемости в отдельных документах». Далее следовало глубоко верное рассуждение: «Чем значительнее число грамот, тем все больше суживаются временные пределы тех или других изменений, пока они, наконец, не приурочиваются совершенно точно к той или другой дате. Таким образом, получается возможность наблюдения самого роста и развития документа... В таком же точно порядке ограничиваются и пределы колебаний географических... Благодаря такому приурочению особенностей документов к месту или времени, самые изменения связываются с определенными причинами и факторами. Историческая эволюция не есть результат случайностей»¹⁶⁰.

Автор справедливо отмечал, что разложение актов на клаузулы в виде табличных рядов позволяет сравнивать документы во времени и пространстве, выясняя типичные для той или иной эпохи клаузулы. Сам термин «статистический метод» Смирнов правильно расценивал здесь как условный: «...клаузульные ряды — только вспомогательный прием наблюдения, аналогичный графическому изображению. Приписывать таким рядам определенный характер рядов статистических по меньшей мере опасно»¹⁶¹.

Приведенные методические замечания Смирнова сохранили свое значение и по сию пору потому, что в основе их лежала мысль о диалектике акта. Однако, имея в виду главным образом диалектику формуляра актов, Смирнов легко сочетал в своей схеме ряд плодотворных методических принципов с методологией юридической школы. Правильная посылка о необходимости изучения частных актов в совокупности доводилась до абсурда,

¹⁵⁴ Историческое обозрение. Т. 21. С. 17—18.

¹⁵⁵ Там же. С. 18.

¹⁵⁶ Там же. С. 18—19.

¹⁵⁷ Там же. Т. 21. С. 19.

¹⁵⁸ См. там же. С. 50, 51, 60.

¹⁵⁹ Историческое обозрение. Т. 21. С. 51.

¹⁶⁰ Там же. С. 55, 56.

¹⁶¹ Там же. С. 58.

когда автор заявлял, что частный акт как индивидуальное явление обычно цены не имеет. В этом ясно обнаруживались остатки юрицизма, свойственные представлениям Смирнова¹⁶². Конкретное событие, запечатленное в частном акте, казалось ему совершенно недостойным внимания исследователя, который, по мнению автора, должен «в конкретных отдельных случаях уловить зачатки типа, нормы, института». Изучение актов лишалось, таким образом, задачи конкретно-исторического анализа фактов и становилось, как указывал сам Смирнов, «только методом науки истории права»¹⁶³.

Трактовка Смирновым частного акта чрезвычайно обедняла дипломатику, делала из нее сугубо формальную дисциплину. Смирнов подчеркивал, что факты, отраженные в частных актах, следует рассматривать «не с точки зрения содержания факта, а с точки зрения формальной связи, в отдельных фактах проявляющейся»¹⁶⁴. Такой абстрактный и формальный подход, естественно, привел Смирнова к отрицанию значения вопроса о подлинности частного акта, ибо подлинность «нисколько не улучшает его как источник сведений о формах той или иной частноправовой сделки». Сам документ Смирнов считал прочным «материальным фактом» по сравнению с процедурой договора, которая покинута на «внутренних переживаниях контрагентов» и потому «остаётся неуловимой для третьих лиц»¹⁶⁵.

Автор возводил китайскую стену между публичным и частным актом. Смирнов справедливо указывал, что публично-правовые документы являются «цельными историческими событиями», однако отсюда он делал неоправданную попытку абсолютизировать значение публичных документов и представлял их «одной из сил, слагающих историческое движение, а может быть, даже и единственной силой»¹⁶⁶. Противопоставление публичных документов как фактов истории частным неверно: и частные, и публичные акты, являясь формой юридической надстройки, способствовали укреплению или изменению реальных отношений, т. е. были фактами истории.

¹⁶² Смирнов признавал, например, сводные тексты историков-юристов формой клаузульного анализа, хотя в действительности между сводным текстом и клаузульным анализом при посредстве таблиц имеется принципиальная разница.

¹⁶³ Историческое обозрение. Т. 21. С. 46, 60.

¹⁶⁴ Там же. С. 46.

¹⁶⁵ Там же. С. 27, 44.

¹⁶⁶ Там же. С. 23.

К 1920 г. относится опубликование курса лекций по дипломатике частных актов А. С. Лаппо-Данилевского, читанного в октябре — ноябре 1918 г. на Архивных курсах при Археологическом институте в Петрограде¹⁶⁷. Философской основой этого курса были принципы, изложенные Лаппо-Данилевским еще в «Методологии истории». В книге Лаппо-Данилевского дано несколько более широкое определение акта, чем у Ардашева и Веретенникова. Под актами он подразумевал «документы или «грамоты» с правозначущим содержанием, т. е. такие, которые облачают известное правоотношение — правительство постановление или юридическую сделку — в письменную форму»¹⁶⁸.

Подобно западноевропейским дипломатам, Лаппо-Данилевский различал акты с осведомительным и удостоверительным характером. За «актами с удостоверительным характером» он признавал активную роль в установлении определенных правоотношений. Зато из его изложения недостаточно ясно вырисовывалась цель составления осведомительных актов, якобы предназначенных для урегулирования в случае нужды каких-либо споров в отдаленном будущем.

Лаппо-Данилевский попытался проследить постепенное возникновение в правосознании русских дифференцированного отношения к публичным и частным актам. Публичное право, по его мнению, регулирует «ввиду общего блага» «отношения между общей волей и волей «всех и каждого». Частноправовые акты он недостаточно связывал с определенными общественными отношениями.

Формулируя задачи дипломатики, Лаппо-Данилевский правильно указывал, что она изучает акты «как источник и как явление»¹⁶⁹. Средством выполнения первой задачи автор считал «документальное источниковедение», средством выполнения второй — «документальное построение». Таким образом, из всех русских буржуазных дипломатистов Лаппо-Данилевский наиболее широко определил задачи дипломатики.

Документальное источниковедение частных актов Лаппо-Данилевский делил на интерпретацию и критику. По мнению Лаппо-Данилевского, «...интерпретация акта стремится установить то значение, которое составитель

¹⁶⁷ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

¹⁶⁸ Там же. С. 13.

¹⁶⁹ Там же. С. 50—51.

акта хотел придать ему»¹⁷⁰. Конкретно в интерпретацию Лаппо-Данилевский включал правильное прочтение акта, правильное понимание прочитанного, зависящее от надлежащего расчленения речи и расстановки знаков препинания, уяснение терминов, собственных имен и географических названий.

Задачи критики Лаппо-Данилевский ограничивал установлением «подлинности или неподлинности, а также видов и степеней ее»¹⁷¹. Он различал критику по внешним признакам (материалу и почерку) и по содержанию акта (сопоставление упоминаний о лицах с другими источниками).

Все исследование происхождения и содержания акта Лаппо-Данилевский фактически переносил в область документального построения, которое он подразделял на анализ и синтез. Анализ в свою очередь делился на предварительный, дипломатический и юридический. Предварительный анализ (анализ происхождения), по Лаппо-Данилевскому, выяснял два вопроса: топологию и хронологию акта, — однако здесь не ставился вопрос о цели составления документа. Дипломатический анализ состоял, в представлении Лаппо-Данилевского, из трех этапов. Первый заключался в расчленении каждого акта на составные части — клаузулы и протокольные статьи. Второй этап предполагал установление типичных клаузул.

Лаппо-Данилевский не считал типическое лишним развитием. Он, правда, говорил, что «клаузулы, явно преобладающие в составе данной группы... получают значение типических, т. е. средних, в отношении к которым можно рассматривать и наблюдаемые от них отклонения»¹⁷². Далее он, однако, подчеркивал: «Типичность может обнаруживаться не только в постоянной, но и в развивающейся форме данной клаузулы... В других случаях можно наблюдать постепенный рост клаузулы, происходящий или путем механических прибавок к основному тексту, или путем внутренней переработки его содержания, отражающегося в соответственном изменении ее формы»¹⁷³. Здесь же он признавал существование «местных» и «временных» типов.

¹⁷⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. С. 82.

¹⁷¹ Там же. С. 93.

¹⁷² Там же. С. 143.

¹⁷³ Там же. С. 144.

Больше шел Лаппо-Данилевский на сделки с принципами юридической школы в вопросе о типичном формуляре актов, выработка которого составляла третий этап дипломатического анализа. Осуществление этой задачи было связано с построением «графически-статистических таблиц». Типичный формуляр Лаппо-Данилевский рассматривал как своего рода «средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов».

Вместе с тем Лаппо-Данилевского нельзя обвинить в полной фетишизации типичного формуляра. Вот, например, его характеристика метода построения типичного формуляра: «Графически-статистический метод анализа данного типа актов есть способ наглядного изображения более или менее устойчивого распределения или движения его элементов в пределах всей группы... Графически-статистический метод анализа типа данного рода актов сводится к построению двух таблиц, иллюстрирующих изменения, происходящие в формуляре актов в зависимости от места или времени их составления»¹⁷⁴. Но это не что иное, как стремление выяснить диалектику, развитие актов. Юридическому анализу Лаппо-Данилевский отводил вспомогательную роль, видя в нем средство уточнения классификации актов, критерий для обоснования частного или публичного характера документа.

Довольно слабым оказался раздел «Очерка», посвященный синтезу, цель которого, согласно Лаппо-Данилевскому, «состояла в выяснении того, что придает ему (акту. — С. К.) некоторое единство»¹⁷⁵ (цель, интересы, для удовлетворения которых он составлен). На самом же деле синтез превратился у Лаппо-Данилевского в выяснение связей некоторых близких друг к другу форм актов (дополнительные, соотносительные акты, слияние актов и т. п.).

В работе Лаппо-Данилевского отразились глубокие противоречия буржуазного источниковедения, которое, находясь на позициях идеализма, пыталось укрепить себя разработкой диалектических, но формальных приемов исследования¹⁷⁶.

Таким образом, на третьем этапе развития русского

¹⁷⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. С. 150.

¹⁷⁵ Там же. С. 164.

¹⁷⁶ См. также: Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8.

актового источниковедения появляется несколько различных по типу и по генеральным идеям обобщающих дипломатических трудов. Прежде всего это лекции Н. П. Лихачева и Н. Н. Ардашева, мало связанные с развитием конкретного актоведения. Основной смысл их — найти место дипломатики среди других вспомогательных исторических дисциплин на базе западноевропейского опыта. Попытка эта оказалась не слишком удачной, поскольку Лихачев опирался на опыт не столько современной ему западноевропейской дипломатики, сколько французской дипломатики XVII — начала XVIII в. Отсюда его тенденция растворять дипломатику в палеографии, сфрагистике, архивоведении и т. д., отсутствие постановки особых задач дипломатики как специальной дисциплины.

Другой труд — статья С. А. Шумакова (1917), дающая подробную классификацию разновидностей русских грамот XIV—XVII вв. В целом эта работа шла в русле юридической традиции, выраженной на втором этапе в исследовании Д. М. Мейчика, однако по сравнению с последним автор резко расширил предмет обзора, включив в него многочисленные разновидности грамот XVI—XVII вв., и попытался иначе оценить происхождение некоторых разновидностей актов — в свете представлений о социально-экономических отношениях и классовой борьбе.

Последний и самый важный труд обобщающего характера — курс русской дипломатики частных актов А. С. Лаппо-Данилевского. В отличие от работ Лихачева и Ардашева, посвященных общим задачам дипломатики, и статьи Шумакова, посвященной конкретным разновидностям актов, книга Лаппо-Данилевского имела целью разработку общей методики анализа древнерусских частноправовых актов безотносительно к их конкретным разновидностям. Лаппо-Данилевский дал подробную схему источниковедческого исследования акта (интерпретация, внешняя и внутренняя критика, анализ, синтез).

Если до Лаппо-Данилевского русская дипломатика базировалась на методе «сводных текстов», то Лаппо-Данилевский, напротив, призвал к исследованию «движения» клаузул (статей) актов определенной разновидности. Предложенный Лаппо-Данилевским «графическо-статистический» метод анализа актов был нацелен на то, чтобы проследить эволюцию клаузул, диалектику внутренней формы актов той или иной разновидности.

Работы А. С. Лаппо-Данилевского и его школы, разумеется, не решили всех вопросов дипломатики конкретных разновидностей актов, хотя и внесли в нее существенный вклад. Остались без удовлетворительного ответа и некоторые общие вопросы дипломатики частных актов: проблема достоверности их содержания, метод исследования социальных причин создания актов и др. Теория публично-правового акта совсем выпала из сферы интересов школы Лаппо-Данилевского.

2. Советская дипломатика

Из направлений, сложившихся в русском актовом источниковедении в конце XIX — начале XX вв., в 20—30-х годах получили развитие два: собственно дипломатическое и юридически-экономическое. Наиболее крупными представителями первого направления были А. И. Андреев и С. Н. Валк, второго — С. Б. Веселовский и Б. Д. Греков.

А. И. Андреев много занимался вопросами систематизации и описания древнерусских актов. Ему принадлежит подробное описание грамот, хранящихся в рукописном отделе ГПБ¹⁷⁷. Им был составлен словарь терминов, которыми обозначались в источниках различные разновидности частноправовых актов¹⁷⁸. Большой интерес представляет статья Андреева о подложной грамоте 1556 г. Печенгскому монастырю¹⁷⁹.

С. Н. Валк явился продолжателем лучших традиций русской школы дипломатики частных актов. В 1922 г. он опубликовал ценное исследование о полных грамотах¹⁸⁰, сохраняющее свое научное значение и поныне. В 1937 г. Валк выступил со статьей, посвященной критическому разбору древнейших русских частных актов, относимых в литературе к XII—XIV вв.¹⁸¹ Автор пришел к выводу,

¹⁷⁷ См.: Андреев А. И. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской публичной библиотеки. Вып. 1//ЛЗАК. Пг., 1923. Вып. 32.

¹⁷⁸ См.: Андреев А. И. Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922.

¹⁷⁹ См.: Андреев А. И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г.//Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

¹⁸⁰ См.: Валк С. Н. Грамоты полные//Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922.

¹⁸¹ См.: Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта//Вспомогательные исторические дисциплины. М., Л., 1937; ср. его же. Древнейшие новгородские акты (XIV—XV вв.)//Новгородский исторический сборник. 1937, № 2, Автор посвятил

что часть из них составляют подделки, которые надо датировать более поздним временем. Помимо конкретного исследования в статье имеется общетеоретическое введение. В нем подводились итоги развития западноевропейской и русской дипломатики и формулировались новые задачи, стоящие перед этой научной дисциплиной. Под руководством С. Н. Валка была составлена картотека изданных грамот (хранится в ЛОИИ).

С. Б. Веселовский занимался изучением как публично-правовых, так и частноправовых актов Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Ему принадлежит специальное исследование, посвященное жалованным грамотам XIV—XVII вв.¹⁸² Автор стоял на точке зрения В. И. Сергеевича, считая, что жалованные грамоты создавали феодальный иммунитет. Иной взгляд защищал А. Е. Пресняков, видевший в грамотах лишь средство великокняжеской политики¹⁸³. Изучение разного рода грамот легло в основу монографии Веселовского об аграрных отношениях Северо-Восточной Руси¹⁸⁴ и его многочисленных этюдов по генеалогии боярских и дворянских родов. Веселовский провел гигантскую работу по выявлению и копированию грамот. Им самим и по его заказам было скопировано около 2000 грамот архива Троице-Сергиева монастыря конца XIV—начала XVII в., значительное количество грамот Кирилло-Белозерского монастыря, Калязина. Активное участие в копировании троицких грамот принимал Л. В. Черепнин.

В многочисленных трудах Б. Д. Грекова по истории русского крестьянства широко привлекаются различные разновидности русских грамот (духовные и договорные, служилые кабалы и др.) для изучения социально-экономических процессов с позиций марксистско-ленинской теории¹⁸⁵.

специальную статью установлению поддельности так называемой новгородской проезжей грамоты 1269 г. (см.: Валк С. Н. Новгородская проезжая грамота 1269 года//Исторические записки. 1945. Кн. 16).

¹⁸² См.: Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

¹⁸³ См.: Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость//ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 34.

¹⁸⁴ См.: Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М., Л., 1936.

¹⁸⁵ См.: Греков Б. Д. Происхождение крепостного права в России//Крепостная Россия. Л., 1930; его же. Очерки по истории феодализма в России. М., Л., 1934; его же. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М., Л., 1940; его же.

Большое внимание уделяется в это время дипломатическому исследованию послушных грамот — источнику, отражающему рост эксплуатации крестьян в XVI в.¹⁸⁶

Интересный образец дипломатического исследования содержался в работе П. П. Смирнова о московских ткачах¹⁸⁷. Автор попытался воссоздать историю текста и выдачи жалованных грамот Кадашевской и Хамовной слободам. Изучением политических мотивов и обстоятельств пожалования некоторых отдельно взятых грамот занимались также Н. С. Чаев, И. И. Смирнов и Б. А. Романов¹⁸⁸. Из внешнеполитических актов интерес исследователей привлекли прежде всего договоры Руси с Византией X в. В. М. Истрин относил появление их русских переводов, вошедших в летопись, к середине XI в. (1925). С. П. Обнорский проводил мысль о том, что язык договоров древнее второй половины XI в.: появление переводов с греческого «приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих актов» (1936). Г. Е. Кочин в ходе тонкого формулярно-текстологического анализа передатировал несколько договорных грамот Новгорода с князьями¹⁸⁹. Подверглись специальному изучению и наиболее выдающиеся частноправовые акты¹⁹⁰.

Большое значение имела вступительная статья А. И. Яковлева к его публикации записных кабалных книг конца XVI — начала XVII в. Автор впервые в исто-

Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., Л., 1946; 2-е изд. М., 1952—1954. Кн. 1—2.

¹⁸⁶ См.: Полосин И. И. Поместье и крестьянская крепость//Ученые записки Института истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 4; Смирнов И. И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в./Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 5—6. С. 59—73.

¹⁸⁷ См.: Смирнов П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии. Ташкент, 1928.

¹⁸⁸ См.: Чаев Н. С. Двинская уставная таможенная грамота 1560 г./ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 34; Смирнов И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого//Исторический архив. М., Л., 1939. Т. 2; Романов Б. А. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича рязанскому Ольгову монастырю//Проблемы источниковедения. М., Л., 1940. Вып. 3.

¹⁸⁹ См.: Кочин Г. Е. О договорах Новгорода с князьями//Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19. С. 199—210.

¹⁹⁰ См.: Бауэр Н. П. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-Западной Руси в XII в./Проблемы источниковедения. М., Л., 1940. Вып. 3.

риографии произвел классификацию и составил список кабальных и записных книг старых крепостей — этих важнейших сборников актов на холопов¹⁹¹. Правда, в основу составления списка Яковлев положил принцип учета единиц хранения, а не отрывков из реально существовавших книг, что позднее вызвало необходимость пересмотра и уточнения как списка, так и классификации.

Отдельным работам этого периода не хватало четкости в постановке вопроса об актах. Так, предметом статьи Н. С. Чаева о ядринских «актах» XVII в. были, по существу, не акты в собственном смысле слова, а делопроизводственные документы и челобитные¹⁹². Автор полностью устранился от анализа разновидностей, происхождения и формы источников, дав лишь пересказ их содержания по определенным тематическим рубрикам. Чаеву удалось методами палеографической критики раскрыть некоторые актовые подделки XIX в.¹⁹³

А. А. Введенский, изучавший подделки документов XVI—XVII вв., коснулся частично и актов¹⁹⁴. Его работе свойственны два основных недостатка: причисление к «актам» всякой вообще документации, вплоть до житий святых и родословцев, несовершенство методики изучения актов (отдельные, подчас случайные наблюдения автора не переходят в систематический формулярный анализ). Отнесение к «актам» документов делопроизводственного характера можно наблюдать и у других исследователей¹⁹⁵. В работах этого времени проявилась тенденция известного упрощения задач дипломатики (изучение содержания без систематического анализа формуляра, возвращение к разоблачению подделок как главной цели дипломатики).

Из обобщающих трудов по дипломатике следует отметить очерки А. М. Большакова, Н. Коробкова,

¹⁹¹ См.: Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг./Под ред. А. И. Яковлева. М., Л., 1938. С. VI—VII.

¹⁹² См.: Чаев Н. Ядринские акты как источник по истории чувашей в XVII в./Проблемы источниковедения. М., Л., 1933. Вып. I.

¹⁹³ См.: Чаев Н. С. К вопросу о подделках исторических документов в XIX в./Известия АН СССР. 1933. VII серия. Отд. общественных наук. № 6—7. С. 485—502.

¹⁹⁴ См.: Введенский А. А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв./Проблемы источниковедения. Вып. I.

¹⁹⁵ См., напр.: Неклюдов В. М. Обзор актов Холмогорской таможенной избы XVII в./Проблемы источниковедения. Вып. 3.

И. Ф. Колесникова¹⁹⁶. В этих работах дается традиционное представление о дипломатике, понимаемой главным образом в документоведческом смысле, и не содержится ни исследования конкретных разновидностей актов, ни оригинальной трактовки методов дипломатики. Г. П. Саар рассматривал дипломатику как науку, во-первых, о методах определения подлинности документов, во-вторых, о формулах и оборотах речи, применявшихся «в актах, а также в частной переписке» (1930). М. Д. Приселков считал дипломатику частью источниковедения, изучающей «историю дипломов и частных актов» (1938).

Итак, уже в 20—30-х годах в источниковедении публично-правовых актов наряду с юридически-экономическим подходом С. Б. Веселовского стал постепенно утверждаться конкретно-исторический метод (имевший весьма слабую традицию в дореволюционной науке) — изучение происхождения политических актов (П. П. Смирнов, И. И. Смирнов, Б. А. Романов). Вместе с тем в понимании задач дипломатики наблюдается возрождение взглядов Н. П. Лихачева: выдвигание на передний план общедокументоведческих целей, отсюда преувеличение значения исконной задачи старой дипломатики — разоблачения фальшивок, иногда отказ от формулярного анализа как главного метода в актовом источниковедении (А. А. Введенский, Н. С. Чаев, Н. Коробков, И. Ф. Колесников).

Для дипломатики 20-х — начала 40-х годов характерны и общие черты развития советской исторической науки этого периода, и прежде всего увеличение внимания к экономическим процессам, отраженным в актах.

В новый этап русская дипломатика вступает с середины 40-х годов XX в. Советские ученые переходят к систематическому изданию древнерусских актов и их изучению на основе последовательного применения марксистско-ленинской методологии.

Во второй половине 40-х — в 60-х годах вышли такие фундаментальные публикации, как «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М., Л., 1949), «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» (М., Л., 1950), «Акты феодального землевладения и хозяйства» (М., 1951—1961. Ч. 1—3), «Акты социально-экономиче-

¹⁹⁶ См.: Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924; Коробков Н. Русская дипломатика// Архивное дело. 1940. № 1; Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и для архивной работы// Архивное дело. 1940. № 2—3.

ской истории Северо-Восточной Руси» (М., 1952—1964. Т. 1—3), «Смоленские грамоты XIII—XIV веков» (М., 1963), «Новые псковские грамоты XIV—XV веков» (М., 1966). Эти издания — не только плод огромной археографической работы, давшей в руки исследователей комплекс русских актов с древнейших времен до XVI в., но и результат изменения подхода к изучению актов (отказ от какой бы то ни было иллюстративности, осуществление ленинского требования сбора всех фактов без единого исключения).

Появились и отдельные небольшие публикации актов как в качестве самостоятельных изданий¹⁹⁷, так и в составе сборников и журналов, в виде приложений к монографиям¹⁹⁸ или в виде их составных частей¹⁹⁹. Обзор этих публикаций дал Л. В. Черепнин²⁰⁰.

Особо отметим издания А. И. Копанева. Он опубликовал записную книгу старых крепостей 1598 г., в которой фигурируют списки различных актов на холопов: кабалы, полные, данные, отпускные, мировые и др. Кроме того, Копанев издал разрубные списки, грамоты, памяти, явки и другие разновидности документов по финансовой истории Куростровской волости Двинского уезда XVI в.²⁰¹

В 60-х годах вышел также сборник грамот XV в., относящихся к Украине²⁰². Публикация образцов грамот различных разновидностей с древнейших времен до начала XVIII в. осуществлена в «Памятниках русского права» (М., 1952—1963. Вып. 1—7), где приводятся также основные сведения о разновидностях и истории актов (в предисловиях к разделам и в историко-правовых об-

¹⁹⁷ См., напр.: Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

¹⁹⁸ См., напр.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 481—483 (публикация В. Д. Назарова).

¹⁹⁹ См.: Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970. С. 341—484.

²⁰⁰ См.: Черепнин Л. В. Публикации русских актов XIV—XVI вв., осуществленные в советское время//АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 36—49.

²⁰¹ См.: Копанев А. И. Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в.//Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М., Л., 1966. С. 151—186; *его же*. Куростровские столбцы XVI в.//Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970 (Северный археографический сборник. Вып. 1). С. 398—431.

²⁰² См.: Українські грамоти XV ст./Підг. тексту, вступна ст. и ком. В. М. Русанівського, Київ, 1965.

зорах), библиография. Главная заслуга в издании этой важной серии принадлежит А. А. Зимину. Им же выпущено пособие по методике публикации русских актов²⁰³. С 50-х годов началось издание берестяных грамот.

50—60-е годы отмечены составлением и публикацией перечней различных групп и разновидностей грамот: таможенных²⁰⁴, наместничьих, губных и земских²⁰⁵, жалованных и указных²⁰⁶, полных и докладных²⁰⁷, грамот XIV—XVI вв., хранящихся в ЦГАДА²⁰⁸, актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря²⁰⁹.

В первые послевоенные годы было продолжено изучение конкретных обстоятельств происхождения отдельных актов, причем заметно увеличилось внимание к внешнеполитическим актам²¹⁰. При рассмотрении договоров Руси с Византией X в. подчеркивалась их подлинность (И. Свенцицкий), наличие в них элементов русского права (М. И. Корнеева-Петрулан, М. В. Левченко и др.).

В дипломатике этого времени выдающуюся роль сыграла монография Л. В. Черепнина²¹¹, который последовательно применил к актам метод изучения источника в движении и в связи с историей других источников.

²⁰³ См.: Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959.

²⁰⁴ См.: Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка//Исторические записки. 1950. Кн. 31. С. 264—266.

²⁰⁵ См.: Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 222—225 (составитель перечня А. А. Зимин).

²⁰⁶ См.: Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Ч. 1]//АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302—376; Ч. 2//АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129—200; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3//АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197—253.

²⁰⁷ См.: Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI вв.//АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 66—81.

²⁰⁸ См.: Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв./Сост. В. Н. Шумилов; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954.

²⁰⁹ См.: Зимин А. А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря//АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 366—396.

²¹⁰ См.: Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией//Исторические записки. 1945. Кн. 14; Базилович К. В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III//Вестник Московского университета. 1948. № 1.

²¹¹ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.

Л. В. Черепнин провел систематическое исследование классовый и политической направленности актов и сборников актов. Особенно интересны разделы монографии, посвященные междукняжеским договорным грамотам, жалованным иммунитетным грамотам, копийным книгам. Более схематично и иногда с уступкой иллюстративному методу изложены наблюдения автора над частными актами и правыми грамотами. Впоследствии Л. В. Черепнин уделил серьезное внимание анализу социальной терминологии актов XV в. и внес много нового в изучение истории таких категорий крестьянства, как «старожильцы», «люди окупленные» и т. п.²¹²

Княжеским духовным и договорным грамотам посвящены также работы А. А. Зимина²¹³. В них критически рассмотрены основания датировок грамот, предложены новые объяснения, уточняющие обстоятельства и время возникновения этих источников. Духовную Ивана Грозного изучал С. Б. Веселовский (1947).

Весьма важная работа по датировке новгородских договорных и жалованных грамот была проведена В. Л. Яниным. Изучая актовую сфрагистику и сопоставляя ее с летописным материалом, автор внес существенные коррективы в хронологию договорных и жалованных грамот. Убедительность наблюдений В. Л. Янина определяется систематическим методом его исследования истории новгородских институтов власти (прежде всего посадников), а также новгородских печатей²¹⁴.

В 60-х годах дискуссионной оказалась проблема анализа жалованных грамот XVI в. как источника по истории феодального иммунитета и внутренней политики. Реконструкция автором данного пособия конкретных политических мотивов выдачи жалованных грамот XVI в.²¹⁵ вызвала возражения со стороны Н. Е. Носо-

²¹² См.: Черепнин Л. В. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. (Из истории производительных сил и производственных отношений)//Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4.

²¹³ См.: Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в.//Исторические записки. 1948. Кн. 27; *его же*. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв.//Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5; *его же*. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.//Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.

²¹⁴ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; *его же*. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1—2.

²¹⁵ См.: Каптанов С. М. Из истории последних удельных грамот МГИАИ. М., 1957. Т. 10; *его же*. Ограниченность феодального имму-

ва²¹⁶, считавшего, что жалованные грамоты в большинстве случаев выдавались скорее по традиции или в силу экономической необходимости, чем по политическим причинам. Однако, подчеркивая «обычность» содержания той или иной грамоты, Н. Е. Носов исходил лишь из общего представления о шаблонности актового формуляра и не занимался текстологией формуляров жалованных грамот, которая только и может показать степень «обычности» или необычности формуляра.

Некоторые элементы текстологического анализа сохранились в исследовании Н. Е. Носова о солигалицкой губной грамоте²¹⁷. Автор сравнивает эту грамоту с другими губными грамотами и выясняет признаки ее необычности. К сожалению, Носов отказался от исследования политических причин выдачи солигалицкой грамоты. Против права исследователей на реконструкцию политических мотивов выдачи жалованных грамот (а по ним и внутривластного курса в целом) Н. Е. Носов выдвинул еще и тот аргумент, что источники сохранились не полностью, а лишь частично. Однако этот аргумент в той части, которая отрицает политические мотивы выдачи отдельных грамот и групп грамот, силы не имеет, ибо сколько бы ни сохранилось грамот, каждая из них остается продуктом определенных обстоятельств, требующих конкретно-исторического исследования.

нитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI в.//Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11; *его же*. Иммунитетные грамоты 1534—начала 1538 года как источник по истории внутренней политики в период регентства Елены Глинской//Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 8; *его же*. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в.//История СССР. 1959. № 6; *его же*. Феодальный иммунитет в годы боярского правления//Исторические записки, 1960. Кн. 66; *его же*. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967; *его же*. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу)//Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4 (Ученые записки КГПИ. Вып. 80); и др.

²¹⁶ См.: Носов Н. Е. «Новое» направление в актовом источниковедении//Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10; *его же*. О статистическом методе в актовом источниковедении. (По поводу статьи А. А. Зимина)//Вопросы архивоведения. 1962. № 4; *его же*. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 89—239; см. также: Копанев А. И. Советская дипломатика... С. 66—67, 73.

²¹⁷ См.: Носов Н. Е. Солигалицкая губная грамота//Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.

Основная идея Н. Е. Носова сводится к тому, что из жалованных грамот допустимо брать лишь данные для характеристики отдельных экономических, юридических и политических явлений (как это и делается в его книге о местном управлении в XVI в.²¹⁸), но нельзя изучать их «систематическим» методом, который Носов не вполне справедливо отождествлял со «статистическим» и в который он вкладывал двойное содержание: 1) установление политического происхождения отдельной грамоты, 2) реконструкция курса империалистической политики в целом.

Можно согласиться с мнением Н. Е. Носова о том, что реконструкция всего курса политики действительно должна делаться с учетом возможных пробелов в источниках. Другие направления его критики более спорны. А. А. Зимин считал, что принципы, изложенные Носовым, ведут к отказу от использования методов дипломатии как вспомогательной исторической дисциплины и к замене их иллюстративным методом²¹⁹.

Впоследствии нами было уделено большое внимание текстологическому анализу тарханной части жалованных грамот XVI в. Текстологический анализ показал политическую направленность редактирования старых формуляров в целях создания новых и выявил политический смысл использования старых формуляров без изменения²²⁰. Автору принадлежит также опыт классификации жалованных грамот XV—XVI вв.²²¹

Жалованные и указные грамоты начала XVII в. как источник по внутривосточной истории успешно изучал В. Д. Назаров²²². Для работ Назарова характерен

²¹⁸ См.: Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., Л., 1957.

²¹⁹ См.: Зимин А. А. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1; см. также: Каштанов С. М. Состав империалистических грамот первой половины XVI в. // АЕ за 1962 год.

²²⁰ См.: Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970.

²²¹ См.: Каштанов С. М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Исторический архив. 1956. № 3.

²²² См.: Назаров В. Д. Жалованная грамота Лжедмитрия I Галицкому Великопустыньскому Авраамьеву монастырю // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 354—368; его же. Классовая борьба горожан и правительство Бориса Годунова // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 216—223; его же. Из истории внутренней политики начала XVII в. // История СССР, 1967, № 4, С. 90—103.

учет количества грамот, их распределения по категориям грамотчиков, сравнение новых клаузул со старыми, выяснение политических мотивов выдачи грамот.

Исследования В. Д. Назарова явились новым подтверждением правомерности и плодотворности рассмотрения жалованных грамот как актов внутривосточной борьбы. Обзор жалованных грамот XVII в., хранящихся в Государственном историческом музее, дала С. П. Григорова-Захарова, отметившая некоторые особенности внешней формы, формуляра и содержания этих источников²²³. Изучались и жалованные грамоты, служившие целям прежде всего внешней политики. Так, в одной из статей Н. А. Казаковой подробно проанализировано содержание жалованной грамоты Василия III 1517 г. датским купцам²²⁴.

В тесной связи с фактами политической борьбы рассматривали в 50—60-х годах происхождение и содержание публичных актов В. Т. Пашуто, И. П. Шаскольский, А. Л. Хорошкевич, В. И. Корецкий, В. Б. Кобрин²²⁵ и др. А. Л. Хорошкевич посвятила также статью особенностям формуляра и классификации жалованных грамот XV в. Литовской метрики²²⁶. Е. И. Дружинина подробно исследовала текст и обстоятельства заключения Кючук-Кайнарджийского договора России с Турцией²²⁷.

Широкое применение приемов дипломатии в сочетании с методами других специальных исторических дис-

²²³ См.: Григорова-Захарова С. [П.] Русские жалованные грамоты XVII века // Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. М., 1958. Ч. 1. С. 24—38.

²²⁴ См.: Казакова Н. А. Русско-датские торговые отношения в конце XV—начале XVI в. // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970. (Труды Ленинградского отделения Института истории СССР (ЛОИИ). Вып. 2). С. 89—102.

²²⁵ См.: Пашуто В. Т. Христбургский (Кишпоркский) договор 1249 г. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 7; Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., Л., 1964; Хорошкевич А. Л. Договоры Полоцка 1405—1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // АЕ за 1962 год; его же. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. // АЕ за 1963 год. М., 1964; Корецкий В. И. Об одной «ошибке» архивистов XVIII века (Лжедмитрий II и вопрос о крестьянском выходе) // АЕ за 1962 год; Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1962. Вып. 25.

²²⁶ См.: Хорошкевич А. Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47—74.

²²⁷ См.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.

циплин — исторической географии, генеалогии и т. д. — позволило И. М. Людину заново датировать и по-новому интерпретировать содержание известной грамоты о сиротах Терпилова погоста²²⁸.

С позиций текстологически-формулярного анализа подошел к изучению княжеских церковных уставов Я. Н. Шапов²²⁹. Он вполне справедливо поставил вопрос о необходимости четкого различия уставных грамот церковным иерархам и церковных уставов в собственном смысле слова²³⁰.

А. Д. Горский рассмотрел уставные грамоты на кормления как источник, характеризующий рост поборов с населения в пользу княжеской администрации в XV—XVI вв.²³¹ Б. Н. Флоря сравнил данные Белозерской уставной грамоты 1488 г. с показаниями «Келарского обиходника» Кирилло-Белозерского монастыря второй четверти XVI в. и пришел к выводу, что обиходник значительно дополняет сведения уставной грамоты о кормах в пользу администрации²³². В работах А. Т. Николаевой и Ю. А. Тихонова, касавшихся уставных таможенных грамот XVI—XVII вв., исследование социально-экономических проблем преобладает над непосредственно дипломатическим анализом²³³. Новые таможенные грамоты середины XVI в. опубликовал и проанализировал А. А. Зимин²³⁴. Е. П. Маматова сравнила особенности

²²⁸ См.: Людин И. М. Грамота о сиротах Терпилова погоста как источник по истории московско-новгородских отношений XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5.

²²⁹ См.: Шапов Я. Н. Редакция устава князя Ярослава Владимировича // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. 11. С. 481—513; его же. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 год.

²³⁰ См.: Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы и церковь в феодальном развитии Руси в X—XIV вв. // История СССР. 1970. № 3. С. 133.

²³¹ См.: Горский А. Д. К вопросу об усилении эксплуатации непосредственных производителей на Руси во второй половине XV — начале XVI в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1958. № 1. С. 17—23.

²³² См.: Флоря Б. Н. О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI века // АЕ за 1962 год. С. 92—97.

²³³ См.: Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. 1950. Кн. 31; Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Исторические записки. 1955. Кн. 53.

²³⁴ См.: Зимин А. А. К изучению таможенной реформы середины XVI в. // Исторический архив. 1961, № 6, С. 129—133.

формуляра вновь найденной ею таможенной грамоты 1596 г. на с. Высокое Коломенского уезда с формулярами других таможенных грамот²³⁵.

Обстоятельному разбору подвергла Л. И. Ивина судебные документы XV — начала XVI в. (судные списки, докладные судные списки, правые грамоты) как источник по истории борьбы за землю между монастырями и черносошными крестьянами²³⁶. Весьма интересны ее подсчеты распределения документов по периодам²³⁷. Но в целом эта работа носит не столько дипломатический, сколько общенсточниковедческий характер.

Во второй половине 40-х — в 60-х годах появился ряд исследований, в которых актовый материал XV—XVII вв. подвергся анализу как источник по истории социально-экономических отношений. В изучаемое время известное применение получил «графически-статистический» метод. Весьма удачно он использован в работах Е. И. Каменцевой, посвященных кабальным книгам и порядным грамотам конца XVI—XVII вв.²³⁸ Автор дает статистические выкладки, характеризующие развитие важнейших клаузул, и подвергает полученный в результате дипломатического анализа материал исследованию с позиций марксистского учения о феодализме как социально-экономической формации. Жилые записи XVII в. изучены в социологическом плане Н. А. Горской²³⁹. Эволюция основных разновидностей актов крестьянского закрепощения во второй половине XVII в. прослеживается в монографии А. Г. Манькова²⁴⁰.

²³⁵ См.: Маматова Е. П. Таможенная грамота на сельский торжок // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1962. Вып. 25. С. 344—356.

²³⁶ См.: Ивина Л. И. Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве во второй половине XV — начале XVI в. // Исторические записки. М., 1970. Кн. 86. С. 326—356.

²³⁷ Некоторые критические соображения на этот счет см.: Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974. С. 12—16.

²³⁸ См.: Каменцева Е. И. Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева // Труды МГИАИ. М., 1946. Т. 2; ее же. Условия закрепощения новопорядчиков // Труды МГИАИ. М., 1954. Т. 7. О последующем изучении порядных в 50—60-х годах см.: Камкин А. В. Порядные крестьян-половников поморских уездов XVI—XIX вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Т. 3. С. 100—107.

²³⁹ См.: Горская Н. А. Жилые записи. (К истории найма в XVII в.) // История СССР. 1963. № 5. С. 58—78.

²⁴⁰ См.: Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М., Л., 1962.

Социолого-статистический метод исследования служилых кабал получил разработку в трудах В. М. Панеяха²⁴¹. Специально изучил Панеях вопрос о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря²⁴². Он пришел к выводу, что эти документы являлись, по существу, разновидностью крестьянских порядных грамот. Клаузульно-статистический анализ других источников по истории холопства — полных и докладных — был произведен Е. И. Колычевой²⁴³.

В социологическом и историко-географическом аспектах использован актовый материал в трудах А. И. Копанева и Ю. Г. Алексева²⁴⁴ по истории землевладения отдельных районов Русского государства XV—XVI вв. Исторические построения авторов базируются на всем комплексе дошедших актов, относящихся к изучаемым районам. Это безусловно проявление систематического метода обработки актовых источников. Историко-географическим уклоном отличается и ценная работа Л. М. Марасиновой об открытых ею псковских грамотах XIV—XV вв.²⁴⁵

Частные акты черносозных крестьян Двинского уезда как источник по истории зарождения крестьянских «капиталов» в XVI в. изучал Н. Е. Носов²⁴⁶.

²⁴¹ См.: Панеях В. М. Из истории кабального холопства в XVI в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М., Л., 1960; *его же*. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967.

²⁴² См.: Панеях В. М. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5.

²⁴³ См.: Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI веков // АЕ за 1961 год. М., 1962.

²⁴⁴ См.: Копанев А. И. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М., Л., 1951; Алексеев Ю. Г. Волость в Переяславском уезде XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М., Л., 1960; *его же*. Феодално-зависимые крестьяне в вотчине Переяславского уезда XV — начала XVI в. // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М., Л., 1964; *его же*. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М., Л., 1966.

²⁴⁵ См.: Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.

²⁴⁶ См.: Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 227—269; *его же*. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 240—284.

В иллюстративном по преимуществу плане рассмотрены Г. Н. Образцовым порядные грамоты архива Антониева Сийского монастыря XVII в., а С. И. Сакович — акты крестьянского отхода и найма конца XVII в.²⁴⁷ Результатом совершенно изолированного изучения отдельных групп источников иногда бывала переоценка их достоверности²⁴⁸.

Особое место в дипломатике и эпистографии занимает изучение берестяных грамот, которое началось с 50-х годов. Берестяным грамотам посвятили исследования многие советские историки, археологи и лингвисты: А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров, В. И. Борковский, Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, Л. П. Жуковская, Л. В. Черепнина, Д. А. Авдусин, А. Д. Горский, А. А. Коновалов, И. К. Лабутина и др.

Следует отметить широкое использование актового материала, часто сопровождавшееся специальными источниковедческими изысканиями, в общенсторических трудах по истории России XIV—XVI вв. — Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина, Г. Е. Кочина, А. Д. Горского, А. М. Сахарова, А. К. Леонтьева, В. Б. Кобринина и др.

При изучении актов XVIII в., имеющих более стереотипный формуляр, чем грамоты XV—XVII вв., главное внимание в 50—60-х годах было уделено не клаузульному анализу, а статистическим подсчетам фактических данных, указанных в актах, и их социологическому осмыслению²⁴⁹. Новым направлением в актовом источниковедении было изучение актов XIX в. В статье Б. Г. Литвака рассматривалась история выработки формуляра уставной грамоты 1861 г.²⁵⁰

В 60-х годах к дипломатическо-грамматическому и палеографическому изучению актов обращаются лингви-

²⁴⁷ См.: Образцов Г. Н. Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв. // Исторический архив. 1953. Т. 8; Сакович С. И. Памяти кормежные, наемные и жилые крестьян-отходников конца XVII века // АЕ за 1962 год.

²⁴⁸ См., напр.: Бакланова Н. А. Поручные записи по волжским судебным работным людям как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 226—234.

²⁴⁹ См.: Троицкий С. М. Заемные книги крепостных контор как источник по истории крестьян в России середины XVIII века (по материалам Арзамасской крепостной конторы) // АЕ за 1962 год; Капустина Г. Д. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 7.

²⁵⁰ См.: Литвак Б. Г. К истории формуляра уставной грамоты 1861 года // АЕ за 1957 год. М., 1958.

сты. Палеографические особенности актов и других деловых документов рассматривались в статьях Р. В. Бахтуриной и И. С. Филипповой²⁵¹. Терминологию и дипломатическую структуру северных актов изучал В. Я. Дерягин²⁵².

Особое место в дипломатике занимает проблема подлинности актов. В противоположность С. Н. Валку М. Н. Тихомиров стремился доказать, что все древнейшие частноправовые акты можно считать подлинными, а не подложными²⁵³. М. Н. Тихомиров выступил и против попытки А. А. Зимина отнести к концу XIV в. уставную грамоту князя Всеволода-Гавриила Мстиславича церкви Ивана Предтечи на Опоках (эта грамота по имени князя традиционно датируется XII веком)²⁵⁴.

Древнейшим новгородским актам и вопросу об их хронологии уделил внимание также В. Л. Янин. С. Н. Валк считал, как известно, духовную и данную Антония Римлянина подделками XVI в., хотя по летописной дате смерти Антония их относили обычно к 1147 г. Если М. Н. Тихомиров отстаивал традиционную точку зрения, то В. Л. Янин подошел к этим двум актам дифференцированно. Духовную Антония он рассматривал как копию подлинного акта XII в., отодвигая его дату даже ко времени до 1131 г., а в данной видел «подлинный» же документ, но не XII, а XIV в. (в ней употребляется счет на рубли, что невозможно для XII в.)²⁵⁵.

²⁵¹ См.: Бахтурина Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов//Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 35—37; Филиппова И. С. Об одной графической детали в скорописи XVII в.//Там же. С. 73—77; и др.

²⁵² См.: Дерягин В. Я. Важские грамоты XVI в.//Известия АН СССР. 1964. Серия литературы и языка. Т. 23. С. 248—255; *его же*. Пинежская челобитная 1676 г.//Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 211—215; *его же*. Изучение памятников деловой письменности Севера в связи с задачами исторической диалектологии//Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 146—149; и др.

²⁵³ См.: Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси//Исторические записки, 1945. Кн. 17. Переиздание в кн.: Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

²⁵⁴ См.: Зимин А. А. Уставная грамота Всеволода Мстиславича//Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М., 1952; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 169—197.

²⁵⁵ См.: Янин В. Л. Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата//Вестник Московского университета, 1966. Серия IX. История. № 3.

Из двух уставных грамот Всеволода-Гавриила Мстиславича, княжившего в Новгороде в XII в., В. Л. Янин относит одну («рукописание») к концу XIII—началу XIV в., а другую («устав») — к первой четверти XIII в.²⁵⁶ Таким образом, в датировке «рукописания» В. Л. Янин занял промежуточную позицию между М. Н. Тихомировым и А. А. Зиминим, но в общем и целом его исследование подкрепляет мнение Зимина о подложности уставной грамоты Всеволода. В. Л. Янин уточнил также датировку грамоты Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и грамоты Всеволода-Гавриила Мстиславича Юрьеву монастырю. Он пришел к выводу, что обе они были выданы одновременно, т. е. не позднее 1136 г.²⁵⁷

О древнейшем псковском акте — «рядной Тешаты» (XIII в.) — написала статью А. П. Глаголева, считающая вслед за В. К. Трутовским Тешату женщиной²⁵⁸.

Изучением подложных документов XVI—XVII вв. занимались во второй половине 40-х — в 60-х годах Н. Калистратов, А. А. Зимин, В. И. Корецкий и др.²⁵⁹ Значительная часть лекций А. А. Введенского по дипломатике была посвящена русским, украинским и грузинским подложным документам²⁶⁰.

Помимо изучения актов как таковых в этот период велось исследование записных и копийных книг, содержащих определенные комплексы актов. Записные книги старых крепостей подвергнуты анализу в работах Е. И. Каменцевой и В. М. Панеяха²⁶¹. Последним была

²⁵⁶ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 82—93.

²⁵⁷ См.: Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в.//Культура Древней Руси. М., 1970. С. 313—324.

²⁵⁸ См.: Глаголева А. П. К вопросу о «рядной Тешаты»//Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 202—208.

²⁵⁹ Подробнее см.: Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в.//Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961; *его же*. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв.//Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17; Кашиганов С. М. Очерки русской дипломатии. С. 266—268.

²⁶⁰ См.: Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. (Дипломатика). Киев, 1963.

²⁶¹ См.: Каменцева Е. И. Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева//Труды МГИАИ, М., 1946. Т. 2; Панеях В. М. Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. (Опыт реконструкции)//История СССР. 1960. № 1; *его же*. Записные книги старых крепостей конца XVI в.//Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. 11.

предпринята попытка дать новую классификацию кабальных и записных книг старых крепостей, учитывающую как характер и назначение этих книг, так и смысл законодательных постановлений, предписывавших их ведение. На основании этой классификации Панеяхом составлен список кабальных и записных книг XVI в.²⁶²

Вопрос о записных книгах первой половины XVIII в. получил освещение в указанных ранее статьях Г. Д. Капустиной и С. М. Троицкого. Изучение копийных книг, впервые поднятое на теоретическую высоту Л. В. Черепниним, имеет целью воссоздание истории феодальных архивов и определение степени сохранности, полноты и подлинности дошедших текстов. В советской дипломатике копийные книги рассматриваются как памятники социально-политической борьбы за землю, рабочие руки и феодальные привилегии²⁶³. С этих же методологических позиций рассматриваются коллекции ханских ярлыков. Изучавший их А. А. Зимин привлек к анализу все обнаруженные списки этих коллекций. Он поставил исследование коллекций на строго текстологическую почву, отверг датировку М. Д. Приселкова и пришел к ряду важных конкретных выводов²⁶⁴.

В советской медиевистике конца 40—60-х годов, изучавшей западноевропейский, византийский и восточный актовый материал, иллюстративный метод был довольно распространен, а отсутствие в подавляющем большинстве работ дипломатического анализа обедняло социологический анализ исторических явлений. Этот метод уже тогда встретил критическое к себе отношение²⁶⁵.

²⁶² См.: *Панеях В. М.* О классификации и составе кабальных и записных книг старых крепостей XVI века // АЕ за 1962 год.; *его же.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967, С. 141—148.

²⁶³ См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. *Каштанов С. М.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1956. Вып. 18; *Ивина Л. И.* Копийная книга актов Симонова монастыря XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1962; Вып. 10; *ее же.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1961. Вып. 24; *ее же.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв. // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1965. Вып. 27.

²⁶⁴ См.: *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // АЕ за 1961 год.

²⁶⁵ См.: *Романова Е. Д.* Прекарный на землях Сен-Галленского аббатства в VIII—IX вв. // Средние века. М., 1959. Вып. 15. Автор подчеркивает необходимость не только «индивидуальной обработки грамот», но и «количественных подсчетов».

Исследователи, изучавшие в 50-х годах восточный актовый материал, пользовались традиционным иллюстративно-социологическим методом, а из вопросов источниковедения уделяли внимание преимущественно интерпретации содержания актов, что связано с первой очередь с языковыми трудностями²⁶⁶.

В рассматриваемый период появились две обобщающие в методическом плане работы по актовому источниковедению: А. А. Введенского «Лекции по документальному источниковедению» (1963) и С. М. Каштанова «Очерки русской дипломатики» (М., 1970). В них фиксировалось внимание на приемах исследования актов. Введенским рассмотрены принципы формулярного членения акта и на примере работы И. П. Крипякевича о гетманских универсалах показано применение этих принципов. В «Очерках...» была развита теория о типах формуляров, среди которых различались 1) индивидуальный, 2) конкретный (или групповой), 3) абстрактный и 4) условный. При этом подчеркивались особенности деления текста в каждом из указанных типов.

С точки зрения этой теории заметим, что Введенский смешивает приемы исследования условного и индивидуального формуляров. Формуляр определяется им как «вся сумма формул акта». Он имеет в виду формулы индивидуального формуляра, но деление его на три части производит по принципу членения условного формуляра. «Формулы» он отождествляет с «клаузулами». «Каждое грамматически законченное целое предложение называется формулой акта или клаузулой акта», — утверждает автор. Вместе с тем в качестве «формул», а следовательно, и «клаузул» у него фигурируют компоненты условного формуляра («формула богословия», «формула титула», «формула об адресе» и т. д.), которые в большинстве случаев не совпадают со статьями индивидуального и производных от него формуляров (конкретного и абстрактного). Перечисляя компоненты условного формуляра, автор не приводит их латинские наименования (за исключением «narratio»), а описывает содержание «формул»²⁶⁷. Его описательные характеристики весьма громоздки и не могут служить удобным заменителем соответствующей латинской номенклатуры.

Вопросу о месте дипломатики среди других специальных или вспомогательных исторических дисциплин уде-

²⁶⁶ См.: *Чехович О. Д.* Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв. // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4.

²⁶⁷ См.: *Введенский А. А.* Лекции... С. 19—21.

лил внимание В. В. Фарсобин. Автор склоняется к мнению, что за дипломатикой следует «закрепить... определенные функции в изучении источников», такие, например, как «изучение форм, стиля, идеоматических (так! — С. К.) оборотов, характерных терминов, слов и их сочетаний в источниках того или иного периода в целом, но не только актов»²⁶⁸. Причем «познание индивидуальных особенностей памятников» входит уже не в дипломатику, а в «текстологию», дипломатика же должна заниматься изучением «характерных особенностей памятников с точки зрения эпохи», выявляя «отражение в источниках обычаев эпохи, школы, направления».

Такой подход предполагает, что исследователь заранее знает, какие черты источника отражают «эпоху, школу, направление», а какие — «индивидуальные особенности памятников», т. е. результат исследования берется в качестве его исходной точки. Однако не ясно, какие науки должны устанавливать различие индивидуального и типического, чтобы затем дипломатика взялась за последнее, уступив первое текстологии. Постановка вопроса ведет к необходимости создания какой-то новой науки, предшествующей в исследовании текста источника дипломатике и текстологии. Все это позволяет признать предложенное Фарсобинным разделение функций дипломатики и текстологии практически неосуществимым, а следовательно, научно необоснованным.

Весь смысл рассуждений Фарсобина о дипломатике сводился к тому, что это наука не объектная (т. е. не ограниченная определенным объектом приложения, скажем, тем или иным видом или видами источника), а функциональная, приложимая в своей функции ко всем видам письменных источников. Однако от сколько-нибудь четкого определения функции дипломатики автор фактически уклонился, а попытавшись сделать свою мысль более или менее ясной на примере различения задач дипломатики и текстологии, он показал несостоятельность представлений о дипломатике как науке, занимающейся лишь некоторыми элементами текста, о которых якобы априори может быть известно, что они отражают не индивидуальный стиль, а типические черты школы или эпохи.

Фарсобин фактически разделяет (хотя и не признается в этом) высказанное нами мнение, что дипломати-

²⁶⁸ Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения. (Историографические заметки)//Источниковедение истории советского общества, М., 1968, Вып. 2, С. 407.

ка есть прежде всего наука о «внутренней форме» актов²⁶⁹. Но он вносит сюда коррективы: дипломатика — наука не о всей внутренней форме, а только о части (неиндивидуальной) этой формы.

Фарсобин стремится распространить дипломатику как метод исследования на все письменные источники, а не только на акты. Он приводит мнения ряда авторитетов, понимавших дипломатику расширительно, хотя и не игнорирует высказывания тех ученых, которые ограничивали объект дипломатики актами. Фарсобин как бы забывает о всей сложной истории дипломатики, возникшей как наука о подлинности документов. Именно дипломатика дала начало источниковедению и многим другим вспомогательным историческим дисциплинам, которые постепенно отпочковывались от нее и приобретали самостоятельное значение.

Далеко не все вспомогательные исторические дисциплины могут быть выделены по своей «чистой» функции, в абстракции от объекта исследования. Так, неотделимы от своего объекта нумизматика, сфрагистика, дендрохронология и др. В дипломатике формулярный анализ является важным, но не единственным методом исследования. Современный дипломатист не может обойтись без палеографического анализа почерков для выяснения происхождения акта из определенной канцелярии или бюро письма. Метод Зиккеля, лежащий в основе всей европейской дипломатики публичных актов, предполагает тесное сочетание методов формулярного и палеографического анализа. Объединяются же эти методы не абстрактно, а применительно к определенному объекту исследования — актам. Следовательно, разрывать методику и объект изучения так, как это делает Фарсобин, по нашему мнению, неправомерно. Л. В. Черепнин критиковал Фарсобина за попытку оторвать функции дипломатики от ее объекта (1973).

А. С. Орешников отметил возможность использования аппликативной порождающей модели С. К. Шаумяна²⁷⁰ при анализе текста актов²⁷¹. Однако о цели и

²⁶⁹ См.: Каптанов С. М. Дипломатика как специальная историческая дисциплина//Вопросы истории, 1965. № 1, С. 39.

²⁷⁰ См.: Шаумян С. К., Соболева П. А. Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке. М., 1963.

²⁷¹ См.: Орешников А. С. О применении формализации к описанию деловых текстов//Источниковедение и история русского языка. М., 1964, С. 150—156.

перспективах применения в дипломатике этой модели автор, к сожалению, умолчал.

В 70-х — начале 80-х годов продолжалось издание актовых материалов. Вышел в свет первый том «Актов Русского государства», где опубликованы акты архива Троице-Сергиева монастыря за 1505—1526 гг. (М., 1975). Появилась четвертая часть «Актов феодального землевладения и хозяйства» (Л., 1983), куда вошли акты архива московского Симонова монастыря за 1506—1613 гг., сборник актов Московского Успенского собора и Богоявленского монастыря XVI — начала XVII в.²⁷² Значительное количество актов, относящихся к Рязанскому краю, издано по лингвистическим правилам в сборнике «Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край» (М., 1978). Начато издание митрополичьего формулярника первой трети XVI в.²⁷³

Были опубликованы «Грамоты XIV ст.». Сюда вошли древнейшие западнорусские, русско-литовские и валахско-молдавские акты (Киев, 1974). Правда, подложные грамоты в этом издании фигурируют наравне с подлинными без каких-либо оговорок. А. Л. Хорошкевич подготовила к печати комментированное издание полоцких грамот XIII — начала XVI в.²⁷⁴ Из археографического наследия С. Б. Веселовского увидели свет кроме «Актов Русского государства» еще так называемые «Акты писцового дела»²⁷⁵. В этом сборнике помещены документы, не являющиеся актами в узком смысле слова. К публикациям актов примыкает издание древнерусских княжеских уставов и уставных грамот, осуществленное Я. Н. Шаповым²⁷⁶.

В 1984 г. эти источники были переизданы и сопровождаются комментариями²⁷⁷. Под названием «Законодательные акты» опубликованы указы, приговоры и уложения второй половины XVI — первой половины XVII в.²⁷⁸

²⁷² См.: Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984. [Ч. 1—2].

²⁷³ См.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. [Ч.] 1.

²⁷⁴ См.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977—1985. Вып. 1—5.

²⁷⁵ См.: Акты писцового дела (1644—1661 гг.). М., 1977.

²⁷⁶ См.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

²⁷⁷ См.: Российское законодательство X—XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 134—298.

²⁷⁸ См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986.

Продолжалось выявление и публикация русских грамот XV в., относящихся к внешней²⁷⁹ и внутренней политике²⁸⁰, а также частных актов этого времени²⁸¹. Издавались внешнеполитические²⁸², внутривнутриполитические²⁸³ и частные²⁸⁴ акты XVI в. Из актов более позднего времени была опубликована, например, жалованная грамота

²⁷⁹ См.: Казакова Н. А. Грамота Ивана III папе Александру VI//АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 26—28.

²⁸⁰ См.: Маштафаров А. В. Вологодская грамота XV в.//СА. 1974. № 6. С. 103—104; Фокин Н. К. Светская иммунитетная грамота Ивана III//СА. 1977. № 3. С. 87—88; Бычкова М. Е. Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями//АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 353—356; Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в.//Записки отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1982. Вып. 43. С. 96—104; Кротов М. Г., Сметанина С. И. Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в.//СА. 1987. № 1. С. 66—69.

²⁸¹ См.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 195—197; Рыков Ю. Д. Указ. публ. С. 95—96, 105.

²⁸² См.: Глушакова Ю. П. Неопубликованные русские грамоты из Ватиканского архива//Вопросы истории. 1974. № 6. С. 128—132.

²⁸³ См.: Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае (Документы)//Из истории Татарии. Казань, 1973. Сб. 5. (Ученые записки КГПИ. Вып. 116). С. 17—21, 31, 33—34; его же. К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в. (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.)//Историкографический и источниковедческий сборник. Вопросы методики исследования. Казань, 1978. (Ученые записки КГПИ. Вып. 184). С. 132—143; его же. По следам троичных копийных книг XVI в. Ч. 2//Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1979. Вып. 40. С. 42—48; Морозов Б. Н. Жалованная грамота Симеона Бекбулатовича//СА. 1977. № 2. С. 89; Тугова Т. А. Грамоты промысловым людям Поморья//СА. 1979. № 1. С. 42—49; Филиппова И. С. Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области//История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 258—286; Воскобойникова Н. П. Жалованная грамота Спасскому Сойгинскому монастырю 1546 г.//Крестыянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 111—118.

²⁸⁴ См.: Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения... С. 16—17, 21—32; его же. По следам троичных копийных книг. Ч. 2. С. 41—42, 48—58; Брызгалов В. В. Челобитная Антония Сийского 1540 гг.//АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 309—310; Воскобойникова Н. П. Материалы по истории землевладения и землепользования черносошных крестьян Кеврольского уезда XVI—XVII вв.//Историкографический и источниковедческий сборник северного крестьянства СССР. Северный археографический сб. Вологда, 1979. Вып. 7. С. 123—146; Шилов В. В. Новый документ о монастырском землевладении в годы опричнины//АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 90, 95.

1737 г. московским купцам²⁸⁵. В связи с начавшимся и продолжающимся изданием Пространной редакции разрядных книг²⁸⁶ стали вводиться в научный оборот списки с известных и малоизвестных грамот, включенные в состав этой редакции²⁸⁷. Специальное внимание уделяется проблеме совершенствования методов публикации актов²⁸⁸. Появились новые хронологические перечни грамот, составленные по номинально-тематическому²⁸⁹ и географическому²⁹⁰ принципам, а также описи и обзоры фондов и коллекций актовых материалов²⁹¹.

В это время уделяется внимание отдельным разновидностям публично-правовых актов. Изучались договоры Руси с Византией X в. с точки зрения процедуры их заключения²⁹² и истории международных отношений в целом²⁹³.

Н. А. Казакова проследила эволюцию перечней должностных лиц в новгородско-немецких договорах XII—

²⁸⁵ См.: Буганов В. И. Жалованная грамота 1737 г. московским купцам из Парижской Национальной библиотеки — источник по истории московской текстильной промышленности России второй четверти XVIII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 315—319.
²⁸⁶ См.: Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1, 2; М., 1978. Т. 1. Ч. 3; М., 1981. Т. 2. Ч. 1; М., 1982. Т. 2. Ч. 2, 3; М., 1984. Т. 3. Ч. 1.

²⁸⁷ См.: Янин В. Л. К хронологии новгородских актов Василия Темного // АЕ за 1979 год. С. 43—49.

²⁸⁸ См.: Каштанов С. М. Из опыта актовой археографии // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 52—79; Правила издания «Актов Русского государства XVI—начала XVII вв.» / Сост. И. А. Булыгин. М., 1984.

²⁸⁹ См.: Флоря Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 125—126; Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. Ч. 1 // АЕ за 1978 год. С. 191—235; Ч. 2 // АЕ за 1979 год. С. 210—255.

²⁹⁰ См.: Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI—XVII вв. (Хронологический перечень документов). Казань, 1980.

²⁹¹ См.: Шумилов В. Н. Государственное древлехранение хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971; Иванова Т. С. Коллекция государственных и частных актов поместно-вотчинных архивов XVI—XIX вв. // АЕ за 1973 год. С. 210—218; Афанасьев В. И. Обзор собрания псковских актов А. Ф. Бычкова // АЕ за 1978 год. С. 184—190.

²⁹² См.: Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 209—215.

²⁹³ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX—первая половина X в. М., 1980; *его же*. Дипломатия Святослава. М., 1982; *его же*. «Мы от рода Русского...». Рождение русской дипломатии. Л., 1986.

XV вв., связав ее с этапами политической истории Новгорода. Происхождение и содержание русско-немецких договоров конца XIV — начала XVI в. Казакова рассматривает на фоне общей истории русско-ливонских и русско-ганзейских отношений этого времени²⁹⁴.

И. Э. Клейненберг объяснил некоторые важные дипломатические и сфрагистические особенности договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг.²⁹⁵ Изучались русско-шведские договоры 1323 г., 30-х годов XVI в., 1595 г.²⁹⁶, русско-польские договоры 1591, 1667 гг.²⁹⁷ и др.

В плане уточнения датировок и выяснения обстоятельств происхождения исследовались некоторые между княжеские договорные грамоты; подверглась формулярному анализу начальная часть великокняжеских духовных грамот²⁹⁸. Происхождение и содержание духовной

²⁹⁴ См.: Казакова Н. А. Начальный текст новгородско-немецких договоров XII—XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 161—175; *его же*. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

²⁹⁵ См.: Клейненберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета посланца немецкого купечества 1292 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 118—126.

²⁹⁶ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987; *его же*. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV в. Петрозаводск, 1987; Каштанов С. М. Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье. Сб. статей. М., 1978. С. 213—219; Рябошапка Ю. Б. Тязвинский мирный договор 1595 г. и правящие круги Швеции // Тезисы докладов VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973. Ч. 1. С. 74—75; *его же*. Тязвинские переговоры 1594—1595 гг. // Социально-политическая история СССР. Сб. ст. М., Л., 1974. Ч. 2. С. 25—68; *его же*. Вопросы торговли в Тязвинском договоре 1595 г. в связи с внутренней политикой правящих кругов Швеции // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. 20. С. 60—67.

²⁹⁷ См.: Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 71—81; *его же*. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973; *его же*. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978; Санин Г. А. Взаимоотношения России и Правобережной Украины на рубеже 60—70-х годов XVII в. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

²⁹⁸ См., напр.: Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. Сб. ст. М., 1979. С. 191—217; Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот кон-

Ивана IV исследовал Р. Г. Скрынников. Духовные и договорные грамоты рассматривались как источник по истории административного и финансового устройства Московского княжества в XIV—XV вв., закрепощения крестьян в XIII—XV вв.²⁹⁹ Особое внимание привлекла к себе так называемая запись о душегубстве XV в.³⁰⁰

Тщательному источниковедческому анализу несколько раз подвергались списки утвержденной грамоты земского собора 1598 г. об избрании на царство Бориса Годунова³⁰¹; велось исследование церковных уставов Владимира и Ярослава и княжеских уставных грамот церковным учреждениям; изучался формуляр кормленых грамот XV—XVI вв.³⁰² Рассматривалась эволюция богословской преамбулы жалованных грамот XIV—XV вв. А. А. Зимин проследил развитие «вотчинной части» жалованных грамот конца XV — начала XVII в. Иосифо-Волоколамскому монастырю³⁰³. По жалованным грамо-

ца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 238—251.

²⁹⁹ См.: Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV—XV вв. // Исторические записки. 1980. Кн. 105. С. 196—228; Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 173—189; Горский А. Д. Договорные грамоты XIII—XV вв. как источник по истории закрепощения крестьян на Руси // Исследования по истории и историографии феодализма. С. 159—173.

³⁰⁰ См.: Семенченко Г. В. О датировке московской губной грамоты // СА. 1978. № 1. С. 53—58; Хорошкевич А. Л. К истории возникновения «записи о душегубстве» // Восточная Европа в древности и средневековье. С. 193—203; Зимин А. А. Запись о душегубстве // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 17. С. 133—141.

³⁰¹ См.: Мордовина С. П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 127—141; Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 года и избрание Бориса Годунова на трон // История СССР. 1977. № 3. С. 141—157; Павлов А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 10. С. 206—225.

³⁰² См.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972; Янин В. Л. Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 243—251; его же. К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 60—68; Флоря Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 год. С. 109—126.

³⁰³ См.: Каштанов С. М. Богословская преамбула жалованных грамот // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973,

там изучалось развитие торговли в XIV—XV вв., эволюция податного иммунитета в XIV—XVI вв., личный состав и компетенция центральных учреждений в середине XVI в., финансовая политика XVI в., состояние феодального иммунитета во второй половине XVII в. и др.³⁰⁴

Княжеские духовные, договорные и жалованные грамоты использовались в трудах по исторической географии и политической истории России XIV—XV вв.³⁰⁵ Существенное значение для разработки дипломатики жалованных грамот и посланий имеет также анализ текста ханских ярлыков, дошедших в русских переводах, и сравнение их с другими ханскими грамотами, сохранившимися в оригиналах³⁰⁶.

Вып. 5. С. 81—107; Зимин А. А. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю XVI в. // Актовое источниковедение. Сб. ст. М., 1979. С. 164—178.

³⁰⁴ См.: Каштанов С. М. Внутренняя торговля и спрос крупных землевладельцев на предметы потребления в XIV—XV вв. // История СССР. 1977. № 1. С. 144—160; Флоря Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV — первой половине XVI в. // История СССР. 1972. № 1. С. 48—71; Kаштанов S. M. The Centralised State and Feudal Immunities in Russia // The Slavonic and East European Review. 1971. Vol. 49. N 115. P. 235—254; Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76—96; Каштанов С. М. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. Сб. ст. М., 1982. С. 77—89; его же. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 118—136; его же. Отмена тарханов в России в середине XVI в. // История СССР. 1986. № 6. С. 40—60; Булыгин И. А. Борьба государства с феодальным иммунитетом // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 327—333.

³⁰⁵ См.: Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. 1974. Кн. 94. С. 365—384; его же. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. С. 185—192; его же. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 46—60; Горский А. Д. О вотчинном суде на Руси в XIV—XV вв. // Россия на путях централизации. С. 25—35.

³⁰⁶ См.: Усманов М. А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева улуса // Актовое источниковедение. С. 218—244; его же. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979; Григорьев А. П. «Вышняя тронца» в ярлыке золотоордынского хана Мөнгке-Темюра // Востоковедение. Л., 1974. Вып. 1. С. 188—200; его же. Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XIII—

Правые грамоты и судные списки как источник по истории борьбы крестьян за землю в XV — начале XVI в. изучались А. Д. Горским, который применил при этом метод коррекции количественных данных³⁰⁷.

Заметное внимание в 70-х — начале 80-х годов было уделено в советской историографии и частным актам. Ю. Г. Алексеев коснулся древнейших новгородских актов и весьма подробно рассмотрел постановление Псковской судной грамоты о земельных актах. Алексеев подверг анализу формуляр и содержание 11 псковских купчих XIV—XV вв.³⁰⁸ М. Б. Свердлов воспринимает относимые к XII в. новгородские частные акты как подлинные. Такого же мнения придерживается В. Ф. Андреев, изучивший 33 новгородские духовные XIV—XV вв. Он не сомневается и в подлинности вкладной Варлаама Хутынского³⁰⁹. В. Л. Янин подтвердил свой прежний вывод о подлинности духовной Антония Римлянина, которую он датирует 1131 годом, и о возможности отнесения купчей Антониева монастыря к 1354—1357 гг.³¹⁰ В. М. Панеях полагает, что спорные вопросы датировки

XV вв. (1)//Тюркологический сборник. 1974. М., 1975. С. 172—193; *его же*. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII—XV вв.//Востоковедение. Л., 1977. Вып. 3. С. 132—156; *его же*. Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978; *его же*. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII—XIV вв.//Востоковедение. Л., 1980. Вып. 7. С. 155—180; *его же*. К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII—XIV вв.//Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1980. Вып. 5. С. 15—38; и др.³⁰⁷ См.: Горский А. Д. Динамика борьбы крестьян за землю в Северо-Восточной Руси XV—начала XVI в.//История СССР. 1972. № 3. С. 85—105; *его же*. Из истории борьбы крестьян за землю на Руси XV—начала XVI в.//Вестник Московского университета. 1972. № 3. С. 38—56; *его же*. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI в. М., 1974.

³⁰⁸ См.: Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты)//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Вып. 6. С. 125—141; ср. *его же*. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980; *его же*. Псковские купчие XIV—XV вв.//Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. С. 126—147.

³⁰⁹ См.: Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв.//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 50—69; Андреев В. Ф. Новгородские духовные XII—XV вв.//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Вып. 13. С. 131—148; *его же*. О подлинности данной Варлаама Хутынского//Проблемы отечественной истории. Сб. статей. М., Л., 1976. Ч. 2. С. 135—153.

³¹⁰ См.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 40—59.

новгородских грамот еще не решены окончательно³¹¹. Так называемая данная черницы Марины, которую С. Н. Валк считал подделкой XVI в., а М. Н. Тихомиров — подлинным актом XIII в., была заново изучена В. А. Кучкиным. Он сделал попытку обосновать уже принятую И. А. Голубцовым датировку грамоты 1452/53 годом³¹².

Передатировку ряда двинских грамот конца XIV—XV вв. предпринял В. Ф. Андреев. Его исследования, касающиеся новгородских и двинских частных актов, обобщены в его монографии, где дается последовательный анализ дипломатической структуры различных разновидностей частных актов³¹³. Формуляр и содержание двинских частных актов XVI—XVII вв. изучались в трудах А. И. Копанева, Н. Н. Покровского, А. А. Амосова и др.; порядные Важского уезда XVII в. исследовал Ю. С. Васильев³¹⁴. Завещаниям светских и духовных феодалов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. была посвящена диссертация Г. В. Семенченко, по наблюдениям которого завещания составлялись обычно в тех случаях, когда права наследников могли быть оспорены соседними землевладельцами или крестьянами. Он же связал вопрос об оформлении завещаний с влиянием переводного византийского права³¹⁵.

³¹¹ См.: Панеях В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка//Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. С. 67—69.

³¹² См.: Кучкин В. А. «Данная» черницы Марины//Исторические записки. 1982. Кн. 108, С. 294—316.

³¹³ См.: Андреев В. Ф. О датировке некоторых двинских грамот//Вспомогательные исторические дисциплины, Л., 1978, Вып. 10. С. 181—199; *его же*. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986.

³¹⁴ См.: Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в.//Вспомогательные исторические дисциплины, Л., 1974. Вып. 6. С. 142—161; *его же*. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978; *его же*. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносотного землевладения в России XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973; Амосов А. А. Крестьянский архив XVI столетия//АЕ за 1973 год. С. 206—209; *его же*. Частный акт — источник генеалогических изысканий (к проблеме реконструкции крестьянских архивов)//Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 1975; Васильев Ю. С. Порядные записи северной монастырской вотчины XVII в.//АЕ за 1976 год. М., 1977, С. 82—88.

³¹⁵ См.: Семенченко Г. В. Духовные грамоты XIV—XV вв. как исторический источник. Автореф. дисс. канд. ист. наук, М., 1983; *его же*. Византийское право и оформление русских завеща-

В 80-х годах заметно возросло внимание к актам крупнейшего духовного феодала Северо-Восточной Руси — Троице-Сергиева монастыря. Они изучались как источник по истории землевладения³¹⁶, расселения³¹⁷ и в плане уточнения датировок недатированных грамот³¹⁸. Акты холопской зависимости XVI—XVII вв. наряду с другими источниками по истории холопства этого времени исследовал В. М. Панелях. Он специально рассматривал кабальные книги³¹⁹.

Приемы стилистического анализа частных актов с использованием методов дипломатики разрабатывают лингвисты. «Формулярные элементы» челобитных XVII в. исследовал С. С. Волков³²⁰. Северными частными актами XV—XVII вв. занимался с лингвистически-дипломатической точки зрения В. Я. Дерягин³²¹.

ний в XIV—XV вв. // Византийский временник, М., 1986, т. 46, с. 164—173.

³¹⁶ См.: Черкасова М. С. Акты Троице-Сергиева монастыря XIV—XVI вв., как источник по истории его землевладения // Вестник МГУ, М., 1981, Серия 8, История, № 4; *его же*. Бежецкая вотчина Троице-Сергиева монастыря в XIV—XVI вв. // Проблемы истории СССР, М., 1982, Вып. 12; *его же*. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. Автореф. канд. дисс. М., 1982; Круглик Г. М. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в период феодальной войны // Аграрный строй в феодальной России, XV—начало XVIII в. Сб. статей, М., 1986.

³¹⁷ См.: Чернов С. З. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря. (К интеграции методики археологии и специальных исторических дисциплин) // АЕ за 1981 год; *его же*. Вотчина Ворониных (по актам Троице-Сергиева монастыря, устной традиции и археологическим данным) // Вестник МГУ, М., 1982, Серия 8, История, № 6; *его же*. Происхождение вотчин XIV—XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря, (Историческая география землевладения), Автореф. канд. дисс. М., 1983.

³¹⁸ См.: Семенченко Г. В. О хронологии троицких актов конца XIV—первой половины XV в. // АЕ за 1984 год. М., 1986, с. 100—110.

³¹⁹ См.: Панелях В. М. Холопство в XVI—начале XVII в. Л., 1975; *его же*. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984; *его же*. Кабальные книги первой половины XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины, Вып. 11, с. 89—113.

³²⁰ См.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Л., 1974.

³²¹ См.: Дерягин В. Я. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важных порядных XVII в.) // Русский язык. Источники для его изучения, М., 1971, с. 151—188; *его же*. Лексико-семантический анализ группы деловых текстов // Памятники русского языка, Вопросы исследования и издания, М., 1974, с. 202—223; *его же*. Об историко-стилистическом исследовании актов текстов // Вопросы языкознания, 1980, № 4, с. 97—107; *его же*. Русская деловая речь на Севере в XV—XVII вв. Автореф. дисс. докт. филолог, наук, М., 1980.

Публичные и частные акты широко используются в монографиях и диссертациях, посвященных истории феодального землевладения, внутренней и внешней политики. Отметим среди них монографии и статьи А. А. Зимина, В. Л. Янина, В. Б. Кобрин, Л. И. Ивиной, А. Л. Шапиро и др.

В рассматриваемый период было продолжено введение в научный оборот актов документов XIX в. Так, одним из объектов анализа в монографии Б. Г. Литвака «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в.» (М., 1979) явились «договора и сделки». Он считает, что приговоры сельских и волостных сходок также часто были документами сделочного характера.

В 70-х — начале 80-х годов продолжалось изучение копийных книг — митрополичьей кафедры³²², Троице-Сергиева монастыря³²³, северных монастырей³²⁴. Стали специально изучаться описи монастырских архивов как источник для установления полноты их состава³²⁵. Л. В. Черепнин вновь обратил внимание на целенаправленный характер составления копийных книг³²⁶. В связи с проблемой полноты состава копийных книг В. Б. Кобрин поставил вопрос о степени репрезентативности дошедших актов материалов как исторического источни-

³²² См.: Клосс Б. М. О составе копийной книги московского митрополичьего дома // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5, с. 107—112.

³²³ См.: Каптанов С. М. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря). Ч. 1—4 // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1977. Вып. 38; М., 1979. Вып. 40; М., 1981. Вып. 42; М., 1982. Вып. 43.

³²⁴ См.: Амосов А. А. Копийная книга Антониева Сийского монастыря // АЕ за 1971 год; *его же*. Актовые книги Михайло-Архангельского монастыря // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 3.

³²⁵ См.: Амосов А. А. О методике исследования описей монастырских архивов. (На примере анализа описей архива Антониева Сийского монастыря XVII—XVIII вв.) // Социально-политическая история СССР. Сб. статей, М., Л., 1974, ч. 2; *его же*. Архивная опись как источник информации об утраченных актах // СА, 1975, № 1; Тутова Т. А. Из истории архива Соловецкого монастыря. [Ч. 1—2] // АЕ за 1983 год. М., 1985; АЕ за 1984 год.

³²⁶ См.: Черепнин Л. В. Проблема соотношения понятий «методология» и «методика» источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей, М., 1973. Вып. 1, с. 61—63.

ка. По его наблюдениям, число сохранившихся актов составляет более половины, если не две трети, всего имевшегося состава источников³²⁷.

Из обобщающих работ по истории акта издан обзор основных групп актов X—XVII вв.³²⁸ Более подробная характеристика актов X—XIV вв. была дана в специальной статье³²⁹. Вопросы методики работы с актовым материалом и принципы его классификации рассматривались в учебном пособии А. П. Пронштейна по методологии исторического и источниковедческого исследования (1971, 1976).

В 70—80-х годах с новой остротой встал вопрос об объекте и предмете дипломатики. Л. В. Черепнин подчеркнул, что, «поскольку дипломатика имеет свои специфические особенности с точки зрения как объекта, так и методики изучения, ее, очевидно, следует рассматривать не просто как раздел источниковедения, а как отдельную («специальную») дисциплину источниковедческого цикла»³³⁰. А. П. Пронштейн указал на необходимость проводить четкую грань между этими понятиями, считая объектом дипломатики сам актовый материал, а предметом — разработку методов дипломатического анализа и решение на их основе задачи изучения происхождения и содержания актов³³¹. Точка зрения В. В. Фарсобина относительно объекта и предмета дипломатики была поддержана Л. Е. Шепелевым. Последний считает, что «дипломатика есть часть источниковедения, изучающая все типы письменных источников в отношении их внешних особенностей», под которыми подразумевается «все в документе, за исключением его содержания»³³². В рецензии на книгу В. В. Фарсобина, в которой автор ее

³²⁷ См.: Кобрин В. Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. С. 183.

³²⁸ См.: Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 107—124.

³²⁹ См.: Каштанов С. М. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 94—116.

³³⁰ См.: Черепнин Л. В. Проблема соотношения понятий «методология» и «методика» источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. Вып. 1. С. 53.

³³¹ См.: Пронштейн А. П. Дипломатика как научная дисциплина // История СССР. 1971. № 2. С. 179.

³³² Шепелев Л. Е. Проблемы дипломатического изучения делопроизводственных документов XIX—начала XX в. М., 1972. С. 1—2.

без изменений излагает свою концепцию 1968 г.³³³, Шепелев подтверждает, что рядом дореволюционных и советских исследователей «дипломатическое изучение источника представлялось как особый этап в историко-исследовательском изучении его вообще», но поскольку этот «первоначальный смысл» дипломатики безнадежно искажен в наше время, то вряд ли «по чисто техническим причинам» удастся к нему вернуться³³⁴. Говоря о «первоначальном смысле» дипломатики, можно было бы напомнить, что первоначально так называемая практическая и ранняя научная дипломатика применялась именно к актовому материалу, а не ко всем видам источников вообще, причем, решая вопрос о подлинности актов, дипломатика в ряде случаев затрагивала их содержание (яркий пример — трактат Лоренцо Валлы). Лишь когда объектом критики стали жития святых (*acta sanctorum*), произошло распространение некоторых приемов внешней и внутренней критики, разработанных в дипломатике, на повествовательные источники. Нельзя согласиться с утверждением Шепелева, что источниковедение — наука-мать, а вспомогательные исторические дисциплины — науки-дочери. Исторически было как раз наоборот. Сначала на практической почве развились такие отрасли знания, как дипломатика (вместе с палеографией и сфрагистикой), генеалогия, геральдика и т. д., и лишь в новое время возникло источниковедение как наука, впитавшая в себя богатый опыт так называемых вспомогательных дисциплин и утвердившая свое главенство над ними.

В истоках спора о том, должна ли дипломатика распространяться на все виды письменных источников, лежит очень старое противостояние двух точек зрения: сторонники одной из них видели в дипломатике сугубо формальную дисциплину, сторонники другой признавали «герменевтику текста», т. е. изучение содержания источника, также задачей дипломатики. Мы уже упоминали, что классик австрийско-немецкой дипломатики XIX в. Т. Зиккель стоял ближе ко второй точке зрения. Напротив, крупнейший французский специалист по дипломатике А. Жири упрекал немецкую дипломатику в том, что ее представители склонны к анализу не только формы,

³³³ См.: Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 101—118.

³³⁴ См.: Шепелев Л. Е. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод // История СССР. 1986. № 1. С. 207—208.

но и содержания актов. В России XIX — начала XX вв. историки, изучавшие акты, уделяли большое внимание их содержанию. Взгляд на дипломатику как на дисциплину, занимающуюся лишь формой источников, причем разных видов, проводили М. Гастев, Н. П. Лихачев и Н. Н. Ардашев. Что касается А. С. Лаппо-Данилевского, то он в большей мере следовал трактовке Зиккеля. Его анализ формуляра актов и «движения клаузул» был направлен на изучение сути явления, содержания через форму. Эти два разных подхода сказались впоследствии на понимании объекта и предмета дипломатики советскими историками. Обращение к историографии практически может подтвердить или подкрепить как ту, так и другую точку зрения. Поэтому историографический способ доказательства истины, избранный Фарсобиным, крайне уязвим.

В специальной статье, написанной по поводу книги В. В. Фарсобина, советский востоковед А. П. Григорьев показал невозможность и непродуктивность членения источников всех видов на «клаузулы». Это явно не годится для повествовательных источников. Автор склоняется к мысли о том, что объектом дипломатики являются «делопроизводственные (документальные)» материалы, отличные от повествовательных памятников³³⁵.

Характеристика делопроизводственных материалов XVI—XVII вв. была дана С. О. Шмидтом и С. Е. Князьковым. В числе прочих источников авторы указывают и различные разновидности грамот³³⁶. Изучению делопроизводственных материалов XIX в. в плане применения к ним методов анализа формуляра посвятил ряд ценных работ Л. Е. Шепелев. Развивая и совершенствуя приемы исследования формы этих источников, автор довольно подробно рассматривает теоретическое наследие таких документоведов, как Н. В. Варадинов и К. Г. Митяев, и вносит некоторые коррективы в их подходы. Представляет интерес определение Шепелевым черновика, беловика, дубликата, копии и т. д.³³⁷

³³⁵ См.: Григорьев А. П. Содержание термина «источниковедение» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1986. Вып. 9. С. 91, 95, 97.

³³⁶ См.: Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М., 1985. С. 33 и др.

³³⁷ См., напр.: Шепелев Л. Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX в. // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1975, М., 1976. С. 248—271.

Б. Г. Литвак поставил вопрос о том, насколько можно сблизить документоведение, понимаемое в свете работ Шепелева в качестве науки о внешней и внутренней форме документальных источников, с дипломатикой. Вводя термин «неодипломатика», Литвак справедливо подчеркивает необходимость включения в объект дипломатики и актов нового и новейшего времени. Он склоняется к мысли, что объект дипломатики едва ли целесообразно сводить лишь к документам договорного характера, хотя в отличие от Шепелева уделяет им особое внимание. Из замечаний Литвака не вполне ясно, как должны соотноситься документоведение и дипломатика. Если для Шепелева документоведение практически равнозначно дипломатике, то Литвак говорит о том, что дипломатике следует не замыкаться в себе (т. е. не ограничиваться «актами» в узком смысле слова), а идти на сближение с документоведением³³⁸. Литвак не учитывает, что современное документоведение занимается в первую очередь проектированием документных стандартов. Поэтому скорее можно говорить о сближении дипломатики с дисциплиной, изучающей историю делопроизводства, и с эпистографией. В историографии зарубежных европейских стран история делопроизводства обычно входит в состав дипломатики. Письма иногда также признаются объектом дипломатики.

Таким образом, в современной советской дипломатике накоплен большой опыт актовых публикаций и изучения конкретных разновидностей актов, ведется разработка методики анализа актового материала, не прекращается полемика вокруг вопроса о предмете, объекте и задачах этой научной дисциплины.

3. Изучение русских актов за рубежом

Интерес к русским актам возник за рубежом довольно рано, о чем может свидетельствовать уже упоминавшееся письмо Гаттерера Миллеру 1766 г. (см. гл. I), однако до XX в. никаких серьезных работ на эту тему не появлялось. Внимание к русско-византийским договорам X в. было привлечено в начале XX в. монографией Г. М. Бараца (Киев, 1910), содержавшей «сенсационный» вывод о господстве в них «монсеево-талмудическо-

³³⁸ См.: Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. С. 212—224.

го» права. В рецензии на эту книгу методика и выводы автора подвергались критике³³⁹.

Перевод русских актов на иностранные языки начался с 30-х годов XX в. и продолжается до настоящего времени. Источники, как правило, привлекаются выборочно. Так, образцы некоторых разновидностей русских грамот XIV—XV вв. (жалованных и др.) приводились в переводе на французский язык в приложении к монографии А. Эка о русском средневековье³⁴⁰. По его же инициативе М. Шефтелем было осуществлено издание в переводе на французский язык нескольких памятников древнерусского права, в том числе церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого, княжеских уставных грамот XII в. и фальсифицированного устава Всеволода о церковных людях и торговых мерах. Каждый из памятников предварялся предисловием и сопровождался комментариями³⁴¹. Довольно много актов переведено на английский язык. Г. Вернадский опубликовал перевод Двинской уставной грамоты конца XIV в. Х. Дьюн перевел Белозерскую уставную грамоту 1488 г., Двинскую земскую грамоту 1552 г., некоторые иммунитетные, губные грамоты и крестоцеловальные записи. Р. Хаус опубликовал перевод духовных грамот московских великих князей. Ценную подборку переводов русских публично-правовых (особенно иммунитетных) грамот и частных актов (данных, купчих и т. п.), относящихся к XII—XVII вв., издал Р. Э. Ф. Смит. Большую публикацию грамот XIII—XVII вв. подготовили Х. Дьюн и А. Клеймола³⁴². В это издание вошли правые, указные и зазывные грамоты, челобитные, явки, поручные, рядные-сговорные (о бра-

³³⁹ См.: *Solomon R.* Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией // *Byzantinische Zeitschrift*. Leipzig, 1911. Bd. 20, S. 522—526.

³⁴⁰ См.: *Eck A.* Le Moyen Age russe, Paris, 1933 [1-ère éd.]; Den Haag — Paris, 1968. 2-me éd.

³⁴¹ См.: Documents de droit public relatifs à la Russie médiévale/Par M. Szeftel sous la direction initiale de A. Eck. Bruxelles, 1963.

³⁴² См.: *Medieval Russian Laws/Translated by G. Vernadsky.* New York, 1947, P. 57—60; *Muscovite Judicial Texts 1488—1556/Compiled, translated and edited with annotation and selected glossary by H. W. Dewey.* Ann Arbor, 1966 (Michigan Slavic Materials, N 7); *The Testaments of the Grand Princes of Moscow/Translated and edited by R. G. Howes.* Ithaca, 1967; *Smith R. E. F.* The Enserfment of the Russian Peasantry. Cambridge, 1968; *Russian private law. XIV—XVII centuries/Translated and edited, with commentary by H. W. Dewey, A. M. Kleimola.* Ann Arbor, 1973 (Michigan Slavic Materials, N 9).

ке), духовные, купчие, данные. Перед текстами даются пояснительные введения, имеются и комментарии. Все эти подборки сделаны на базе русских и советских изданий грамот. При переводе составители пользовались, как правило, новейшими публикациями, вышедшими в нашей стране. Обязательной частью переводных изданий являются глоссарии, где даются русские термины и их переводы или толкования.

Значительный интерес представляют зарубежные публикации русских грамот, находящихся в иностранных архивах. Так, в английском переводе XVII в. дошел и в таком виде был издан ответ русского правительства 1667 г. на памятную записку английского посла Хебдона³⁴³. На языке оригинала, т. е. на русском, опубликованы две грамоты царя Алексея Михайловича (1653; 1660) и одна грамота царя Федора Алексеевича (1680) французскому королю Людовику XIV, хранящиеся в парижском Архиве министерства иностранных дел³⁴⁴. На языке же оригинала и в сопровождении факсимиле и немецкого перевода издана верующая грамота Ивана III 1490 г. королю Максимилиану³⁴⁵.

Что касается самого изучения русских актов, то оно распространилось на многие разновидности и группы грамот.

Изучением русско-византийских договоров занимались в 30—50-х годах И. Свенцицкий, Г. Вернадский, А. В. Соловьев и др. Серьезный дипломатический разбор русско-византийских договоров X в. был дан польским историком С. Микуцким, попытавшимся установить степень соответствия некоторых особенностей текста этих источников (например, в определении титула византийских императоров, даты и т. п.) традициям греческой канцелярии³⁴⁶. Постатейное рассмотрение текста

³⁴³ См.: *Konovalov S.* England and Russia: Two Missions, 1666—1668//Oxford Slavonic Papers, 1967, Vol. 13. P. 66—69.

³⁴⁴ См.: *Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die Französisch-Russischen Beziehungen von 1648—1689. Wiesbaden, 1968. S. 188—199, 204—207.

³⁴⁵ См.: *Engel Chr.* Die älteste russische Urkunde in Österreich//Symposium Slavicum: Vorträge der II. Tagung Österr. und Bayer. Slavisten am 24/25. Oktober 1975 in Regensburg. München, 1976. S. 25—40.

³⁴⁶ См.: *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne, I//Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres. Cracovie, 1953. N 7. Supplémentaire. P. 1—40; *ejusdem.* Remarques sur la diplomatie russe X-e—XI-e siècles//Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1960. N 26, Prace historyczne. Z. 4. S. 137—145.

договоров предприняла французская исследовательница И. Сорлен³⁴⁷. М. Шефтель признавал существование четырех русско-византийских договоров X в., считая договорные статьи в летописи под 907 г. текстом договора. По этим источникам он изучал юридический статус купцов X в. в иностранном государстве³⁴⁸. Ж.-П. Арриньон (Франция) коснулся вопроса о процедуре заключения договоров 911 и 944 гг., следуя предположению автора настоящей работы о том, что первый документ составлялся в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов в Киеве³⁴⁹. В. Водов (Франция) попытался определить значение титула «великий князь» в договорах X в. Он полагает, что в 907 и 911 гг. этот титул употреблялся только в качестве «похвалы», а в 944 г. — для выделения киевского князя из среды других русских князей³⁵⁰.

Договоры Новгорода с Западом XII—XV вв. давно привлекали внимание зарубежной историографии. Русско-немецким торговым договорам посвятил специальную монографию Л. К. Гётц, русско-шведские договоры XIV в. исследовал И. Фридлиндер³⁵¹. Изучались также отдельные статьи договоров³⁵². Договоры Новгорода с немецкими городами и Готским берегом XII—XIII вв. были широко использованы М. Шефтелем для характеристики юридического положения иностранцев на Руси³⁵³. Договоры Новгорода с князьями XIII—XIV вв. и между княжеские dokonчания XIV в. рассматривались Ж.-П. Ар-

³⁴⁷ См.: Sorlin J. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle, I—II//Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1961. Vol. 2. N 3. P. 313—360; N 4. P. 447—475.

³⁴⁸ См.: Szeftel M. La condition legale des étrangers dans la Russie Novgorodo-Kievienne//Recueils de la Société Jean Bodin. Bruxelles, 1958. T. 10. P. 383—386.

³⁴⁹ См.: Arrignon J.-P. Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043//Revue des études slaves. Paris, 1983. T. 55. Fasc. 1. P. 132—133.

³⁵⁰ См.: Vodoff W. La titulature des princes russes du X-e au début du XII-e siècle et les relations extérieures de la Russie Kievienne//Revue des études slaves. Paris, 1983. T. 55. Fasc. 1. P. 141—142.

³⁵¹ См.: Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916; Friedländer J. De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323—1353, en diplomatisk undersökning//Historisk Tidskrift. Stockholm, 1946. Hf. 2. S. 97—138.

³⁵² См., напр.: Stern C. Ein dunkler Punkt im Deutsch-Novgoroder Handelsvertragsentwurf von 1268//Hansische Geschichtsblätter. Weimar, 1938. Jg. 62. S. 188—200.

³⁵³ См.: Szeftel M. La condition legale... P. 387—427.

риньоном в связи с вопросом о великокняжеском титуле в это время³⁵⁴.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей использовались для изучения политической истории XIV—XVI вв. рядом ученых — А. Эком, Г. Алефом, М. Рублевым, Х. Рюссом, П. Нитше, В. Водовым и др. Эка при этом интересовали отношения вассалитета и другие вопросы истории права; Алефа (США) и Рюсса (ФРГ) — главным образом процесс формирования господствующего класса, служилого сословия и Боярской думы; М. Рублева (США) — размеры и периодичность ордынского «выхода»; Нитше (ФРГ) — престолонаследие и взаимоотношения между князьями московского дома; Водова — вопрос о так называемых куплях Ивана Кали-ты, упомянутых во второй духовной Дмитрия Донского, о «бесерменском долге» и о понятии «вотчина»³⁵⁵. Эти грамоты привлекаются также при исследовании истории великокняжеского титула³⁵⁶.

Из княжеских уставных грамот, определявших привилегии церкви, специально анализировалась грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича. Польский ученый А. Поппэ, занимающийся ранней историей русской церкви, внес уточнения в датировку этой грамоты³⁵⁷. Социальную терминологию договоров с греками X в.,

³⁵⁴ См.: Arrignon J.-P. Usage et valeur du titre de Grand-Prince (*Velikij knjaz'*) dans la Russie du nord-est aux XIII-e et XIV-e siècles. Bordeaux, 1979. P. 8—14.

³⁵⁵ См.: Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. London, 1983; *ejusdem*. The Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III. Berlin, 1986 (Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 39); Rüss H. Adel und Adelsoppositionen im Moskauer Staat. Wiesbaden, 1975; Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. Köln, Wien, 1972; Vodoff W. A propos des «achats» (купли) d'Ivan I-er de Moscou//Journal des savants. Paris, 1974. Avril—Juin. P. 95—127; *ejusdem*. Nouvelles remarques sur les kupli d'Ivan Kalita. (Tentative de mise au point)//Geschichte Altrusslans in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günter Stökl. Stuttgart, 1986. S. 96—105; *ejusdem*. Contribution à l'histoire du vocabulaire politique de la Russie Moscovite (remarques sur l'emploi du terme *otčina* (*voščina*))//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd. 24. S. 21—38.

³⁵⁶ См., напр.: Szeftel M. The title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century//Canadian-American Slavic Studies, 1979. [Vol.] 13. N 1—2. P. 59—81; Ильева И. И. Владельский титул московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI века)//Bulgarian Historical Review, 1984. N 2. P. 75—87.

³⁵⁷ См.: Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии//АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 59—71.

договорных, уставных и жалованных грамот XII — первой половины XIII в. рассматривал датский историк К. Рабек-Шмидт³⁵⁸. Д. Кайзер (США) коснулся уставных грамот XII и XIV вв., церковных уставов и новгородско-немецких договоров XII—XIII вв. как источников права, не углубляясь в детальный анализ их³⁵⁹.

Жалованные грамоты как источник по истории феодального иммунитета были объектом изучения в трудах А. Эка, Х. Дьюи, В. Шульца и др. Западноберлинский ученый В. Шульц дал весьма подробный анализ иммунитетных отношений в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. по жалованным грамотам, опубликованным в двух первых томах «Актів социально-экономической истории» (1952, 1958) и в первых частях «Актів феодального землевладения и хозяйства» (1951, 1956). Автор сближал иммунитет с кормлением и выводил его из княжеского пожалования, что противоречит принятому в советской историографии представлению об иммунитете как атрибуте феодальной собственности на землю³⁶⁰. В качестве источника по истории налоговой политики в 1462—1584 гг. жалованные грамоты исследовал М. Злотник (США)³⁶¹.

М. Г. Нистазопулу (Греция) обнаружила в архиве Патмосского монастыря четыре неизвестных до этого русских документа: две жалованные грамоты — царей Алексея Михайловича (1656) и Федора Алексеевича (1676) — и два указа Петра I (1705). Они относились к ныне несуществующему небольшому монастырю Воплощения Богородицы на острове Милос. Жалованные грамоты предоставляли монастырю право производить в Русском государстве сбор пожертвований в свою пользу в течение семи лет. Указы Петра разрешали беспрепятственный проезд и выезд из России восьми подвод с монастырской «рухлядью». Автор дает палеографическое описание, дипломатический разбор и изложение содержания (перевод на греческий язык) этих грамот, уста-

³⁵⁸ См.: *Rahbek Schmidt K.* Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 281—329, 422—447.

³⁵⁹ См.: *Kaiser D. H.* The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, New Jersey, 1980.

³⁶⁰ См.: *Schulz W.* Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts//Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1962. Bd. 8. S. 26—281.

³⁶¹ См.: *Zlotnik M. D.* Muscovite Fiscal Policy: 1462—1584//Russian History, 1979. [Vol.] 6. Pt. 2. P. 243—258.

навливает политические мотивы их выдачи. В приложении фотомеханически воспроизводятся тексты³⁶².

Некоторое внимание уделялось изучению уставных наместничьих и губных грамот XIV—XVI вв. Ими занимались Х. Дьюи, Дж. Кип³⁶³ и др. В связи с рассмотрением поручительства по русскому праву М. Шефтель коснулся поручных грамот о неотъезде бояр, первая из которых относится к 1474 г.³⁶⁴

В области историко-правового анализа правых грамот и судебных списков XV—XVI вв. много сделала американская исследовательница А. М. Клеймола, хотя ее работа не носит дипломатического характера в строгом смысле слова³⁶⁵.

Из частных актов в наибольшей степени привлекались к изучению в последнее время акты на холопов. Американский историк Р. Хелли посвятил исследованию института холопства солидную монографию, где он широко использовал материал полных и докладных грамот, служилых кабал, данных на холопов, духовных и т. п. Эти источники он изучал наряду с публично-правовыми документами, содержащими сведения о холопах. Все собранные данные за 1430—1714 гг. обрабатывались на ЭВМ с помощью пакета специально составленных программ³⁶⁶. В основе методики Хелли лежит не дипломатический анализ формы актов, а синтез данных, полученных на основе анализа содержания источника.

Изучением завещаний (духовных) и брачных контрактов (рядных-сговорных) частных лиц XV—XVII вв. занимается американский историк Д. Кайзер.

³⁶² См.: *Nistazopulu M.* Tessara agnosta Rôsika eggrafa iper tis en Milô monis tis Theotoku (1656—1705)//Simmeikta. Athinais, 1966. T. I. S. 231—257.

³⁶³ См.: *Dewey H. W.* White Lake Charter: A Medieval Russian Administrative Statute//Speculum, 1957. January; *Keep J. L. H.* Bandits and the Law in Muscovy//The Slavonic and East European Review. London, 1956. Vol. 34. N 84. P. 201—222.

³⁶⁴ См.: *Szeftel M.* The History of Suretyship in Old Russian Law//Recueils de la Société Jean Bodin. Bruxelles, 1971. [Vol.] 29. P. 857; см. также: *Alef G.* Das Erlöschen des Abzugsrechts der Moskauer Bojaren//Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1965. Bd. 10. S. 39.

³⁶⁵ См.: *Kleimola A. M.* Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Charters (*Pravye Gramoty*) of the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Philadelphia, 1975. (Transactions of the American Philological Society. New Series—Vol. 65. Part 6).

³⁶⁶ См.: *Hellie R.* Slavery in Russia 1450—1725. Chicago and London, 1982; см. разбор этой книги: *Миронов Б. Н.* История холопства в России в освещении американского историка//История СССР. 1984. № 3. С. 194—206.

Некоторые исследователи сосредоточивают свое внимание на актах крупных русских монастырей XV—XVI вв. Так, актами Троице-Сергиева монастыря занимался в 70-х годах Г. Шеско (США), акты Кирилло-Белозерского монастыря изучает М. Тукас (Франция). Кроме исследования она осуществляет перевод этих актов на французский язык.

Большой интерес за рубежом вызвали открытие и публикация берестяных грамот. Их комментировали и изучали историки ряда стран: Польши (В. Курашкевич и др.), ГДР (Б. Видера и др.), Франции (В. А. Водов и др.) и т. д.

Разработке русской дипломатики как таковой посвящает себя В. Водов. Он в течение ряда лет вел преподавание русской палеографии и дипломатики в Парижском университете, выступая с докладами о великокняжеской канцелярии XIV—XV вв. на IV и V Международных конгрессах по дипломатике в 1973—1977 гг. На эту тему им опубликована интересная статья³⁶⁷. Водов готовит также обобщающую монографию по русской средневековой дипломатике.

Ограниченный объем книги не позволяет указать все работы, где в той или иной степени используются русские акты как исторический источник. Наиболее концентрированно многие разновидности актов XIV—XV вв. привлекались к изучению в упоминавшейся выше монографии А. Эка о русском средневековье (1933), которую на Западе считают классической. Однако в этой книге ведется прежде всего историко-правовое изучение институтов. Что же касается грамот, то они не являлись для Эка объектом специального исследования, тем более дипломатического. Сходная методика у В. Ельшевича (1948).

Вопросы методологического и методического характера, связанные с актами, были поставлены Э. Л. Киненом в рецензии на советские работы по дипломатике (статью А. И. Копанева 1968 г. и статью автора настоящего пособия 1969 г.). Кинен выступает против того, чтобы включать в задачи дипломатики изучение содержания и функции документа, он отвергает представление о дипломатике как актовом источниковедении и об акте как договорном документе. Историческую классификацию актов с распределением их по периодам Кинен счи-

³⁶⁷ См.: Водов В. А. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в.—1425 г.)//Исторические записки. М., 1979, [Кн.] 103, С. 325—350.

тает неверной. Он полагает, что объектом дипломатики являются «документы», т. е. письменные материалы, форму которых их автор выбирает с тем намерением, чтобы они служили свидетельством подлинности и имели такую же действительность (правомочность, «силу» — force), как и другие материалы, обладающие подобной же типовой формой. В состав «документов» не попадают повествовательные источники, а также неустойчивые, неформальные и неподлинные источники документального типа. «Дипломатика — это изучение формы, формы в ее эволюции, ее местных особенностей, ее культурного контекста». В составе кириллической дипломатики Кинен предлагает различать болгарскую, молдавскую, киевскую, волынскую, литовскую, новгородскую, псковскую, рязанскую, московскую³⁶⁸. Конкретной классификации «документов» Кинен не дает.

Сведёние Киненом объекта дипломатики только к подлинным и формальным документам, по существу, возрождает ту концепцию дипломатики, которую развивали в первой половине XIX в. М. Каченовский, И. Энгельман и др. В требовании ограничить дипломатику задачей изучения формы источника Кинен не одинок. Но это опять-таки противопоставление одной концепции дипломатики, связанной с французскими традициями, другой, признававшей необходимость сочетать изучение формы с изучением в той или иной мере правовых институтов, стоящих за этой формой (Т. Зиккель). Как мы видели, большинство зарубежных историков, обращающихся к русским актам, не только не игнорируют их содержание, но даже уделяют ему главное внимание. Изучению русских актов за рубежом в ряде случаев как раз недостает формулярного анализа. Одновременно можно отметить, что мало или почти совсем не исследуются социальные функции актовых источников, их происхождение, классовые, а подчас и политические цели составления документов.

³⁶⁸ См.: Keenan E. L. Recent Discussions of Paleography and Diplomatics//Kritika. A Review of current Soviet Books on Russian History. Cambridge, Massachusetts. 1970. Vol. 6. N 2. P. 66—77.

ГЛАВА III

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ДИПЛОМАТИКИ

Поскольку объектом дипломатики являются прежде всего акты, постольку ее предметом можно считать историю актов, методологию и методику их изучения. К методологическим вопросам относятся прежде всего классификация актов, проблема их происхождения и содержания. Классификация выступает как вопрос более или менее автономный по отношению к методике изучения актового материала, в то время как проблема происхождения и содержания решается посредством разработки конкретной методики исследования с определенных методологических позиций.

1. Классификация русских актов

Самая общая классификация актов состоит в делении их на публично-правовые и частноправовые. При этом в западной дипломатике в состав публично-правовых актов включаются, во-первых, императорские и королевские акты, во-вторых, папские грамоты. Все акты в целом делятся на три группы: 1) акты суверенных монархов (императоров и королей); 2) акты пап; 3) частные акты. Парадоксально, что к частным актам причислялись не только акты частных лиц в современном смысле слова, но и акты «несуверенных» монархов, т. е. вассалов, обладавших титулами герцогов, графов и т. п. Например, грамоты герцога Бургунского XV в. должны по этой классификации считаться частными актами, ибо герцог, несмотря на свое фактическое положение независимого монарха, формально был вассалом французского короля. Свойственное западным учебникам по дипломатике отнесение княжеских актов к разряду частных подверг критике генеральный секретарь Международной комиссии по дипломатике К. Брюль. По его мнению,

крайне странно считать частными актами грамоты, например, герцогов Апулии, Аквитании, Баварии, Беневента, Бретани или Бургундии. Абсурдность этой классификации он видит в том, что, скажем, акты Вильгельма Завоевателя (1027 или 1028—1087) как герцога Нормандии надо квалифицировать в качестве частных актов, а его же акты как короля Англии (с 1066 г.) — в качестве королевских, т. е. публично-правовых актов. Так же обстоит дело с актами Рожера II (ок. 1095—1154) — первоначально графа и герцога, а затем (с 1130 г.) — короля Сицилии. Брюль полагает, что столь формальное различие королевских и княжеских актов и причисление их к разным актовым категориям не отражает специфику той исторической действительности, которая породила эти акты¹.

С. А. Шумаков предложил деление русских актов на три группы: 1) «грамоты, даваемые правительственной властью»; 2) «грамоты из области церковного права»; 3) «частные акты»². Это деление полностью соответствует трехчленной западной схеме. В русской историографии, правда, никогда не делалось попыток отнести грамоты удельных князей к разряду частных актов или считать грамоты великих князей частными актами на том основании, что князья были формально вассалами монголо-татарских ханов. Кроме классификационной схемы С. А. Шумакова в литературе есть примеры и других схем классификации русских актов. Их выдвигали в разное время С. Г. Саларев, Д. М. Мейчик, А. А. Зимин. Эти схемы рассматривались в монографии Л. В. Черепнина³, который не отрицал возможности деления актов на публично-правовые и частноправовые, но считал, что оно должно строиться на марксистско-ленинской основе и сочетаться «с чисто исторической классификацией».

Л. В. Черепнин выделил следующие девять групп русских актов: 1) «акты, характеризующие борьбу феодалов за средства производства и прежде всего за землю (купчие, данные, меновные, закладные, духовные и другие разновидности)»; 2) «акты, характеризующие борьбу феодалов за рабочие руки, за ренту, развитие различных

¹ См.: *Brühl C.* Derzeitige Lage und künftige Aufgaben der Diplomatik//Landesherrliche Kanzleien im Spätmittelalter. München, 1984. Teilband I. S. 44.

² См.: *Шумаков С. [А.]* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 1—43.

³ См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 2. С. 59—62.

форм феодальной зависимости и эксплуатации непосредственных производителей и классовую борьбу в феодальной деревне (различные акты на крестьян и холопов); 3) акты, закрепляющие систему внеэкономического принуждения, или иммунитет (жалованные грамоты); 4) «акты, относящиеся к торгово-ремесленному населению и рисующие роль городов и городского посадского населения в истории феодального общества» (без примеров разновидностей); 5) акты, отражающие политическое устройство и прежде всего феодальную иерархию (договорные и духовные грамоты великих и удельных князей); 6) акты, отражающие организацию управления (наместничьи грамоты, грамоты в «кормление»); 7) акты, отражающие деятельность суда («грамоты правые и другие»); 8) «акты, относящиеся специально к внешнеполитической функции государства (посольская документация)»; 9) «акты церковного права» (без примеров разновидностей).

В основу классификации, разработанной Л. В. Черепнинным, положен принцип содержания актов, т. е. принцип тематический. Но обычно акты одной разновидности освещают несколько тем, и, наоборот, акты разных разновидностей могут касаться одной и той же проблемы. Например, акты групп 2 и 3 схемы Черепнина тематически очень близки между собой. Борьба за ренту, рабочие руки и т. п. (тема актов группы 2) нашла отражение и в актах группы 3. Группы 4 и 9 оставлены автором вообще без конкретного указания относящихся к ним разновидностей. Жалованные грамоты, выделенные в группу 3, могут встречаться и в группе 1 (жалованные данные, жалованные меновные и др.), а также в группах 4, 5, 8, 9) Борьба за землю (группа 1) отражается и в деятельности суда (группа 7).

По существу, те же девять групп актов, выделенных преимущественно по тематическому признаку, но только с большим количеством разновидностей, называет А. П. Пронштейн⁴. В «линейной системе классификации» Л. Н. Пушкарева «акты» правильно находятся среди «документальных» источников. Кроме «актов» здесь указаны еще источники «картографические», «статистические», «канцелярские», причем «грамоты» помещены в составе «канцелярских» документов, а не актов. Отнесе-

⁴ См.: Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов, 1971. С. 51—56; его же. Методика исторического источниковедения. Ростов, 1976. С. 49—57.

ние картографических источников к числу «документов» спорно, а «канцелярские» источники — это вообще неопределенное, невидовое понятие. Что касается самих «актов», то они делятся у Пушкарева на «политические», «социально-экономические» и «юридические»⁵. Это что же — классификация по названиям публикаций? Любой акт является юридическим, а различение актов «политических» и «социально-экономических» не всегда возможно. Деление актов на три предложенные Пушкаревым группы представляется неприемлемым. Выдвинутый же Л. В. Черепнинным тематический принцип может быть одним из приемов систематизации материала при работе исследователя над определенной темой, но как основа общей классификации источников он не представляется удачным. Однако учет конкретной тематики источника необходим на стадии уточнения объекта, на который было направлено действие определенных разновидностей или подразновидностей актов.

Выполняя функцию воздействия на те или иные сферы общественных отношений, источник в соответствии с этой функцией принимает форму «чистого» или «смешанного» вида. Вид складывается из отдельных источников постепенно и стихийно. Объективность вида заключается в том, что одинаковые или близкие по своей природе общественные отношения в разных странах порождают близкие по виду или разновидности документы, и хотя вид дает лишь юридические основания для конституирования формы возникающего письменного источника, сам он обусловлен всей сложной системой экономических, политических и культурных связей, характерных для данного общества. Поэтому в основу классификации мы кладем вид. Понятие «публично-правовые акты» шире понятия «вид», ибо в состав публично-правовых актов могут входить документы нескольких видов: 1) договорного, 2) договорно-законодательного, 3) договорно-распорядительного и др. «Частные акты» тоже не вполне ограничиваются одним видом. Кроме договорных частных актов есть и частные акты распорядительного характера. Отметим еще категории письменных источников, которые трудно с уверенностью отнести к публично-правовым или частноправовым. Это документы, в которых частные лица вступают в какие-то отношения с публичной властью, либо давая ей известные обязательства

⁵ См.: Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 267.

(договорный вид), либо обращаясь к ней с просьбой (просительный вид). Говоря об актах, мы ограничимся договорным видом и будем называть представляющие его документы публично-частными. Акты церковного происхождения довольно пестры по составу. Представители духовенства в ряде случаев составляли акты как частные лица. Среди документов, вышедших из церковных кругов, есть, однако, немало публично-правовых актов, написанных от имени митрополитов, епископов и других иерархов. Эти акты следует считать особым разделом документов публично-правового характера.

Ниже дается примерная схема классификации русских актов главным образом эпохи феодализма.

I. Публично-правовые акты.

A. Акты светских властей

1. Договорный вид:

- 1) международные договоры (с X в.);
- 2) княжеские договоры («докончания») с контрагентами внутри Руси (с XIII в.):
 - а) договоры между князьями и Новгородом,
 - б) договоры между великими князьями,
 - в) договоры между великими и удельными князьями,
 - г) договоры между князьями и церковью.

2. Договорно-законодательный вид:

- 1) жалованные грамоты (с XII в.);
- 2) уставные грамоты в пользу церкви (с XII в.);
- 3) уставные грамоты территориям (со второй половины XIV в.);
- 4) кормленые грамоты (со второй половины XIV в.);
- 5) таможенные грамоты (с конца XV в.);
- 6) губные грамоты (с 1539 г.);
- 7) земские грамоты (с 1551 г.);
- 8) акты земских соборов (с 1566 г.).

3. Договорно-законодательный вид с элементами частного правового распоряжения:

духовные грамоты великих и удельных князей (с конца XIII в. в Юго-Западной Руси, с 20—30-х годов XIV в. в Северо-Восточной Руси).

4. Договорно-распорядительный вид:

- 1) указные грамоты о действиях властей в пользу реального контрагента (со второй половины XIV в.);
- 2) послушные грамоты (с середины XVI в.).

5. Распорядительный вид:

указные грамоты, указы.

6. Судебно-процессуальный вид:

судные списки, докладные судные списки и правые грамоты (с XV в.).

7. Исполнительно-регистрационный вид:

разъездные (межевые) грамоты (с XV в.).

8. Регистрационно-учетный вид:

сотные (с конца XV в.).

9. Удостоверительный и договорно-удостоверительный виды:

- 1) опасные грамоты;
- 2) верительные («верющие») грамоты;
- 3) паспорта;
- 4) справки.

10. Рекомендательный вид:

- 1) рекомендации;
- 2) характеристики.

B. Акты церковных властей

1. Договорно-законодательный вид:

- 1) уставные грамоты (с конца XIV в.);
- 2) жалованные грамоты (с XV в.);
- 3) благословенные и ставленные грамоты (с XV в.);
- 4) храмозданные грамоты.

2. Договорно-распорядительный вид:

грамоты и послания о соблюдении интересов реального контрагента (с XV в.).

3. Распорядительно-агитационный вид:

послания иерархов.

II. Публично-частные акты.

Договорный вид:

- 1) поручные по боярам (с 70-х годов XV в.);
- 2) крестоцеловальные записи должностных лиц (с XVI в.);
- 3) поручные по крестьянам-новопорядчикам (с XVII в.);
- 4) контракты откупа и подряда.

III. Частные акты.

1. Договорный вид:

- 1) акты на землю (с XII или XIII—XIV вв.):
 - а) данные (вкладные),
 - б) купчие (продажные, отступные),

- в) меновные,
 - г) закладные,
 - д) полюбовные разъезжие, мировые;
 - 2) акты на разнородные объекты — недвижимое и движимое имущество, деньги и несвободных людей (с XIII в.):
 - а) духовные,
 - б) брачные контракты (рядные-сговорные и др.),
 - в) дарственные;
 - 3) акты на холопов:
 - а) полные (с первой четверти XV в.),
 - б) докладные (со второй половины XV в.),
 - в) служилые кабалы (с XVI в.),
 - г) данные (с XVII в.),
 - д) отпускные (с XVII в.);
 - 4) денежные акты:
 - а) заемные (с XVI в.),
 - б) векселя (с XVIII в.),
 - в) акции (с XVIII в.),
 - г) доверенности;
 - 5) акты крестьянского порядка (с XVI в.):
 - а) порядные,
 - б) оброчные,
 - в) ссудные;
 - 6) акты на крестьян:
 - а) поступные (с конца XVI в.),
 - б) купчие (со вт. пол. XVII в.),
 - в) отпускные (с конца XVII в.);
 - 7) акты трудового найма (с XVII в.):
 - а) жилые,
 - б) контракты, договоры;
 - 8) акты имущественного найма (с XVIII в.):
 - а) кортомные,
 - б) арендные договоры;
 - 9) акты на совместное предпринимательство (с XVII в.):
 - а) складные,
 - б) договоры, соглашения.
 - 2. *Распорядительно-договорной вид* (с конца XV в.):
 - 1) льготные крестьянам;
 - 2) уставные селам.
 - 3. *Распорядительный вид* (с XVII в.):
 - 1) письма приказчикам;
 - 2) инструкции об управлении имением.
- Как можно видеть, в настоящей схеме указаны документы не только договорного, но и ряда других видов.

Это является уступкой с нашей стороны широко принятому в отечественной и зарубежной дипломатике пониманию «удостоверительных» актов как документов, устанавливающих всякие вообще правоотношения. Мы включили в схему и некоторые акты, близкие к «осведомительным», например сотные. Это объясняется их наличием в составе архивов духовных учреждений в качестве естественного элемента: сотные помещались в копийных книгах наряду с другими документами безусловно актового характера. Кроме того, они присутствуют в современных советских публикациях актов XIV—XVI вв., носящих название «Акты...». Вместе с тем мы считаем, что методика анализа договорных документов как исторических источников отличается от методики исследования документов других видов, содержание которых не представлено в форме комбинаций устоявшихся статей и формул. Причисление к «актам» документов разных видов основывается не только на многозначности этого термина в Риме и средневековой Европе, но и на том, что зарубежная дипломатика не считает своей задачей изучение содержания «актов»: она исследует преимущественно их канцелярское происхождение по многим признакам внешней и внутренней формы.

При расширительном понимании объекта дипломатии к трем указанным выше группам актов можно было бы добавить некоторые группы документов неактового характера:

IV. Делопроизводственные документы.

1. *Распорядительный вид*:
 - 1) памяти, приказы;
 - 2) инструкции;
 - 3) циркуляры.
2. *Распорядительно-рекомендательный вид*:
 - решения.
3. *Докладной вид*:
 - 1) доклады;
 - 2) донесения;
 - 3) представления;
 - 4) записки.
4. *Протокольный вид*:
 - протоколы.
5. *Отчетный вид*:
 - отчеты.
6. *Вид писем*:
 - служебные письма.

V. Частно-публичные документы.

1. Просительный и просительно-апелляционный виды:

- 1) челобитные;
- 2) прошения;
- 3) заявления;
- 4) жалобы.

2. Рекомендательный вид:

- 1) предложения;
- 2) мнения;
- 3) благодарности.

VI. Частные письма.

Документы IV группы, часто с присоединением документов V группы, обычно организуются в дела, или досье. Если признать эпистолографию отдельной вспомогательной исторической дисциплиной, как это предлагает В. А. Сметанин, изучение писем, особенно частных, должно отойти к ее ведению.

2. Изучение внешней формы актовых источников

Анализ внешней формы актов издавна был одним из важных методов дипломатики. Средневековая дипломатика фактически и началась с палеографических наблюдений над актами. Эти наблюдения дополнялись рассмотрением актовых печатей. Дипломатика рождалась как совокупность приемов изучения почерка, печатей и хронологии средневековых актов. Собственно формулирование возникло позже, чем палеографический подход к актам. Именно поэтому в западноевропейских пособиях по дипломатике очень большое место отводится палеографии, сфрагистике, хронологии. Сначала палеография служила только делу отличения подложных грамот от подлинных. В XIX в. перспективы палеографического исследования актов были осмыслены по-новому. Т. Зиккель показал, что с помощью изучения и идентификации почерков можно установить канцелярское или внеканцелярское происхождение актов. Уже при последних Каролингах возникла практика составления актов самими получателями. В канцелярии акты только удостоверялись: снабжались необходимыми подписями и печатями. С этой точки зрения в историографии изучено происхождение актов Карла II Лысого (843—877 гг.), Людовика IV Заморского (936—954 гг.), Лотаря (954—

986 гг.), Людовика V Ленивого (986—987 гг.)⁶ и др., королей из дома Робертинов — Роберта I (922—923 гг.) и Рауля (923—936 гг.)⁷. Изучавший акты Робертинов Ж. Дюфур пришел к выводу, что 8 королевских актов из 20 сохранившихся, т. е. 40%, были составлены самими получателями — духовными учреждениями. Среди этих 8 актов, большинство которых написано в соответствии с формуляром публично-правовых актов, имеется один документ, построенный по образцу частного акта⁸.

Использование палеографии для исследования канцелярского происхождения документов свойственно и работам, которые посвящены актам Капетингов: Филиппа I (1060—1108)⁹, Людовика VI Толстого (1108—1137), Людовика VII Молодого (1137—1180) и Филиппа II Августа (1180—1223)¹⁰. Ф. Гаспарри, исследовавшая документы трех последних, делит акты каждого царствования на три разряда: 1) группы актов, имеющих два общих признака — единство почерка и единство получателя; 2) группы актов, объединяемых только единством почерка; 3) акты «изолированные» как в почерковом отношении, так и в смысле разнообразия их получателей (написаны разными почерками, не отождествляемыми уверенно с почерком грамот той или иной группы). С деятельностью собственно королевской канцелярии связываются группы актов второго разряда, которые разделяются между несколькими писцами. Акты же первого и третьего разрядов являлись, как правило, документами внеканцелярского происхождения. Сравнивая почерки актов первого разряда с почерками документов, вышедших из недр монастырей, автор приходит к выводу, что во времена Людовика VI акты по крайней мере 6 из 10 групп грамот, объединяемых единством почерка и получателя, были созданы в скрипториях этих монастырей, т. е. самих получателей актов. Судя по наблюдениям Ф. Гаспарри, при Людовике VI на долю королев-

⁶ См.: *Tessier G.* Recueil des actes de Charles II le Chauve. Paris, 1955. Т. 3, introduction et table; *Lot F.* et *Lauer Ph.* Recueil des actes de Louis IV d'Outremer; *Halphen L.* et *Lot F.* Recueil des actes de Lothaire et de Louis V. Paris, 1908.

⁷ См.: *Dufour J.* Le problème de la rédaction des diplômes royaux par les destinataires sous les rois Robert Ier et Raoul (922—936). Résumé de la communication. Budapest, 1973.

⁸ См. об этом: *Каштанов С. М.* IV Международный конгресс по дипломатике//АЕ за 1973 год. С. 334.

⁹ См.: *Prou M.* Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France. Paris, 1908.

¹⁰ См.: *Gasparri F.* L'écriture des actes de Louis VI, Louis VII et Philippe Auguste. Genève, Paris, 1973.

ской канцелярии приходится 35 сохранившихся оригиналов, на долю самих получателей — 23, на долю третьих лиц — 6 (19 актов в смысле почерка не атрибутированы). В царствование Людовика VII удельный вес актов, составленных в королевской канцелярии, несколько возрос, хотя и тогда часто прибегали к помощи известных монастырских скрипториев для составления актов, выдаваемых как самим учреждениям, имевшим эти скриптории, так и другим монастырям и частным лицам. Качественные изменения наступают только при Филиппе II Августе, когда акты, составленные получателями, становятся уже аномалией, исключением из правила.

Палеографический анализ дает результаты, разумеется, лишь при изучении оригиналов или тех копий, которые отражают какие-то внешние особенности оригинала. Палеографическое обследование оригиналов с целью установления канцелярского происхождения актов ведется дипломатами ряда стран. В начале XX в. под этим углом зрения изучались грамоты германских королей и императоров: Саксонской и Франконской (Салической) династий: Генриха II (1002—1024)¹¹, Конрада II (1024—1039)¹², Генриха III (1039—1056)¹³. Один из современных немецких исследователей, В. Шлэгель, приходит к выводу, что в XIII в. в целом увеличивается число актов, вышедших из германской канцелярии, по сравнению с актами внеканцелярского происхождения: при Филиппе Швабском (1198—1208) в канцелярии было составлено 2/3 документов; при Фридрихе II, когда он был только королем (1212—1220), и при Генрихе VII (1220—1235) — неполных 50%; при Фридрихе II в императорский период (1220—1250) и при Конраде IV (1250—1254) — снова 2/3; при Вильгельме Голландском (1247—1256) — свыше 80%¹⁴.

Можно привести и другие примеры палеографического исследования грамот в современной европейской дипломатике. Так, Дж. Барроу, выясняя историю шотланд-

¹¹ См.: Die Urkunden Heinrichs II, und Arduini, Hannover, 1900—1903 [=Monumenta Germaniae historica (далее — MGH). Diplomata. Bd. 3]. S. VII, XV, XVIII, XX, XXII, XXVII.

¹² См.: Die Urkunden Konrads II. mit Nachtragen zu den Urkunden Heinrichs II, Hannover, 1909 (MGH. Diplomata. Bd. 4). S. VII, X, XI, XXVI.

¹³ См.: Die Urkunden Heinrichs III. Berlin, 1913 (MGH. Diplomata. Bd. 5), S. VII, XXI, XXII, LXXVII.

¹⁴ См.: Schlögl W. Die Reichskanzlei vom Tode Heinrichs VI. bis Rudolf von Habsburg. Résumé du rapport. Paris, 1977; см. также: Каштанов С. М. Современные проблемы европейской дипломатики//АЕ за 1981 год. С. 31.

ской королевской канцелярии по почеркам писцов дошедших оригиналов королевских актов, сделал заключение о заметном количественном преобладании во второй половине XII — начале XIII в. документов, составленных в королевской канцелярии (70—80%), сравнительно с грамотами, написанными по заказу самих получателей посторонними писцами¹⁵. В Чехии и Моравии вплоть до начала XIV в. изготовление королевских грамот находилось почти исключительно в руках духовенства. Старейшим центром канцелярской деятельности был цистерцианский монастырь в Пласах. В XIII в. его сменили новые центры — в Чехии при пражском соборном капитуле в Вышеграде, в Моравии — при оломоуцком соборном капитуле¹⁶. Соотношение канцелярских и внеканцелярских актов рассматривается современными дипломатами также на материале Англии, Польши, Хорватии и др.

В своей классической монографии о русских феодальных архивах Л. В. Черепнин неоднократно пользуется палеографическими наблюдениями для выяснения происхождения договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.¹⁷ Применительно к жалованным грамотам XVI в. вопрос о необходимости изучения и классификации их почерков был поставлен нами¹⁸. Исследуя соотношение внешних признаков оригинала докладного судного списка от 7 июня 1536 г., выданного Троице-Сергиеву монастырю на некоторые его владения в Бежецком Верху, с копией этого документа в составе троицкой копийной книги № 518, мы пришли к выводу, что оба текста написаны на бумаге с одинаковым водяным знаком, при этом основной текст оригинала и перечень судных мужей написаны одним из почерков бежецкого раздела копийной книги, а запись о решении дела великим князем написана другим почерком того же раздела копийной книги. От этих почерков отличаются подписи судей первой инстанции и подпись дьяка в конце приговора. Следовательно, оригинал суд-

¹⁵ См.: Barrow G. W. S. The Scottish royal chancery (capella regis), 1094—1214. Résumé de la communication. Budapest, 1973.

¹⁶ См.: Душкова С. Чешский дипломатический//АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 75—78.

¹⁷ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1.

¹⁸ См.: Каштанов С. М. Палеография жалованных грамот XVI в.//Конференция по истории средневековой письменности и книги. Тезисы докладов 25—27 октября 1977 г. Ереван, 1977. С. 37.

ного списка на всех этапах изготовлялся троицкими писцами, и только подписи должностных лиц являются следами письменной деятельности государственного аппарата. Это позволяет отнести судный список к числу документов внеканцелярского происхождения и считать его произведением монастырского скриптория.

В настоящее время палеографическое изучение русских публично-правовых актов XIV — первой половины XV в. ведется французским дипломатистом В. А. Водовым, грамот же второй половины XV—XVI вв. — автором настоящей работы. Поскольку русские грамоты XIV—XVI вв. написаны в основном на бумаге, исследование их внешней формы включает в себя и анализ филиграней, или водяных знаков. Перед западноевропейскими дипломатистами эта проблема не стояла, ибо они исследовали канцелярское происхождение актов более раннего периода, не позже конца XIII в., когда бумага еще не вошла в употребление.

При изучении оригиналов королевских и императорских грамот и классификации их по почеркам в западной дипломатике анонимные писцы обозначаются обычно либо латинскими литерами, либо арабскими цифрами, которые ставятся после имени монарха. Например, «Koprad A»¹⁹ означает: «писец А Конрада IV»; «notář Otakar 5»²⁰ — «нотарий № 5 Пржемысла Отакара II». Отдельные нотариусы и писцы известны не только по почерку, но и по именам. В. Шлэгель составил и сопоставил между собой два параллельных списка нотариусов немецкой королевской и императорской канцелярий конца XII — первой половины XIII в. Один из списков основан на прямых упоминаниях имен нотариусов в документах, другой базируется на сравнении данных о написании и «диктате» (сочинении, диктовке) текста документа. Анонимные нотариусы второго списка лишь в редких случаях идентифицируются по первому списку²¹.

В литературе иногда встречается различие между писцами (*scribes*) и собственно нотариусами (*notaires*). Так, современный испанский дипломатист А. Канеллас Лопес разделяет писцов в общем смысле (*escribas*) на нотариусов (*notarios*) и фактических писцов-исполнителей

¹⁹ См.: *Schlögl W.* Op. cit.; *Каушанов С. М.* Современные проблемы... С. 31.

²⁰ См.: *Šebánek J.* Kdo byl notář Otakar 5//Studie k české diplomatice doby přemyslovské. Rozpravy Československé akademie věd. Řada společenských věd. 1959. Roč. 69. Seš. 9. S. 3—39.

²¹ См.: *Schlögl W.* Op. cit.; *Каушанов С. М.* Современные проблемы... С. 31.

(amanuenses efectivos)²². Ф. Гаспарри указывает, что при Людовике VI составитель (*dictator*) и писец (*scriptor*), возможно, были разными лицами, а не соединялись в одном лице²³. Методика выявления «диктата» по палеографическим данным разработана пока еще явно недостаточно, хотя многие авторы говорят о «диктате», имевшем место в канцелярии при составлении актов. В средние века существовало понятие *ars dictaminis*, под которым подразумевалось искусство составлять (диктуя) текст письма, грамоты.

Особенный интерес при рассмотрении внешней формы источника представляют изобразительные элементы. Среди них на первом месте может находиться символическая инвокация, которая передается крестом или хризмоном. Хризмон (по-гречески — христограмма) образуется из комбинации греческих букв «X» и «P», символизирующих имя Христа и соединяющихся иногда с другими элементами — крестом, буквами A и ω. Хризмон обычно встречается в раннесредневековых латинских грамотах, в то время как в русских актах символическая инвокация чаще всего дается в форме креста. Крест или хризмон сопровождает иногда и подписи.

Монограмма свойственна византийским и латинским актам. Она представляет собой рисунок более или менее правильной геометрической формы, в котором искусно соединяются несколько букв, обозначающих слово или несколько слов. При поздних Меровингах, Каролингах и королях Западной Франции монограмма играла роль подписи королевского имени (*signum*) в актах, именуемых дипломами. В грамотах германских государей она символизировала несколько слов. Монограмма могла заменять формулу «*Vene valete*», выполнявшую первоначально функцию папской подписи, и формулу «*manu propria*» («собственной рукой») в актах германских императоров Генриха III, Генриха IV и Генриха V²⁴.

Еще одним изобразительным удостоверительным знаком в латинских актах главным образом раннего средневековья был так называемый рюш (*la guche* — бук-

²² См.: *Canellas López A.* La Cancillería de los reyes de Aragón (1035—1134)//Cancillerías soberanas medievales hispánicas. *Résumés des communications.* Budapest, 1973. P. 3.

²³ См.: *Gasparri F.* Op. cit. P. 24—25. См. также: *Каушанов С. М.* Письмо французских королевских актов XII — первой четверти XIII в. (О книге Франсуазы Гаспарри)//Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 316. Прим. 28.

²⁴ См.: *Vocabulaire international de la diplomatique//Folia Caesaraugustana.* Zaragoza, 1984. I. P. 130—131. Art. 133—136.

важно: улей, рой пчел; с XIX в. рюш — гофрированная ткань; первоначально — кора, кожа). «Рюш» представлял собой сложную фигуру, ограниченную широко закругляющейся кривой, внутри которой проводились горизонтальные линии и орнаментальные черточки, а также делались пометки, обозначающие подпись нотариуса. Кривая, образующая «рюш», первоначально служила обрамлением королевской печати, накладывавшейся прямо на «рюш» или на продолжающие его линии. Эта кривая обычно рисовалась связано с одним из «S» слова «*subscripsi*» («подписал»).

Другим удостоверительным знаком являлся параф (*le paraphe*) — более или менее вычурный орнаментальный рисунок, начертанный единым росчерком пера и сопровождающий подпись, которую он скреплял и в известной мере предохранял от подделки. В греческой дипломатике византийского и послевизантийского периодов знак аналогичного предназначения назывался *toposondylion*.

Кроме парафа в западной дипломатике уделяется внимание так называемому собственноручному знаку (*le seing manuel, signum manuale, signum manus consuetum*), который прикладывался публичным нотариусом или профессиональным писцом для удостоверения написанного им документа. Эти знаки могли быть весьма разнообразны по форме, но каждый нотариус всегда пользовался одним и тем же знаком, свойственным только ему. В Италии начиная с XVI в. рукописный знак стал заменяться штемпелем, который смачивался краской. В Англии *sign manual* появился с конца XIV в. и был королевским удостоверительным знаком, обычно автографом, состоявшим из буквы R (*rex, roi* — король) в сопровождении инициала королевского имени до или после R. Заверения, подобные парафам или личным знакам дьяков, можно найти и в русских княжеских актах XV в. В наших публикациях они неточно определяются как монограммы. И. А. Голубцов видел в таком знаке «монограмму имени дьяка», хотя к монограммам приближаются только единичные знаки. Он определял «монограммы» русских актов следующим образом: «Дьячьи особые подписные знаки, иногда подписи», «Замена подписи»²⁵. Голубцов отметил их расположение либо на обо-

²⁵ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 542; С. 749; М., 1958. Т. 2. № 302; С. 681; М., 1964. Т. 3; № 60. С. 93; С. 639, 681, 682 (далее — АСЭИ).

роте после подписи имени князя, либо внизу на лицевой стороне, «на самом затылке места прикрепления печати», либо «на других местах». Надо сказать, что далеко не все из этих знаков написаны единым росчерком пера. Некоторые из них имеют довольно сложный рисунок.

Еще один изобразительный удостоверительный знак — крест (*signum crucis*), употреблявшийся в качестве автографа людьми, которые не умели или не могли писать. Он использовался также в функции символической инвокации перед субскрипцией или подписью (об их различии см. § 3). Кардиналы, епископы, а иногда и другие лица подписывали документы, имевшие торжественную форму (привилегии, синодальные акты и т. п.), небольшим крестом, который являлся их персональным удостоверительным знаком.

К числу изобразительных элементов акта относится «рота» (*rota* — буквально «колесо», «диск»), кругообразная фигура, которую рисовали внизу акта для придания ему большей торжественности и юридической силы. Вот примеры разновидностей актов, снабженных «ротой»: папская привилегия; «*privilegio godado*» в странах Пиренейского полуострова. «Рота» употреблялась в папской канцелярии, некоторых других церковных канцеляриях, норманской канцелярии Сицилии и в канцеляриях западноиспанских королевств. Папская «рота» появилась при Льве IX (1049—1054). В середине ее находился крест. Он был обведен двумя кругами, между которыми помещался папский девиз, предшествуемый крестом. Девиз первоначально писался папами собственноручно, а крест перед девизом и в дальнейшем сохранил функцию папского автографа. Внутренний круг делился центральным крестом на четыре части. Наверху писалось: «*S. Petrus et S. Paulus*», т. е. «Св. Петр и св. Павел». Внизу писалось имя папы, разделяемое крестом на две части и сопровождаемое буквами «PP» (*Piesanctissimus Pape* — «Святейший папа» и порядковым номером папы того или иного имени. Такой порядок оформления «роты» утвердился после понтификата Пасхалия II (1099—1118).

Знак «комма» (*comma* — запятая) представлял собой изображение, похожее на запятую, но значительных размеров. Эта увеличенная запятая сопровождалась точками. «Комма» употреблялась как знак, придающий документу торжественность. Она ставилась в папских привилегиях середины XI — начала XII в. справа от заключительной формулы «*Vene valete*» (пожелание благополучия).

Сама формула «*Vene valet*» могла быть выражена монограммой, образованной из некоторых букв, входящих в эти слова. Монограмматическое «*Vene valet*» употреблялось в папской канцелярии вместо первоначального словесного и помещалось в правой нижней части привилегий.

В меровингских королевских дипломах аналогичное благопожелательное выражение «*Vene valeat*» писалось в виде двух наложенных друг на друга спиралей, идущих в двух противоположных направлениях: одна спираль состояла из буквы *V* и сопровождающих ее *ENE*, другая — из буквы *V* в сопровождении *aL*. Этот знак изображался внизу листа справа и служил для печатника сигналом о том, что все предшествующие формальности выполнены и грамоту можно запечатывать. Печатник накладывал на «спирали» воск и делал на нем оттиск печати.

Особым удостоверительным изображением было написанное большими буквами киноварью слово «*Legimus*» (буквально «мы прочитали», «мы прослушали»). Оно располагалось по обеим сторонам разделяющего его креста и писалось поперек текста византийских императорских дипломов и наиболее торжественных западнокаролингских прецептов, когда они скреплялись металлической буллой в подражание практике византийской канцелярии.

В Византии был обычай удостоверять малые привилегии и административные документы менологием (*menologemta*), т. е. указанием месяца и индикта. Так же удостоверялись грамоты императоров константинопольской Латинской империи. Менологий писался киноварью. С конца XIV в. указание месяца и индикта стало дополняться другими элементами даты²⁶.

К внешним особенностям актов относятся печати, удостоверяющие акт, и способы их прикрепления. Изучение печатей составляет предмет специальной исторической дисциплины — сфрагистики. Поэтому здесь мы ограничимся только некоторыми сведениями о печатях русских грамот. В X—XIII вв. печати на Руси были металлическими, что явилось результатом усвоения византийского сфрагистического обычая. Большинство металлических печатей, или булл, делалось из свинца. Свинцовые печати в науке принято называть моливдовулами,

²⁶ См.: *Vocabulaire international de la diplomatie*. P. 132—133, Art. 139—146.

серебряные — аргировулами, золотые — хрисовулами. Свинцовые печати изготовлялись из цельного куска мягкого металла, в котором было сделано отверстие для шнура (нити, кожаного ремешка и т. п.). Когда шнур вдевался, свинцовая заготовка с двух сторон стискивалась щипцами (буллотирием). При изготовлении аргировулов и хрисовулов брались две серебряные или две золотые пластинки и между ними пропускался шнур, а затем пластинки вместе со шнуром зажимались щипцами матрицы. На матрице были вырезаны изображение и надпись, или только изображение, или только надпись на одной из двух или на обеих оттискивающих сторонах. Изображение и надпись на буллотирии, или матрице, должны были быть зеркально противоположными получаемому оттиску.

В. Л. Янин отмечает немногочисленность серебряных и золотых печатей. Только одна «крохотная булла оттиснута в золоте и является единственным в русской сфрагистике X—XV вв. хрисовулом в полном смысле этого слова. Остальные печати, к которым часто в литературе применяется этот термин, в действительности серебряные и лишь позолочены»²⁷.

Дошедшие русские металлические печати по своей принадлежности делятся на несколько групп: 1) княжеские буллы; 2) печати церковных иерархов и духовных учреждений; 3) печати органов республиканской власти в Новгороде и Пскове; 4) печати княжеских должностных лиц; 5) печати должностных лиц церковных иерархов. Интересно, что печатей частных лиц до конца XV в. практически не было. С конца XIII в. в Пскове, а затем в Новгороде наблюдается обычай скрепления частных актов печатью князя или должностного лица, представлявшего светскую или духовную власть. По предположению В. Л. Янина, дошедшие буллы XI—XII вв., сохранившиеся сами по себе, без актов, «в большинстве своем... являются остатками многочисленных частных актов (купчих, отдельных, жалованных грамот, духовных и т. д.)»²⁸. Однако существование частных актов в XI—XII вв. нуждается в доказательствах. В составе опубликованных берестяных грамот, судя по наблюдениям Л. В. Черепнина, духовные и мировые встречаются с XIII—XIV вв., купчие — с XIV в., а XI—XII веками не

²⁷ Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси*. М., Л., 1970. Т. 1, С. 105.

²⁸ Там же. С. 157.

датируется ни один частный акт²⁹. Бесспорный документ XIII в. — духовная новгородца Климента (около 1258—1268 гг.) — не имеет ни печати, ни признаков ее прикрепления³⁰. Лишена печати и вкладная Варлаама Хутынского³¹, которую большинство исследователей относят к XII в., а С. Н. Валк — к XIV в. Таким образом, ранее конца XIII в. (рядная Тешаты и Якима)³² у нас нет примеров частных актов, скрепленных печатью, в том числе и печатью какого-либо института власти.

О возможности употребления публично-правовых булл именно при частных актах свидетельствуют, по мнению В. Л. Янина, три момента: 1) частое соответствие атрибуции булл местам их находок («места обнаружения булл в основном совпадают с местами употребления их матриц»); 2) микрофотография новгородских находок («обычный городской квартал» древнего Новгорода); 3) «самое обилие булл XI и особенно XII в.»³³. Обсуждая эти доводы В. Л. Янина, мы высказывали мысль, что горожане могли хранить не столько частные акты или жалованные грамоты, сколько различные судебные постановления по имущественным тяжбам (не обязательно земельным). Частных актов с печатями XI—XII вв. мы не знаем, а жалованные грамоты в XII в. выдавались некоторым монастырям, но не частным лицам. Вместе с тем среди новгородских берестяных грамот, как показал Л. В. Черепнин, есть довольно ранние судебные документы — судный список XII—XIII вв., бессудные начиная с XIII в.³⁴ Печати могли употребляться и не при документах, а для вызова в суд. Этот обычай известен в Чехии и Венгрии. Печать вызова в суд называлась там *sigillum citationis*. Оттиск печати, посылаемый без грамоты, удостоверял полномочия судебного агента, непосредственно осуществлявшего вызов в суд. С. Душкова по этому поводу пишет: «Собственно княжеская (герцогская) печать (так называемая Святовац-

²⁹ См.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 19—20.

³⁰ См.: Тихомиров М. Н., Шепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952. С. 5—17, 26—27.

³¹ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949. № 104. С. 161—162. (Далее — ГВНП.)

³² См. там же. № 331. С. 317.

³³ См.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 88, 157.

³⁴ См.: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты. С. 19—20; Каштанов С. М. Древнерусские печати. (Размышления по поводу книги В. Л. Янина)//История СССР. 1974. № 3. С. 182—183.

лавская) имеет древнюю, фактически даже доактовую традицию, уходящую корнями в те времена, когда она служила в качестве «*sigillum citationis*»³⁵. Употребление оттисков печати в качестве знаков вызова в суд или на грамотах, вызывающих в суд (позовницы, позднее — приставные), лучше всего, на наш взгляд, объясняет обилие булл XI—XII вв. в жилых кварталах Новгорода того времени.

Обычай металлической буллы сохранился в Новгороде и на подвластной ему территории до XV в. включительно. Да и в Москве в XIV в. печати великих князей были сначала металлическими. Духовные грамоты московских великих князей в течение всего XIV века и даже в начале XV в. скреплялись серебряной позолоченной печатью. Только на третьей духовной великого князя Василия Дмитриевича 1423 г. впервые встречаем желтовосковую печать. Еще к жалованной грамоте Дмитрия Донского новоторжцу Микуле (около 1363—1389) была привешена серебряная позолоченная печать. Зато договорные грамоты между великими и удельными князьями уже в середине XIV в. удостоверялись восковыми печатями. Вообще восковые печати возникают как печати удельных князей. Так, на духовной великого князя Семёна Ивановича (ок. 1358) наряду с серебряной позолоченной печатью самого завещателя имеются две желтовосковые печати его братьев — удельных князей Ивана и Андрея Ивановичей. В XVI—XVII вв. «золотые» (т. е. позолоченные) печати привешивались в ряде случаев к жалованным грамотам, шедшим на Афон, где сохранялись обычай византийской дипломатики³⁶.

В Судебнике 1497 г. уже устанавливались размеры пошлин, взимаемых за приложение печати должностными лицами к грамотам некоторых разновидностей: правой, докладному списку, приставной (все связаны с судом и вызовом в суд). В Судебнике 1550 г. кроме этих разновидностей упоминались также грамоты с «красной» печатью — льготные, уставные, полетные. Печать на красном воску — явление более позднее, чем желтовосковые и черновосковые (коричневые печати). Красновосковая печать с государственным гербом (всад-

³⁵ Душкова С. Чешский дипломатрий//АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 78.

³⁶ См., напр., грамоту Ивана IV Хиландарскому монастырю 1571 г.: Actes de Chilandar/Publés par le R. P. Louis Petit et V. Korabiev. Пгр., 1915 (Византийский временник. Приложение к т. 19). Р. 582—584. № 90.

ником на одной стороне и двуглавым орлом — на другой) появляется только в конце XV в.³⁷ Диаметр этой печати достигал 40 мм³⁸, что значительно (в 1,5—2 раза) превосходило диаметры желтовосковых и черновосковых печатей. В 70-х годах XVI в. возникла большая государственная печать со многими эмблемами, построенная по образцу польских королевских печатей³⁹. Ее диаметр равнялся уже 112 мм, что ставило русскую государственную печать в один ряд с большими печатями западноевропейских государств. Так, диаметр большой печати французских королей Карла IX и Генриха III, современников Ивана Грозного, был равен 111 мм (печати 1566, 1584 гг.), а печать 1589 г. Карла X (кардинала Бурбонского) имела 112 мм в диаметре. Правда, во Франции такой большой размер печати был достигнут постепенно, а не скачкообразно, как в России. Уже диаметр печати Филиппа I 1068 г. составлял 74 мм. На протяжении XI—XII вв. «печать величества» (*sceau de majesté*) имела от 70 до 75 мм в диаметре, в XIII в. — от 75 до 88, в XIV в. — 90—100, в XV в. — 93—115 мм. Диаметр печати Карла VIII 1483 г. равнялся 112 мм, а его печать для Сицилии 1495 г. обладала диаметром в 115 мм. Впрочем, размер 115 мм появился впервые еще при Людовике XI в 1461 г. Диаметр больших печатей Людовика XII 1498 г. и Франциска I 1517 г. не превосходил 95—97 мм. При Генрихе II печать 1548 г. достигала 115, а печать 1556 г. — только 90 мм в диаметре. Диаметр печати Франциска II и Марии Стюарт был равен 95 мм. Несколько меньшего размера были печати регентства. Печати «в отсутствие большой», введенные Филиппом Валуа в XIV в. и просуществовавшие до середины XVI в. (последние — при Генрихе II), первоначально отличались меньшим размером, чем большие, но затем практически приравнялись к ним. Диаметр печатей «в отсутствие большой» составлял в 1343 г. 60 мм, в 1376 г. — 80, в 1380 г. — 76, в 1444 и 1458 гг. — 92, в 1498 г. — 95, в 1518 г. — 97 мм.

³⁷ Ср. упоминание «красных» печатей в списках двух более ранних грамот — 1469 г. (см.: АСЭИ. Т. I. № 388; АСЭИ. Т. 3. № 76). Однако подлинность этих грамот вызывает сомнения.

³⁸ См.: Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. № 23 (3,9 см); № 88 (4,3 см); № 136 (4 см); № 193 (3,8 см); № 205 (3,8 см); № 250 (3,9 см).

³⁹ См., напр., польские печати первой половины XVI в.: [Vossberg F. A.] *Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen*. Berlin, 1854. Табл. 12 (печать 1502 г.), 13 (аналогичная печать 1546 г.). Ср. табл. 15.

Сравнительно небольшой размер имели «секретные печати». Их диаметр равнялся в 1331 и 1334 г. 25 мм, в 1353, 1362 и около 1387 г. — 35, в 1374 г. — около 40, в 1505 г. — 44 мм. Совсем маленькими были секретные контрпечати. *Contre-scel du secret* 1371 г. составляла 12 мм в диаметре. «Печатка» (*cachet*) короля Иоанна II середины XIV в., служившая для удостоверения королевских деловых писем (*lettres missives*), имела диаметр 18 мм⁴⁰.

Русские желтовосковые и черновосковые печати, появившиеся в XIV—XV вв., приближались по своему размеру к самым небольшим королевским печатям того времени. Красновосковая великокняжеская печать Ивана III по величине весьма близка к французской «секретной печати» XIV—XV вв., а печать, созданная в 70-х годах XVI в., — к печати *de majesté* 60—80-х годов XVI в.

Во Франции для большой государственной печати — «печати величества» (с изображением короля на троне) — использовался зеленый воск, для секретной печати — красный. Вероятно, русская сфрагистика в конце XV в. не случайно усваивает красный цвет государевой печати, которая и по своему типу, и по диаметру не соответствовала зеленовосковой «печати величества». Кроме того, «печать величества» была печатью канцелярии, секретная же печать больше употреблялась по приказу непосредственно короля. В Москве конца XV в., где канцелярии как таковой не было и определяющую роль в выдаче документа играл приказ монарха, функция секретной печати могла быть понята лучше, чем функция «печати величества».

Печати красного воска на Руси были вислыми, а черного и желтого — как вислыми, так и прикладными (в XVI в. — чаще всего прикладными).

Изучая внешнюю форму актов, необходимо уделять внимание конкретным способам прикрепления вислых и прикладных печатей⁴¹, так как это может дать важный материал для выводов о канцелярском происхождении акта.

В России XIV—XVI вв. централизованной государст-

⁴⁰ См.: *Douët d'Arcq L. Collection de sceaux*. Paris, 1863. 1-ère partie, T. 1. P. 270—281.

⁴¹ В общей форме описание принципов прикрепления вислых и прикладных печатей см.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика*. М., 1963. С. 45, 48; 2-е изд. М., 1974. С. 42—43, 47.

венной канцелярии не было, и акты выдавались разными ведомствами — главным образом Казной, Большим дворцом, в первой половине XVI в. — также областными дворцами, а со второй половины XVI в. — и приказами. Судебные документы удостоверялись теми судьями, которые вели процесс. На местах грамоты «по слову» или «по приказу» великого князя или царя могли выдавать писцы, воеводы и дьяки.

В XVII в. была сделана попытка централизовать одну из функций государственной канцелярии — скрепление грамот печатью и взимание печатных пошлин. Эту функцию выполнял Печатный приказ, известный с 1613 г. и просуществовавший до 1722 г. В XVIII и XIX вв. канцелярская деятельность оставалась, как и прежде, децентрализованной. В это время существовало много учреждений с названием «канцелярия». Канцелярия при монархе, известная на Западе со времен раннего средневековья, появилась в России в конце XVIII в. как личная канцелярия Павла I. Она превратилась затем в высшее государственное учреждение под именем Собственной его императорского величества канцелярии (с 1812 г.). Функции ее отличались от функций средневековых канцелярий. В 1826 г. канцелярия состояла из трех отделений, к которым в 1828 г. присоединилось IV, в 1836 г. — V, в 1842 г. — VI. К началу 80-х годов XIX в. в составе канцелярии осталось только I отделение, унаследовавшее название Собственной его императорского величества канцелярии (с 1882 г.). Оно ведало главным образом назначением, наградами, увольнениями и пенсионными делами высших чиновников империи. Это учреждение было упразднено после Февральской революции 1917 г.

Выше были изложены вопросы внешней критики актов, разработанные преимущественно на раннесредневековом актовом материале. Они применимы и к русским актам XIII—XVI вв., когда актовая документация еще не стала массовой. В XVI в. даже в моменты наибольшей интенсивности выдачи жалованных и указных грамот число их незначительно превосходило 50 в год, а чаще не достигало этой цифры. Особенно широко грамоты выдавались в 1534, 1547 и 1548 гг. Их известно соответственно 45, 51 и 30 актов (включая и упоминания). Если прибавить сюда акты всех других разновидностей и условно все неизвестные несохранившиеся акты, едва ли число всех актов за год превзойдет 100. В XVII в. активность выдачи документов возрастает. Так, по данным

К. Д. Федорина, Печатный приказ в 1613 г. выдавал в день от 5 до 17 грамот. К этому надо приплюсовать и письменную продукцию других приказов. Бурный рост делопроизводства происходит в XVIII в.

В королевских канцеляриях Западной Европы в XIII—XIV вв. стало производиться огромное количество документов, велись регистры с полными и сокращенными записями содержания актов. По подсчетам и расчетам Р.-А. Ботье, в первой половине XIV в. из французской королевской канцелярии исходило за королевской печатью в день до 150 документов, в год — до 60 000. В архиве Арагонского королевства в Барселоне отложилось 6500 регистров, содержащих 4 млн. актов.

В связи с превращением в эпоху позднего средневековья документальных материалов в массовый источник Ботье ставит вопрос о том, возможно ли их изучать теми же методами, что и акты раннего средневековья, к которым применяется более или менее индивидуальный подход — сочетание палеографической и дипломатической критики. Расширение штатов канцелярии и наличие в ней десятков и даже более сотни писцов, использование наряду с этим писцов вне канцелярии, стандартизация формуляра документов — все это, по мнению автора, делает целесообразность палеографического подхода к актам столь же спорной, сколь спорна необходимость изучения особенностей письма машинисток современных администраторов. В то же время именно в период позднего средневековья резко возрастает количество поддельных документов. Многочисленность писцов и стереотипность документов облегчили возможность составления фальшивок, а выявить их методами палеографии и дипломатики затруднительно. Выход из положения Ботье видит в перенесении центра тяжести исследования в область истории учреждений. Впрочем, такого рода рекомендации пока еще недостаточно конкретны. Конечно, изучение многотысячных источников в определенных аспектах потребует и применения ЭВМ. Однако мы не думаем, что методика исследования больших комплексов актов должна совершенно оторваться от наследия «классической» дипломатики.

3. Изучение внутренней формы актов

Под внутренней формой мы понимаем структуру и стилистические особенности текста источника. Структура документа называется формуляром. В понятие

«формуляр» включаются, по существу, схемы четырех типов: 1) наиболее общая схема построения документов в целом (назовем ее «условный формуляр»); 2) общая схема построения документов определенной разновидности (назовем ее «абстрактный формуляр»); 3) схема построения определенных небольших групп документов внутри разновидности (назовем ее «конкретный формуляр»); 4) схема построения отдельно взятого текста (назовем ее «индивидуальный формуляр»).

В западноевропейской дипломатике установилось довольно дробное деление условного формуляра. В нем различаются *invocatio* (посвящение богу, «богословие»); *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ); *inscriptio* (обозначение адресата); *salutatio* (приветствие); *arenga*, *exordium*, *proemium*, *prologus* (преамбула); *promulgatio*, *praescriptio*, *notificatio*, *publicatio* (публичное объявление); *narratio* (изложение обстоятельств дела); *dispositio* (распоряжение по существу дела); *sanctio* (запрещение нарушения документа); *congruatio* (сведения об удостоверительных знаках документа); *datum* (место и время выдачи); *argratiatio* (заключение = благопожелание).

Успехи папирологии в XIX в. определили использование в дипломатике терминов «протокол» (буквально «склеенный первым») и «эсхатокон» (буквально «склеенный последним») для обозначения здесь не первого и последнего листов папируса, а начальной и конечной частей акта. Весь формуляр делится на три части: 1) «протокол» (по Зиккелю) или «начальный протокол» (по Фиккеру); 2) «текст»; 3) «эсхатокон» (по Зиккелю) или «конечный протокол» (по Фиккеру). В «начальный протокол» входят *invocatio*, *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio*, в «текст» — *arenga*, *promulgatio*, *narratio*, *dispositio*, *sanctio*, *congruatio*, в «конечный протокол» — *datum*, *argratiatio*. Итак, условный формуляр делится на три части, состоящие каждая из нескольких компонентов. В указанной схеме малоудачным с терминологической точки зрения представляется понятие «текст», ибо в современной науке им обозначают чаще весь текст источника в целом. Поэтому то, что в западной дипломатике именуется «текстом», мы предложили бы называть «основной частью» условного формуляра.

В акте имеется еще удостоверительная часть, которая может быть представлена либо подписью, либо субскрипцией (*subscriptio*). Подпись (*signature*) — это либо автограф, либо надписание чьего-либо имени (обычно

монарха) другим лицом (как правило, должностным). Так, например, подпись «Князь великий» (или «Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси») на обороте русских грамот была не автографом, а надписанием княжеского титула (или титула и имени) лицом, ответственным за выдачу акта.

Субскрипция (*subscriptio*, *souscription*) — это такое удостоверение, в котором подпись (личная или нотариальная) сочетается с формулой, выражающей существо удостоверительного действия: «*subscripti*», «подписал», «руку приложил» и т. п.⁴² В русских частных актах субскрипцией чаще всего являются удостоверительные подписи свидетелей (послухов): «К сей купчей грамоте яз, Василей Григорьев сын Головкина, послух, руку приложил» и др. В публичных актах субскрипция встречается систематически в подтверждениях (делавшихся на обороте акта и относящихся к более позднему, чем сам акт, времени). Там говорится, например: «А подписал великого князя дьяк Федоръ Мишуруин»⁴³.

В русской дипломатике деление условного формуляра на части принял А. С. Лаппо-Данилевский, пользовавшийся терминологией Ю. Фиккера («начальный протокол», «конечный протокол»). Что касается деления частей на компоненты, то в дипломатике русских актов до недавнего времени не была распространена соответствующая латинская схема, хотя в дореволюционной историко-правовой литературе, а изредка и в трудах советских историков использовался термин *congruatio* (и по-русски — корроборация)⁴⁴. После выхода в свет наших «Очерков русской дипломатики» латинская схема приобрела значительно большую популярность⁴⁵ и стала чаще применяться в трудах по дипломатике Руси, Великого княжества Литовского (А. Л. Хорошкевич) и Золотой Орды. В работе 1970 г. мы ставили также вопрос о возможности создания русских эквивалентов латинских терминов. Еще А. С. Лаппо-Данилевский

⁴² О различии между *signature* и *souscription* см.: *Vocabulaire international de la diplomatie*. P. 143, 144. Art. 222, 223, 227.

⁴³ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. № 86, 159.

⁴⁴ См., напр., *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // *Вспомогательные исторические дисциплины*. М., Л., 1937. С. 305.

⁴⁵ Эта схема приводилась нами и раньше (см.: СИЭ, М., 1964. Т. 5. Стб. 230).

пользовался термином «богословие»⁴⁶ (вместо *invocatio*). Нами предлагалась следующая терминология: богословие, адресант, адресат, приветствие, преамбула, объявление, повествование, распоряжение, санкция, удостоверение, выходные данные, заключение. Эта терминология была принята и стала активно применяться советскими востоковедами, изучающими ханские ярлыки (А. П. Григорьев, М. А. Усманов). В последующих работах по русской дипломатике мы предпочитали пользоваться латинской терминологией в русской транскрипции, без перевода соответствующих понятий: invocatio, intitulatione, inscriptio, salutatio, arenga, notificatio, narratio, dispositio, corroboratio, appretatio.

Существует и несколько иная схема условного формуляра: «а) *Invocatio verbalis*, *Chrismon*, б) *Inscriptio: formula nominis, formula devotionis, formula tituli, salutatio*; в) *Arenga (prologus)*; г) *Promulgatio*; д) *Expositio*; е) *Dispositio*; ж) *Corroboratio*»⁴⁷. Как видим, в этой схеме нет терминов *intitulatio* и *narratio*. Первый заменен словом *inscriptio*, а второй — *expositio*. Исключение термина *intitulatio*, возможно, связано с тем, что в Польше и Литве он употреблялся как эквивалент термина «запис затылковый» (надпись на обороте акта о том, что сделка совершена по форме)⁴⁸. В некоторых трудах по дипломатике мы встречаем обозначение той части протокола, где указывается лицо, от имени которого исходит документ, термином *inscriptio*⁴⁹. В этих случаях часть протокола, указывающая адресата, должна, вероятно, называться не *inscriptio*, а *Adresso* — адрес.

Выделение условных структурных частей в документах XIX—XX вв., о чем говорится в трудах Н. В. Варадинова, К. Г. Митяева, Л. Е. Шепелева и современных документоведов, есть, по существу, применение скорректированного и упрощенного варианта латинской схемы, или условного формуляра. К. Г. и Е. К. Митяевы ввели в 1968 г. термин «реквизит», который обоснованно не

⁴⁶ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. С. 135.

⁴⁷ Encyklopedia powszechna. Warszawa, 1896. Т. 18. С. 526—527.

⁴⁸ См.: Новицкий И. П. Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка Юго-Западной России. Киев, 1871. С. 10, 12.

⁴⁹ См.: Dölger F. Byzantinische Diplomatik, Ettal, 1956, S. 140, и сл.

нравится Л. Е. Шепелеву. Этим термином, широко принятым сейчас в документоведении, обозначают практически то, что мы определяем как «компонент условного формуляра». Латинская схема членения текста на компоненты используется с некоторыми модификациями и в эпистолографии. Это хорошо показал В. А. Сметанин (см. его пособие: Эпистолография. Свердловск, 1970. С. 28—37).

Поскольку деление условного формуляра на части и компоненты есть схема, не все звенья которой имеются в конкретных документах, а порядок расположения компонентов в схеме далеко не всегда соответствует их расположению в конкретных документах, анализ внутренней формы последних должен начинаться с деления реального текста на статьи, т. е. законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями. «Статья», на наш взгляд, — понятие более широкое, чем «клаузула». Слово «клаузула» применительно к тексту акта обозначало в средние века чаще всего особое условие, оговорку к договору. Расширяя применение этого термина до обозначения всех вообще договорных статей, мы воздержались бы, однако, от употребления термина «клаузула» в отношении статей, не выражающих непосредственно условий сделки или договора. А. С. Лаппо-Данилевский различал «юридические» и «бытовые» клаузулы. Судя по приведенному им примеру, первые — это статьи, входящие в *dispositio*, вторые — в *narratio*. Автор сам замечает, что «части с юридическим значением в большей мере заслуживают названия клаузул, чем части с бытовым содержанием...»⁵⁰.

Отдельные статьи текста представляют собой сложные предложения, часто периоды, главное и придаточные предложения которых, образуя законченную мысль только в совокупности, имеют тем не менее каждое свою специальную тему. В предложении формулировка отдельной мысли подчас состоит из ряда обстоятельственных, определительных и других оборотов и вставных придаточных предложений. Кроме того, нередко в предложении к одному подлежащему-действителю отнесется несколько сказуемых, носящих характер описания юридических действий и состояний. Отдельные понятия, образованные из одного или нескольких слов, — элемент

⁵⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. С. 137—138.

статьи как объекта дипломатического анализа. Под элементом в русской дипломатике подразумевались иногда и более обширные части текста, соответствующие нашим «оборотам». Представляется, что это слишком упрощает схему членения акта. Мы бы не считали и «элемент» в нашем понимании пределом дипломатического членения текста акта. В элементе могут выделяться более мелкие частицы — характеристики.

Следовательно, сложная статья (Ст.) делится на предложения (П.), которые подразделяются на обороты (О.) или являются системой оборотов, когда к одному обороту, обозначающему действителя, относится несколько оборотов, характеризующих его юридические состояния ($O_a + O_{b-1, 2, 3, \dots, n}$), или когда несколько действителей выражают однородные отношения к какому-либо субъекту ($O_{a-1, 2, 3, \dots, n} + O_b$). Обороты, в свою очередь, делятся на элементы (Э.), а некоторые элементы — еще и на характеристики (Х.). Простые статьи могут делиться на элементы непосредственно, но если внутри оборота к одному подлежащему относится несколько определений, а к одному сказуемому — несколько дополнений или обстоятельств или если одно понятие выражено многочленно, то оборот делится на отделения (Отд.), состоящие соответственно из одного главного и нескольких второстепенных членов предложения или из одного главного и нескольких второстепенных понятий.

Среди элементов и характеристик различаются реалии, формулы и описания. Реалии — имена лиц и названия географических объектов. Формулы — устойчивые выражения, штампы, переходящие из одного документа в другой. Описания — отступающие от «типичных» формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия.

Таким образом, деление текста на статьи и ее более мелкие подразделения — результат интерпретации акта, т. е. толкования его буквального смысла, грамматической и дипломатической структуры.

На основе индивидуальных формуляров известного числа актов определенной разновидности можно построить абстрактный формуляр. Создание абстрактного формуляра предполагает разработку типичной схемы каждой статьи. В схему статьи обычно входит несколько рубрик одного или разных порядков. Рубрики отражают деление статьи на предложения, обороты, элементы и характеристики. Абстрактный формуляр является

подобием «сводного текста» актов той или иной разновидности. Но если юридическая школа рассматривала «сводный текст» как цель и результат дипломатического анализа, то для нас абстрактный формуляр имеет значение лишь в качестве технического средства изучения эволюции внутренней формы актов. Поэтому назначение абстрактного формуляра чисто практическое. Он служит «шапкой» для таблиц, куда заносятся по рубрикам статьи реальных документов, расчлененные на предложения, обороты, элементы и характеристики, причем фиксация документов в таблице ведется в порядке их хронологии. «Шапка», представляющая собой совокупность схем типичных статей актов определенной разновидности, делается с таким расчетом, чтобы в таблице могли быть отражены особенности индивидуального формуляра акта. Статьи, предложения, обороты, элементы и характеристики регистрируются в таблице под определенным номером, показывающим место каждого более мелкого подразделения в составе более крупного подразделения именно в данном акте, ибо табличная форма фиксации нарушает, вследствие неизбежного схематизма абстрактного формуляра, представление о структуре каждого реального текста. Элементы-формулы и характеристики-формулы обозначаются знаком «+» в соответствующих рубриках таблицы⁵¹, а все остальные элементы и характеристики передаются в соответствующих рубриках буквально.

Впрочем, и как средство дипломатического анализа абстрактный формуляр имеет относительное значение, поскольку по природе своей он на практике редко может быть идеальным инструментом исследования. В самом деле, если бы абстрактный формуляр создавался на основе учета всех сохранившихся актов изучаемой разновидности, в нем было бы возможно разработать схемы статей до мельчайших подробностей и тогда особенности всех актов могли бы найти отражение в той или иной рубрике таблицы. В порядке исключения, когда разновидность представлена не массовым материалом, а считанным числом документов, построение идеальных таблиц практически реализуемо. Но когда исследователь

⁵¹ Примеры см.: *Каштанов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 41. Правда, здесь элементы названы статьями, что не соответствует нашим позднейшим схемам членения формуляра. Аналогичные примеры таблиц см.: *Пронштейн А. П.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971. С. 325—326, Табл. 6—7.

имеет дело со многими сотнями актов, он неизбежно создает абстрактный формуляр на базе выборочно взятых более или менее «типичных» актов. Выборочность в данном случае оправдана: конструирование абстрактного формуляра после изучения всей массы материала, ради создания идеальной таблицы, бессмысленно, ибо таблица — не цель, а средство исследования. Поэтому табличный метод, базирующийся на абстрактном формуляре, необходимо сочетать с непосредственно текстологическим изучением актов. Прямое сличение текстов позволяет вывести конкретные формуляры, т. е. формуляры групп источников, из которых состоит та или иная разновидность. Воссоздание истории конкретных формуляров — главная задача дипломатического анализа внутренней формы актов.

В основу членения индивидуального, конкретного и абстрактного формуляров кладется принцип выделения законченных по мысли статей. Статьи текста по своим функциям делятся на сакральные; мотивировочные; содержащие обращение; уведомительные; описательные; договорные (клаузулы); указные; просительные; процессуальные; удостоверительные. При этом некоторые статьи могут носить смешанный характер. Подтверждение акта, относящееся к другому времени, мы рассматриваем как самостоятельный текст, в котором центральное место занимают обычно уведомительные, указные и удостоверительные статьи и реже присутствуют описательные и тем более договорные.

Компоненты условного формуляра могут относиться к статьям индивидуального и производных от него формуляров как часть к целому (например, *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio* — части статьи-обращения); как тождественные величины (например, *invocatio* составляет сакральную статью-посвящение); как целое к части (например, в *dispositio* входит обыкновенно несколько статей). В первом случае компонент условного формуляра равнозначен определенному элементу или элементам статьи. Во втором случае он тождествен самой статье. Наконец, в последнем случае в составе компонента может существовать не просто несколько статей, а несколько групп различных по теме статей. Эти группы статей, объединенные каждой единством темы, мы предлагаем считать разделами (Р.) того или иного сложного компонента.

В литературе членение условного формуляра на части и компоненты смешивается с делением индивиду-

ального формуляра на статьи. Так, А. С. Лаппо-Данилевский говорит: «В... широком смысле каждая... мысль, выраженная в акте отдельно от других, называется клаузулой. Впрочем, вступительная и заключительная часть акта обыкновенно называется начальным и конечным протоколом, ввиду чего термин «клаузула» получает более узкий смысл»; «...в более узком смысле клаузулами можно назвать лишь те части акта, которые входят в его состав помимо начального и конечного его протокола»⁵². Но поскольку деление условного формуляра на части и компоненты не совпадает с делением текста на статьи, вопрос о начальном и конечном протоколе не имеет отношения к делению на статьи. По той же причине нельзя считать обоснованным принцип деления «клаузул» на «основные реальные» и «основные протокольные»⁵³. Как уже отмечалось ранее, типичное для западноевропейской и русской дипломатики смешение принципов исследования условного и индивидуального формуляров наблюдается, в частности, у А. А. Введенского.

Совпадение статьи или статей текста с частью условного формуляра хотя и возможно, но далеко не всегда имеет место. Нередко, например, *agens*, являющаяся компонентом основной части условного формуляра, входит в состав статьи, где за ней следуют компоненты начального протокола — *intitulatio* и *inscriptio*. Лаппо-Данилевский прав в том, что «при расчленении текста акта на образующие его клаузулы следует, по возможности, соотносываться с теми моментами, которые сами составители акта стремились различить в его составе, не подвергая его искусственному дроблению или более тонкому разграничению позднейшей юридической мысли...»⁵⁴. Это же подчеркивает и В. И. Веретенников: «Практическое расчленение какого-либо данного акта, выделение из его состава отдельных клаузул должно базироваться прежде всего на точном понимании текста акта, на его грамматическом строе»⁵⁵.

Покажем на некоторых примерах соотношение условного формуляра с индивидуальными формулярами.

⁵² Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. С. 135, 136.

⁵³ Веретенников В. И. К вопросу о методах изучения древнерусских частнопроводных актов // Историческое обозрение. Т. 21. С. 12.

⁵⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. С. 138.

⁵⁵ Веретенников В. И. Указ, соч, С, 10,

Текст договорной грамоты Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 60-х годов XIII в. начинается со статьи: «Благословение от владыки, поклонъ от посадника Михаила, и от тысяцкого Кондрата, и от всехъ соцьскихъ, и от всехъ старейшихъ, и от всего Новагорода къ князю Ярославу»⁵⁶. По своему типу это статья-обращение. Выделим в ней обороты, элементы и характеристики:

O_{a-1}	— Э ₁	— Благословение
	Э ₂	— от владыки
O_{a-2} — Отд. I	— Э ₁	— поклонъ
Отд. II	Э _{1-а}	— от посадника
	Э _{1-б}	— Михаила
	Э _{2-а}	— и от тысяцкого
	Э _{2-б}	— Кондрата
	Э ₃	— X ₁ — и от всехъ
		X ₂ — соцьскихъ
	Э ₄	— X ₁ — и от всехъ
		X ₂ — старейшихъ
	Э ₅	— X ₁ — и от всего
		X ₂ — Новагорода
$O_б$	— Э _{1-а}	— къ князю
	Э _{1-б}	— Ярославу.

Формулами являются элементы оборота а—1, отд. I оборота а—2, элементы 3—5 отд. II оборота а—2, Э_{1-а} и Э_{2-а} в том же отд., Э_{1-а} в обороте б, реалиями — Э_{1-б} и Э_{2-б} в отд. II оборота а—2 и Э_{1-б} оборота б. Из компонентов условного формуляра в статье имеются salutatio (№ 1: $O_{a-1} — Э_1$; № 2: $O_{a-2} — Отд. I — Э_1$), intitulatio (№ 1: $O_{a-1} — Э_2$; № 2—6: $O_{a-2} — Отд. II — Э_{1-5}$), inscriptio ($O_б — Э_1$).

Следовательно, статья составляет начальный протокол, в котором отсутствует только один компонент — invocatio. Далее в грамоте идут статьи, образующие dispositio. Agenga, promulgatio, paggatio отсутствуют. Иной переход от статьи-обращения к остальному тексту наблюдаем в грамоте Новгорода Колывани начала XV в.: «Благословенье от архиепископа Новгородского владыке Ивана, от посадника Ивана Александровича, от тысяцкого Василья Есифовича, от всего Великого Новагорода к посадникамъ калыванскимъ, и к ратманамъ, и ко всимъ колыванчамъ. Буди вамъ ведомо: здесе ми с немчи в розмирьи Свеею. И вы, наши суседе, к нимъ бы есте не приставале»⁵⁷. Первая статья («Благословенье... ..колыванчамъ») — обращение. Она имеет

⁵⁶ ГВНП. № 1.

⁵⁷ ГВНП. № 50.

salutatio («Благословенье»), intitulatio («от архиепископа... ..Новагорода»), inscriptio («посадникамъ... ..колыванчамъ») и образует начальный протокол. Вторая статья («Буди... ..Свеею») — уведомительная. В нее включены promulgatio («Буди вамъ ведомо») и paggatio («здесе... Свеею»). Следующая статья — рекомендательная, входящая уже в состав dispositio. Итак, здесь основную часть формуляра открывает нотификация (promulgatio). Agenga отсутствует. Сходное построение наблюдаем в договорной грамоте князя Михаила Ярославича с Новгородом 90-х годов XIII в., где promulgatio выражается в словах: «То ти, отъче, поведаю»⁵⁸. Помещение салютации на первом месте в начальном протоколе характерно и для новгородских частнопровольных грамот-писем XIII—XV вв.: «Поклоно от Иева ко Прокопе»; «Чолобитъ от мелника из Злостыици к Юрью к Оньцифорову»⁵⁹ и т. п.

Грамотам Северо-Восточной Руси свойственны другие особенности. Докончания великих и удельных князей XIV—XV вв. часто начинаются статьей такого типа: «По благословению отца нашего Фотиа, митрополита Киевского и всея Руси, на семъ, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мне крест, къ своему брату старейшому, к великому князю Василью Васильевичу, и къ своему брату молодшому, князю Ондрею Дмитриевичу, и къ нашему брату молодшому, ко князю Костянтину Дмитриевичу»⁶⁰. Подвергнем статью членению по нашей схеме:

P_1	— O_1 —	Э ₁	— По благословению
		Э _{2-а}	— X ₁ — отца
			X ₂ — нашего
		Э _{2-б}	— Фотиа
		Э _{2-в}	— X ₁ — митрополита
			X ₂ — Киевского
			X ₃ — и всея Руси
P_2	— O_1 —	Э ₁	— на семъ
	O_2 —	Э _{1-а}	— X ₁ — брате
			X ₂ — молодшии
		Э _{1-б}	— X ₁ — князь
			X ₂ — Юрьи Дмитриевич
	O_3 — Отд. I	— Э ₁	— целуи
		Э ₂	— ко мне
		Э ₃	— крестъ

⁵⁸ ГВНП. № 4.

⁵⁹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 27, 52—53. № 148, 167.

⁶⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., Л., 1950. С. 63. № 24. (Далее — ДДГ.)

Отд. II	— Э _{1-а}	— X ₁ — кь своему
		X ₂ — брату
		X ₃ — стареншому
	Э _{1-б}	— X ₁ — к великому
		X ₂ — князю
		X ₃ — Василью Васильевичю
	Э _{2-а}	— X ₁ — и кь своему
		X ₂ — брату
		X ₃ — молодшому
	Э _{2-б}	— X ₁ — князю
		X ₂ — Ондрею Дмитриевичю
		X ₃ — и кь нашему
	Э _{3-а}	— X ₁ — и кь брату
		X ₂ — брату
		X ₃ — молодшому
	Э _{3-б}	— X ₁ — ко князю
		X ₂ — Костянтину Дмитриевичю.

П₁ — агега. Этот компонент условного формуляра представлен здесь в весьма неразработанном виде и имеет значение преимущественно морально-юридического обоснования права участников договора на составление документа. Характер юридической ссылки яснее выражен в преамбулах жалованных грамот XV в., содержащих слова «по отца своего грамоте великого князя (имр.)», а также льготных и оброчных грамот писцов и других должностных лиц XVI в., где на первом месте в тексте ставится оборот: «По великого князя слову» или «По великого князя грамоте». И в частных актах XV—XVI вв. встречается преамбула такого типа: «По мужа своего слову Ильину»; «По благословению отца моего игумена Васьяна троницкого Сергиева монастыря»⁶¹. В некоторых договорных грамотах князей наряду с юридическим моментом выделен мотив божественной милости: «Божнею милостию и пречистыя его богоматери, по благословению отца нашего Кипреяна, митрополита всея Руси»⁶². В XVI в. преамбула, состоящая из слов «Божнею милостию», начинает включаться и в жалованные грамоты, а затем сливается с *intitulatio*. В жалованных грамотах XVII в. попадает аренга с формулировкой мотива личной милости монарха: «По своему царскому милосердому осмотрению»⁶³. В княжеских духовных грамотах XIV в. агега дается не в форме общего рассуждения о бренности жизни или близком конце света, как это имело место в ряде западных документов, а в форме констатации возможности смерти

конкретного лица — князя, автора духовной: «Аже бог что розгадаеть о моемъ животе», «Аже что бог розмыслить о моемъ животе»⁶⁴. В аренге духовной Кирилла Белозерского наряду с этим широко представлено религиозное обоснование намерений автора: «Смотрих, яко постиже мя старость, впадох бо в частыя и различныя болезни, ими же ныне сдержимь есмь, человеколюбне от бога казим, ради моих грех, болезнем на мя умножившимся ныне, яко же иногда никогда же, и ничто же ми возвещающе разве смерть и суд страшныи спасов будущего века. И во мне смутись сердце мое, исхода ради, и страх смертныи нападе на мя, боязнь и трепет страшнаго судища прииде на мя, и покры мя тма недоумения, — что сътворити, не съем; но възвергу печаль на господа, да той сътворит, яко же хошет, — хошет бо всем человеком спастися»⁶⁵. Первая часть цитированного текста содержит некоторые конкретные сведения (о болезни Кирилла) и поэтому приближается по своему характеру к *pagatio*. Очень пространная аренга в духовной грамоте Ивана IV⁶⁶. Наиболее ранний пример преамбулы в русских документах находим в договоре Олега 911 г.: «...на удержание и на извещение от многих лет межн Хрестианы и Русью бывшую любовь, похотением наших князь и по повелению от всех, иже суть под рукою его сущих Руси. Наша светлость, более инех хотящих еже о бозе удержати и известити таку любовь, бывшую межн Хрестьяны и Русью, многажды право судихом, но точию просто словесен, и писанием и клятвою твердою, кленшеса оружием своим, такую любовь известити и утвердити по вере и по закону нашему»⁶⁷. Со слов «многажды право судихом» и до конца статьи текст имеет черты *pagatio*, так как в нем рассказывается о поведении русского князя в прошлом. Наличие в договоре довольно развернутой аренги, выражающей стремление к общему благу и справедливости, сближает текст с западными документами и объясняется, возможно, следованием византийскому формуляру. Сравнительно пространная преамбула в договорной грамоте Великого Новгорода и Пскова с юрьевским епископом, но по типу она ближе к преамбуле докончальных грамот князей Северо-Восточной Руси, чем к аренге договора Олега:

⁶¹ АСЭИ. Т. 1. № 90, 255 и др.

⁶² ДДГ. № 15; ср. 70 и др.

⁶³ Акты времени правления царя Василия Шуйского/Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914, № 49.

⁶⁴ ДДГ. № 1, 4.

⁶⁵ АСЭИ. Т. 2. № 314.

⁶⁶ См.: ДДГ. № 104.

⁶⁷ Памятники русского права/Сост. А. А. Зимин, М., 1952, Вып. 1, С. 6. (Далее — ПРП.)

«Милостью божьею, стояниемъ светяя Софеи премудрости божьи, и стоянемъ святяя живоначальная троица, и здоровьем господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Васильевича, цара всея Руси, и здоровьемъ господина нашего и государя нашего великого князя Ивана Ивановича, цара всея Руси»⁶⁸.

Вернемся к первой статье княжеских договорных грамот. Кроме преамбулы в ней можно видеть и другие компоненты условного формуляра: *inscriptio* (Π_2 — O_2 — \mathcal{E}_1), *intitulatio* (№ 1: Π_2 — O_3 —Отд. II — \mathcal{E}_1 ; № 2: там же— \mathcal{E}_2 ; № 3: там же— \mathcal{E}_3). В статье нет *salutatio*, но зато есть формула: «На семь... целуй мне крестъ». Эта формула и определяет характер второй части статьи (Π_2) как указно-договорной и является фактически формулой *dispositio*, устанавливая тип взаимоотношений между контрагентами. Тем самым вся статья принципиально отличается от статьи-обращения, свойственной классическому начальному протоколу западных документов-посланий. Можно сказать еще определеннее: договорные грамоты рассматриваемой разновидности вообще лишены начального протокола, компоненты которого (*intitulatio* и *inscriptio*) вставлены непосредственно в первую статью *dispositio*.

В сходном положении находятся частные акты — купчие, меновные и др. Приведем пример из купчей середины XV в.: «Се яз, Арон старецъ, поселскон троецкон, купил есми у Марьи у Васильевы жены Борисовичя и у её внука у Ивана землю, пустошь Борисовскую, в дом живоначальной Троице»⁶⁹.

Представим это в виде схемы:

O_1 —	\mathcal{E}_1	— X_1 — Се
		X_2 — яз
O_2 —	\mathcal{E}_{1-4}	— Арон
	\mathcal{E}_{1-6}	— X_1 — старецъ
		X_2 — поселскон
		X_3 — троецкон
O_3 —	\mathcal{E}_1	— купил есми
O_4 —	\mathcal{E}_1	— X_1 — у Марьи
		— X_2 — у Васильевы
		X_3 — жены
		X_4 — Борисовичя
	\mathcal{E}_2	— X_1 — и у её внука
		X_2 — у Ивана
O_5 —	Отд. I — \mathcal{E}_1	— землю
	Отд. II — \mathcal{E}_1	— X_1 — пустошь
		X_2 — Борисовскую

⁶⁸ ГВНП. № 78.

⁶⁹ АСЭИ. Т. 1, № 267.

O_5 —	\mathcal{E}_1	— в дом
	\mathcal{E}_2	— X_1 — живоначальной
		X_2 — Троице.

Здесь O_3 , O_5 — Отд. I, O_6 выражают сущность сделки. Статья носит уведомительно-договорный характер и относится к диспозиции. O_2 — интитуляция; O_4 — \mathcal{E}_1 — инскрипция № 1; O_4 — \mathcal{E}_2 — инскрипция № 2. В работах западных дипломатистов не без оснований говорится, что некоторые договоры, в том числе меновные, имеющие статью типа «*Placuit atque convenit inter N° et N° quod...*», лишены интитуляции⁷⁰. Но тогда участников сделки надо обозначать как «контрагент № 1», «контрагент № 2» и т. д. И все-таки в русских частных актах субъектом интитуляции мы можем считать лицо, обозначение которого предшествуют слова «се аз», входящие в интитуляцию (ср. *ego*, *pos* западных документов), тогда другой контрагент становится субъектом инскрипции, хотя никакой формулы обращения к нему в акте нет.

Некоторые разновидности актов начинаются с богословия — *invocatio*. Так, в данной игумена Василия Николаевского Чухченемскому монастырю середины XV в. читаем: «Во имя отца и сына и святого духа»⁷¹. Поскольку этот компонент условного формуляра принадлежит к начальному протоколу, мы уже не можем сказать, что акт лишен начального протокола, даже если другие его компоненты (*intitulatio* и *inscriptio*) в тексте слиты с *dispositio*. Инвокация, как правило, присутствует в духовных, реже — в данных частных лиц. В княжеских духовных ранний вариант инвокации — «Во имя отца и сына и святого духа». Он безусловно господствует во всех духовных великих и удельных князей XIV — первой трети XV в.⁷² В духовной Софьи Витовтовны (1451) впервые появляется расширенная редакция инвокации с упоминанием «троицы»: «Во имя святяя и живоначальная троици, отца и сына и святого духа». Эта же редакция употреблена в духовных Василия Темного, Ивана III и удельных князей Бориса Васильевича Волоцкого, Андрея Васильевича Вологодского, в варианте духовной Михаила Андреевича Белозерского, составленном по указанию Ивана III, и в официально утвержденном варианте его духовной⁷³. В духовной волоцкого князя Федора Борисовича (ок. 1506), сохранившейся в

⁷⁰ См.: *Giry A. Manuel de diplomatique*. Paris, 1894, P. 534.

⁷¹ ГВНП. № 176.

⁷² См.: ДДГ. № 1, 3, 4, 12, 17, 20—22, 23, 29.

⁷³ См.: ДДГ. № 57, 61, 71, 74, 80б, 80в, 89.

списке XVI в., нет слов «святыя и» в формуле о троице: «Во имя живоначальных троица...» В духовной записи Василия III 1523 г. опущена вторая половина инвокации, т. е. ее старейшая часть (об отце, сыне и святом духе). Здесь говорится лишь: «Во имя святыя живоначальных троица»⁷⁴.

В некоторых удельнокняжеских духовных и во второй половине XV в. продолжала использоваться старая краткая редакция инвокации: «Во имя отца и сына и святого духа». Ее находим в завещаниях Юрия Васильевича Дмитровского (1472), в первом (черновом) варианте духовной Михаила Андреевича Белозерского (ок. 1486), в духовной грамоте княгини Ульяны, вдовы волоцкого князя Бориса Васильевича. Та же редакция в духовной Ивана Юрьевича Патрикеева⁷⁵, который, однако, не был удельным князем. Вероятно, применение старой редакции в грамотах Ульяны Волоцкой и Патрикеева объясняется тем, что их завещания рассматривались как частноправовые акты, где использовалась именно эта редакция инвокации.

Сравнение трех вариантов духовной Михаила Андреевича Белозерского показывает, что старая редакция употреблена в том варианте, который составлялся по указанию самого Михаила Андреевича, а новая — в вариантах, составленных по указанию Ивана III. Следовательно, наличие новой редакции в духовных Бориса Волоцкого и Андрея Вологодского можно по аналогии с духовной Михаила Андреевича считать результатом вмешательства великокняжеской власти в процесс составления удельнокняжеских завещаний. Вместе с тем применение старой редакции в духовной Юрия Васильевича Дмитровского свидетельствует о большей самостоятельности этого князя в деле составления духовной. И действительно, Юрий как старший из удельных князей и получивший удел еще при жизни Василия Темного, по видимому, обладал большими правами, чем его младшие братья.

В духовных удельных князей XVI в. инвокация как таковая изживается. Ее нет совсем в духовной Ивана Борисовича Ружского (ок. 1503); которая названа «памятью», а в духовной Дмитрия Ивановича Улицкого (ок. 1521) употреблена скорее преамбула, чем инвокация: «Милостью божьею и пречистые его матери»⁷⁶.

⁷⁴ ДДГ. № 98; см. также № 100.

⁷⁵ См. там же. № 68, 80 а, 87, 86.

⁷⁶ Там же. № 99.

Вместе с тем Иван Грозный в своей духовной (ок. 1572) использует расширенную редакцию инвокации, ставя на первое место старую формулу об отце, сыне и святом духе, на второе — формулу о троице, на третье — формулу о вечности, отсутствовавшую в прежних завещаниях великих князей: «Во имя отца и сына и святого духа, святыя и живоначальные троицы, и ныне и присно и во веки веков, аминь»⁷⁷. Случай применения в инвокации аппрекративной формулы «амен» западной дипломатике известны.

В жалованных грамотах богословие в чистом виде, как правило, не встречается. Исключение составляет грамота XIV в. и повторяющая ее формуляр грамота XV в. Тверскому Отрочу монастырю: «Во имя святыя троицы, отца и сына и святого духа»⁷⁸.

Некоторые жалованные грамоты начинаются с выражений типа: «Святыя ради живоначальные троицы» и т. п. Эти выражения не могут считаться богословием в строгом смысле слова. Предлог «ради» или «деля», «для» (вместо оборота «во имя») указывает на цель действия, поэтому вся фраза должна быть расценена как преамбула — *agensis*. Однако, поскольку она часто стоит на месте богословия и содержит некоторые общие с ним элементы (например, «святыя троицы»), ее можно назвать богословской преамбулой.

Конкретная формулировка богословской преамбулы зависит от того, чье имя носит монастырь, которому грамота выдается. В грамотах Троице-Сергиеву монастырю обычно говорится: «Святыя деля троицы», «Святыя ради троицы»; в грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю — «Святого деля Спаса» и т. п. Развитие этого компонента условного формуляра как преамбулы особенно ясно проявилось в тех редакциях соответствующей статьи, где либо проводится мысль о стремлении добиться милости троицы и личного спасения⁷⁹, либо вместо троицы прямо называется Троице-Сергиев монастырь⁸⁰.

Доказать наличие в жалованных грамотах XV в. начального протокола в чистом виде довольно трудно, если квалифицировать первый компонент формуляра этих актов как *agensis*, а не как *invocatio*. К тому же в жало-

⁷⁷ ДДГ. № 104.

⁷⁸ АСЭИ. Т. 3. № 116; см. также № 117.

⁷⁹ «Милости ради святыя троица, своего ради спасенья» (АСЭИ. Т. 1. № 171); «Святыя ради живоначальные троицы и своего деля спасенья» (Там же. № 250).

⁸⁰ «Святыя ради троицы Сергиева монастыря» (Там же, № 197).

ванных грамотах XVI в. богословская преамбула вообще отсутствует. Подобно частным актам и междукняжеским договорным грамотам жалованные грамоты содержат *intitulatio* и *inscriptio* в статье, уже выражающей характер отношений, в которые вступают грамотодатель и грамотополучатель, или, условно, корреспондент и адресат: «Се яз, князь велики Иван Васильевич всея Русии, пожаловал есми Троицкого Сергиева монастыря игумена Симона з братьею, или кто по нем иныи игумен будет» (1492)⁸¹.

Распишем эту статью по элементам:

O ₁ — Э ₁	— X ₁ — Се
	X ₂ — яз
O ₂ — Э _{1-а}	— X ₁ — князь
	X ₂ — велики
Э _{1-б}	— Иван Васильевич
Э _{1-в}	— всея Русии
O ₃ — Э ₁	— пожаловал есми
O ₄ — Э _{1-а}	— X ₁ — Троицкого
	X ₂ — Сергиева
	X ₃ — монастыря
Э _{1-б}	— X ₁ — игумена
	X ₂ — Симона
Э _{1-в}	— з братьею
Э _{2-а}	— или кто по нем
Э _{2-б}	— иныи игумен
Э _{2-в}	— будет.

Статья имеет уведомительно-договорное значение, и видеть в O₃ эквивалент *salutatio* едва ли возможно. O₃ формулирует типичные для данной разновидности актов взаимоотношения контрагентов, поэтому статья в известной мере принадлежит к *dispositio*. В то же время формула «пожаловал есми» носит более общий характер, чем формулы частных актов, прямо указывающие разновидность сделки («дал», «купил», «менил» и т. п.), или чем формула докончальных грамот: «На сем... целуи ко мне крест». По сравнению с частными актами *intitulatio* и *inscriptio* отличаются здесь гораздо большей разработанностью. Поэтому протокольное предназначение статьи явно конкурирует с диспозитивным. В ряде жалованных грамот, особенно XVI в., после первой статьи идет комплекс статей, составляющих *narratio*, чем уже структурно закрепляется отрыв первой статьи от *dispositio*.

Начальный протокол всегда присутствует в указных грамотах. Вот первая статья одной из указных грамот: «От князя Бориса Васильевича в Фоминское волостелем

⁸¹ АСЭИ, т. 1, № 567.

моим и тиуном и всем пошлинником». По своей функции в тексте эта статья представляет собой обращение. В начальном протоколе обращение образуется из *intitulatio*, *inscriptio*, *salutatio*. Указные грамоты лишены *salutatio*, но это не меняет характера их первой статьи как статьи начального протокола. Нет в указных грамотах и инвокации.

Из компонентов основной части условного формуляра грамоты Северо-Восточной Руси, как правило, не имеют *promulgatio*. *Narratio* вводится в русские акты сравнительно поздно (со второй половины XV в.) и обычно в форме пересказа челобитий тех юридических или физических лиц, которым или в интересах которых выдается документ. Но в самих письмах и челобитых *narratio*, естественно, составляя главный компонент формуляра с момента появления этих разновидностей источников, о чем свидетельствуют берестяные грамоты.

Важнейший компонент основной части формуляра — *dispositio*. Если компоненты протокола (*intitulatio*, *inscriptio* и др.) входят обычно в состав статьи, то диспозиция во многих случаях состоит из ряда статей-клаузул. Достаточно показать, какой огромной может быть только первая статья диспозиции тарханных грамот. Ниже эта статья представлена в сводном виде, т. е. как статья абстрактного (а не конкретного или индивидуального) формуляра.

П ₁ — O ₁	— Э ₁	— X ₁ — Что
		X ₂ — у них
O ₂ —	Э ₁	— X ₁ — в N-ском
		X ₂ — уезде
	Э ₂	— X ₁ — в N-ской
		X ₂ — волости
O ₃ — Отд. I	— Э ₁	— X ₁ — их
		X ₂ — села
	Э ₂	— и деревни
	Отд. II — Э _{1-а}	— X ₁ — село (сельцо)
		X ₂ — А
	Э _{1-б}	— и з деревнями
	Э _{2-а}	— X ₁ — село (сельцо)
		X ₂ — Б
	Э _{2-б}	— и з деревнями <...>
П ₂ — O ₁	— Э ₁	— и хто
	Э ₂	— у них
O ₂ —	Э ₁	— в тех селех
	Э ₂	— и в деревнях
O ₃ —	Э ₁	— X ₁ — учнет (имет)
		X ₂ — жити
O ₄ —	Э _{1-а}	— людей
	Э _{1-б}	— и крестьян
П ₃ — O _а	— Э _{1-а}	— X ₁ — и тем

			X ₂ — их
			X ₃ — людем
O ₆₋₁ —	Отд. I — Э ₁₋₆		— и крестьяном
	Отд. II — Э ₁	— X ₁	— не надобе
		X ₂	— моя
		X ₃	— великого князя
			— дань
		Э ₂	— ни ямские деньги
		Э ₃	— ни подводы
		Э ₄	— ни посощная служба
		Э ₅	— ни городовое дело
		Э ₆	— ни мыт
		Э ₇	— ни тамга <...>
		Э _n	— X ₁ — ни иная
			X ₂ — некоторая
			X ₃ — пошлина
O ₆₋₂ —	Э ₁		— ни коня моего
	Э ₂		— не кормят
O ₆₋₃ —	Э ₁		— ни сен монах (ни луга моего)
	Э ₂		— не косят
O ₆₋₄ —	Э ₁		— ни закосного
	Э ₂		— не дают
O ₆₋₅ —	Отд. I — Э ₁		— ни к соцким
		Э ₂	— ни к дворским
		Э ₃	— ни к десяцким
	Отд. II — Э ₁	— X ₁	— с тяглыми (с черными)
		X ₂	— людьми
			— не тянут
	Отд. III — Э ₁	— X ₁	— ни в какие
		X ₂	— проторы
			— ни в розметы
O ₆₋₆ —	Э ₂		— ни иные
	Э _{1-a}		— им
	Э _{1-b}	— X ₁	— некоторые
	Э _{1-в}	X ₂	— пошлины
			— не надобе
O ₆₋₇ —	Отд. I — Э ₂		— ни поворотного
	Э ₁		— ни посощного
	Э ₂		корму
	Э ₃		— ни городчнковой
			пошлины
	Отд. II — Э ₁		— не дают.

Статьи, образующие *sanctio* в русских грамотах, не классифицированы еще с такой же тщательностью, как это сделано в западной дипломатике применительно к документам средневековой Западной Европы, где различают *clauses injonctives* (повеление не нарушать), *prohibitives* (запрещение нарушать), *dérogatives* (запрещение нарушать, несмотря на последующие постановления), *противоречащие содержанию данного документа*, *réservatives* (объявление неподвижности закрепленных прав), *obligatives* (клятвенное обещание не нарушать), *renonciatives* (оговорки), *compina-*

toires (угрожающие), среди которых выделяют угрозы духовного наказания (проклятие, анафема), угрозы гражданской расправы (денежный штраф, ссылка и т. п.). В русских грамотах наиболее распространены статьи, угрожающие «казнью», «опалой» за нарушение, объявляющие неподвижность закрепленных прав, запрещающие нарушать, несмотря на последующие грамоты. В грамоте Олега Рязанского Рязанскому Ольгову монастырю второй половины XIV в. говорится об ответе перед богом: «А кто изобидит дом святой Богородици — или князь, или владыка, или волостель, или кто иныи, тот даст ответ перед богомъ святой госпожи Богородици»⁸².

Soггobogatio можно видеть чаще всего в статьях частных актов, где сообщается о подписях и печатях составителей документа и послухов.

В частных актах указывается иногда и писец грамоты, хотя эта статья, строго говоря, не относится к корроборации.

В конечном протоколе пространные аппрекации встречаются в посланиях церковных иерархов. Например, в грамоте митрополита Феогноста (сер. XIV в.) читаем: «А милость божья и святой Богородици и мое благословенье да будет с вами» (АСЭИ. Т. 3. № 312. С. 342; ср. № 313. С. 344). Документы договорного и договорно-законодательного видов содержат аппрекацию очень редко (см. «Аминь» в церковном уставе Ярослава)⁸³.

При сопряжении индивидуального формуляра с условным в реальном тексте сначала выделяются статьи, затем выясняется наличие и порядок расположения компонентов условного формуляра. Если несколько статей образуют одну тематическую группу, эту часть текста следует считать особым разделом (Р.) определенного компонента условного формуляра. Покажем схему сопряжения индивидуального формуляра с условным на примере жалованной грамоты Василия III 1515 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю⁸⁴:

[Протокольно-диспозитивная часть]
Ст. 1. «Се яз... пожаловал...игумен...будет».
[Dispositio]

⁸² АСЭИ. Т. 3. № 322. С. 351.

⁸³ См.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 91, 93, 99, 139; Российское законодательство X—XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 93.

⁸⁴ См.: Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2. № 63.

- [P. I, податной]
- Ст. 2. «Что у них... ..не дают».
- Ст. 3. «А коли пошлю... ..никоторым делам».
[Sanctio]
[P. I]
- Ст. 4. «На сю мою грамоту... ..грамоты дертной нет
никоторой»;
[Dispositio]
[P. II, судебный]
- Ст. 5. «И волостели... ..одного душегубьства».
- Ст. 6. «А праведьчики и доводчики... ..ни по что».
- Ст. 7. «А ведает и судит... ..или кожу прикажут».
- Ст. 8 (a—r). «А случится суд сместной... ..на виноватом».
- Ст. 9. «А кому будет... ..бояре введеные».
[P. III, о пятне]
- Ст. 10. «А лошади пятнат... ..не дают».
[P. IV, о душегубстве]
- Ст. 11. «А учинится... душегубства... ..не имати ничего».
- Ст. 12. «А кто у них... ..продажи нет».
[P. V, заповедный]
- Ст. 13. «А наши князи... ..силно не емлют».
[P. VI, о рыбной ловле]
- Ст. 14. «Такоже есми... ..тонеи».
- Ст. 15. «А кто мой подлечик... ..не емлет».
[Sanctio]
[P. II]
- Ст. 16. «А которого своего наместника... ..грамоты нет».
[Dispositio]
[P. VII, о безъявочном предъявлении грамоты]
- Ст. 17. «А коли явят... ..не дают ничего».
[Sanctio]
[P. III]
- Ст. 18. «А кто ся ослушает... ..быти в казни».
[Конечный протокол]
- Ст. 19. «Писано на Москве, лета 7023, февраля 17 день».
- Членение текста на статьи и приведение этого членения в некоторое соотношение со схемой условного формуляра есть, разумеется, лишь начальная стадия анализа документа, но без нее невозможны какие-либо сравнения изучаемого источника с другими, а также исследование эволюции формы и содержания документов определенной разновидности.
- Если изучение истории конкретных формуляров выясняет эволюцию внутренней формы актов данной разновидности и данной страны, то применение к актам

принципов членения условного формуляра служит цели прежде всего сравнительного исследования внутренней формы документов различных разновидностей и разных стран. В качестве инструмента сравнительного исследования условный формуляр в нашей дипломатике используется недостаточно.

Метод членения акта на части и компоненты условного формуляра мы бы назвали условно-документоведческим, метод членения текста на статьи и элементы — грамматически-дипломатическим. Сопряжение их, как мы видели, довольно сложно. Но грамматически-дипломатический метод сочетается еще с методом юридического членения текста по его содержанию. В жалованных грамотах, например, А. А. Зимин предлагал различать четыре части: 1) вступительную (изложение челобитья); 2) вотчинную (перечень состава владений); 3) иммунитетную (перечень привилегий); 4) заключительную (подпись, приписки и подтверждения). Автор провел исследование «вотчинной части» жалованных грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю. Это исследование представляет большой интерес, но сам принцип деления текста на части по содержанию является тематическим, а не постатейным. Позднее Зимин не повторил свою схему, хотя сохранил понятие «вотчинная часть» и указал, какие «разделы» в нее входили: 1) название владения; 2) наименование уезда, стана или волости, где владения находились; 3) упоминание предшествующего владельца; 4) сведения о способе приобретения. Речь, на наш взгляд, может тут идти не о «разделах», а о типе сведений, встречающихся в так называемой вотчинной части⁸⁵. Чаще всего в одной статье наблюдается сочетание «вотчинной» и «иммунитетной» частей, а также «вступительной» и «вотчинной». Вот, например, одна из типичных статей жалованных грамот XV в.: «Что его селцо Дементиево и с деревнями в Святице, да что прикупил себе Дубачевские деревни четверть, и хто у него в том селце и в деревнях учнут жити людеи, ино Ивану и тем людем не надобе ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни костки, ни восменичье; ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят; ни к соцким, ни к десяцким с черными людами не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в быны ни в которые пошлины»⁸⁶.

⁸⁵ См.: Зимин А. А. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение. Сб. статей. М., 1979. С. 164—178.

⁸⁶ АСЭИ. Т. 3. № 85.

Каждое законченное изложение какой-то нормы права может быть охарактеризовано как «постановление», а отдельная часть такого постановления — как «пункт». Поясним различия между тремя принципами членения текста документа. Скажем, адрес или интитуляция — это категория условно-документоведческого членения текста. Статья, делящаяся на обороты и элементы, — это категория грамматически-дипломатического членения текста. И наконец, постановление, пункт (совсем не обязательно совпадающий со статьей или элементом) — это категория юридически-тематического деления.

В основе анализа индивидуальных актов формуляров должен лежать грамматически-дипломатический принцип. Но уже на стадии выяснения конкретных формуляров ограничиться одним этим принципом невозможно, и он оказывается в известном сочетании с юридически-тематическим принципом: выделение определенных групп элементов, объединенных единством темы, рассмотрение в одном тематическом ряду постановлений, неоднородных с дипломатически-грамматической точки зрения (элементов и оборотов, даже элементов и предложений).

Выяснение социального и политического происхождения актов и отдельно взятого акта определенной разновидности базируется прежде всего на результатах исследования конкретных формуляров. Это исследование ведется методами текстологии. Текстологический анализ довольно широко распространен в западноевропейской дипломатике, особенно в дипломатике публичных актов. Л. В. Черепнин на материале княжеских духовных и договорных грамот доказал, что возникновение нового акта связано с переработкой предшествующих актов в изменившихся конкретных условиях, что акт как остаток документации прошлого не есть явление изолированное — он теснейшим образом связан с определенным феодальным архивом и его судьбами⁸⁷.

Текстология позволяет: 1) проследить развитие текста актов определенной разновидности и соотношение этого развития с эволюцией смежных формуляров; 2) установить степень новизны формуляра каждого конкретного акта. Иногда формуляр актов сохраняет удивительную устойчивость. Так, в жалованной грамоте Ивана IV

⁸⁷ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., Ч. 1.

Спасо-Прилуцкому монастырю 1534 г. с монастырского насада (вид судна) предписывается: не взимать «ни гостинного, ни порального, ни подъездного, ни подзорного, ни описного, ни померного»⁸⁸. Интересно, что тот же перечень пошлин содержался еще в грамоте Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю середины 70-х годов XV в.⁸⁹ Логический анализ текста (интерпретация, установление логических противоречий, неясностей и т. п.) составляет другую сторону внутренней критики.

4. Изучение происхождения и функции актов

Как уже говорилось, вопрос о происхождении актов имеет два аспекта: 1) выяснение канцелярского или внеканцелярского происхождения текста и способов его удостоверения; 2) изучение всего комплекса причин возникновения данного акта. Исследование причинно-следственных связей, приведших к созданию акта, требует рассмотрения исторической обстановки, в которой он появился. К сожалению, мы далеко не всегда можем установить, кому принадлежало решение о составлении или выдаче акта. Следует иметь в виду не только чисто канцелярское право «приказа» (*jussio*), но и волю тех лиц, которые определяли этот «приказ». Изучение исторической обстановки, разумеется, немисливо без привлечения других видов источников, причем здесь исследователя подстерегают наибольшие опасности, ибо он вынужден непосредственно «черпать» сведения из других источников, развитие внутренней формы которых ему практически неизвестно. Дело облегчается в тех случаях, когда имеются капитальные исследования об этих видах источников. Так, изучая происхождение договорных, жалованных и других грамот XIV—XV вв., Л. В. Черепнин широко опирался на летописный материал. Правильному использованию летописных данных, отделению в них достоверного от недостоверного помогают фундаментальные труды А. А. Шахматова, А. Н. Насонова, Я. С. Лурье и других авторов, посвященные изучению развития летописей как таковых. Л. В. Черепнин систематически показал, что акт как явление социально-экономической и политической истории органически связан с породившей его конкретно-исторической средой.

⁸⁸ ГБЛ, ф. 711 (Собр. А. П. Гранкова), № 86/145, л. 8.

⁸⁹ См.: АСЭИ. Т. 1. № 453.

Несмотря на теоретическую безупречность тезиса о конкретно-исторических причинах появления актов, выяснение этих непосредственных причин всегда сталкивается с огромными трудностями, подчас непреодолимыми. Сами источники либо ничего не рассказывают о своем происхождении, либо выдают поводы за причины, либо говорят о причинах неполно или недостоверно. Поэтому объяснение происхождения является историческим построением, реконструкцией действительности. Создание таких построений должно быть основано на максимальном использовании синхронных изучаемому акту источников других разновидностей, хотя даже и при этом условии реконструкция не гарантирована от известного упрощения всего комплекса причин и поводов, приведших к созданию акта.

После знакомства с особенностями внешней и внутренней формы привлекаемых источников исследователь, изучающий происхождение, должен сравнить внешнее содержание изучаемого акта с содержанием соотносящихся источников по линиям историко-юридического, историко-географического, историко-политического, историко-экономического анализа. На данном этапе развития исторической науки и сам переход от анализа внутренней формы к анализу содержания, и пути историко-юридического и других форм сравнительного анализа содержания источников еще не имеют разработанной и общепринятой методики. Историко-юридический анализ сводится к сопоставлению акта с источниками тех разновидностей, которые в ином свете и разрезе представляют нормы права, зафиксированные в акте (законы, указы и т. п.). Сравнение данных источников разного происхождения помогает уяснению существа юридической нормы. При историко-географическом анализе производится идентификация фигурирующих в акте объектов с известными географическими пунктами, когда это возможно, и устанавливается их место на карте. Цель историко-политического анализа — восстановить основные черты и движущие силы политической борьбы в том центре, где был выдан акт, и в том районе, где находился объект действия юридических норм акта, определить роль контрагентов в этой борьбе. Для осуществления историко-политического исследования широко используются источники неактового характера, раскрывающие перипетии политической борьбы, семейные и служебные связи ее участников и т. д. (летописи, разряды, родословцы и др.). Историко-экономический ана-

лиз предполагает сравнение данных актов с данными источников, характеризующих экономическую конъюнктуру в районе действия норм акта (писцовые, приходо-расходные книги, памятники «материальной культуры» и т. п.).

Таким образом, анализ выходит далеко за сферу текста самого акта и генетически связанных с ним актов той же разновидности. Осмысление всего комплекса показаний и умолчаний акта или группы актов, проверенных по другим источникам, составляет содержание источниковедческого синтеза, устанавливающего конкретные причины и поводы возникновения изучаемого источника. Это равнозначно созданию гипотезы об акте как «факте истории».

Проблема функции источника представляет собой особый вопрос, не вполне тождественный проблеме происхождения. С одной стороны, источник возникает с уже определенной функцией, и в этом плане изучение функции входит в изучение происхождения. Но с другой стороны, функция источника на практике оказывается шире или уже той, которая предназначается ему составителем. Эта вторая сторона дела еще мало исследована. Так, чешский дипломатист И. Шебанек, подчеркнувший особую важность изучения функции актов, имел в виду прежде всего функцию, заданную источнику при его создании. Автор пришел к выводу, что: 1) функция акта определяется отношением к его созданию представителей различных социальных слоев, ибо это отношение обуславливает содержание и форму источника; 2) изучение социальной природы акта облегчает решение вопроса о месте и обстоятельствах его возникновения — в тех случаях, когда этого не позволяет сделать метод Зиккеля; 3) знание социальной функции актов дает возможность решить один из главных вопросов дипломатики — вопрос о том, с какими документальными традициями следует считаться в различных областях дипломатики, т. е. насколько социально обусловленной является устойчивость юридических формуляров; при этом сама правовая основа формуляра рассматривается в социологическом аспекте.

Обобщение добытых фактов о происхождении и функции актов входит в задачу исторического синтеза, воссоздающего методами исторической науки историю актов определенной разновидности как социально-экономического или социально-политического явления.

5. Изучение внешнего и внутреннего содержания актов. Проблема исторического факта и его отражения в актовых источниках

Внешнее содержание источника состоит из выражения различных идей с помощью определенных понятий. Внутреннее содержание источника — это те процессы исторического развития, которые отражаются в идеях и понятиях, запечатленных во внешнем содержании источника. Изучение как внешнего, так и внутреннего содержания акта связано с установлением целого ряда исторических фактов, познаваемых через данный источник.

Теоретическая литература о факте велика, и разбор ее не входит в задачи настоящей работы, поскольку в нашей историографии имеется анализ основных концепций факта⁹⁰. В своих предшествующих работах автор пытался дать дефиницию факта. Под ним подразумевалось определенное, ограниченное во времени единство и противоположность причин и следствия. Касаясь проблемы причин и следствия, Ф. Энгельс писал: «...причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»⁹¹.

Вытекает ли отсюда, что факт, понятый в качестве определенного единства и противоположности причин и следствия, представляет собой лишь условную логическую категорию, а в действительности он неуловим? Распространена тенденция применять термин «факт» для обозначения некоторой модели, научной реконструкции утраченной реальности, при этом сама реальность противопоставляется «факту» как «событие», «действительность», «референт» и т. п.⁹² Этимология и

⁹⁰ См.: Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 59—88; Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР. 1976. № 6. С. 51—71.

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 22.

⁹² О противоречиях в толковании термина «факт» в советской философской литературе см.: Мерзон Л. С. О некоторых спорных вопросах в освещении проблемы факта науки // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1971. № 2.

употребление слова «факт»⁹³ противоречат столь искусственному ограничению его значения.

В. С. Библер отмечал непродуктивность перевода «факта» в разряд чисто гносеологических категорий: «Можно, конечно, сказать, что факт — это знание о событии, теоретический образ события, а вот историческое событие это уже фрагмент самой действительности... Дескать, в обыденном сознании факт — это само событие, а в историческом анализе факт — это сложнейшая реконструкция (образ) события. Предположим, что это так. Но ведь проблема-то от этого ничуть не изменится. Проблема факта, как она возникла исторически и как она существует гносеологически — для исторической науки, — это проблема реальности в противоположность кажимости, это вопрос... о возможности... знать факты (знать то, что знанием не является...), но не вопрос о возможности знать ... знание»⁹⁴.

Не беремся судить, насколько оправдано в других науках ограничение понятия «факт» описанием факта, однако в исторической науке подобный подход выглядит как механическое заимствование. К историческому «факту» (описание факта) предъявляется требование быть адекватным и достоверным отображением своего «референта» (части действительности). Вместе с тем может существовать энное количество описаний ($a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$) одного реального факта X. Спрашивается, какое из описаний достоверно и адекватно, т. е. какое из них является «фактом»? Среднего А, вполне адекватного X, не существует.

Под «историческим фактом» мы подразумеваем факт прежде всего социальной жизни. Именно законы развития общества обуславливают основную структуру такого факта. Но в историческом факте помимо его социальной, определяющей стороны есть и такие стороны

С. 88—96. О факте как «элементе знания» см.: Красавин В. П. От факта к историческому описанию. (О некоторых проблемах методологии исторического исследования) // Там же. С. 97—105. Указание предшествующей литературы, посвященной собственно «историческому факту», см.: Иванов Г. М. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке // Вопросы истории. 1969. № 2. С. 73. Прим. 1.

⁹³ См.: Вайнштейн О. Л. Марксизм-ленинизм об историческом факте // В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 10—11.

⁹⁴ Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, М., 1969, С. 90—91.

и моменты, которые выходят за рамки предмета собственно исторической науки (физические, биологические, географические и другие аспекты). Поэтому мы не ставим знак равенства между «историческим фактом» и объектом исторической науки. «Факт науки» — это известная абстракция, схема, куда не укладывается факт в его полном, жизненном объеме, факт как фрагмент действительности.

Допуская возможность, а иногда и полезность суженного понимания «факта», надо видеть и его слабости, к числу которых относятся неясности в определении объема понятия «факт» (описания факта), нерешенность вопроса о том, входит или не входит в «факт» объяснение его «референта», и т. п. Кроме того, признание «факта» только гносеологической категорией поддерживает иллюзию, будто из источников мы черпаем «факты», ибо автор источника подчас дает внешне «достоверное» и «адекватное» описание факта. Остается допустить «достоверность» и «адекватность» описания действительности историком, чтобы перестать заново изучать ранее кем-то исследованные источники и заниматься лишь группировкой и толкованием добытых «фактов». Это означало бы конец источниковедения, дипломатики и истории как науки. Итак, мы склонны видеть в «факте» часть действительности. Надо, конечно, искать способы выделения этой части из общего потока, но в то же время необходимо сознавать, что такое выделение вследствие несовершенства человеческих знаний и невозможности воссоздать историческую реальность или какую-то ее часть во всей полноте и точности ведет не к установлению факта в настоящем его объеме, а к построению определенного понимания факта, которое лишь более или менее, до известной степени адекватно действительно происшедшему факту.

Причина и следствие не только составляют границы реконструкции факта, но и характеризуют сам факт как часть реальности. Кроме причины и следствия существует основное содержание факта. Под причиной подразумевается непосредственный толчок или исходная точка данного, единственного и неповторимого в своем своеобразии факта. Это не комплекс отдаленных причин, определяющих факт «в конечном счете». До них нужно добираться через ряды предшествующих и соседних фактов. Надо отыскать причину, находящуюся в неразрывном единстве со следствием. При установлении следствия нельзя подменять ближайшее следствие

отдаленными, «растекшимися» следствиями, которые, по существу, являются результатом действия других, новых причин. Встав на путь указания многочисленных хронологически далеких или рикошетных последствий причины, мы потеряем факт как конкретную реальность.

Причина и следствие объединяются в диалектическое единство и противоположность содержанием факта. Содержание заключается в процессе разного рода количественных изменений, вызванных общим толчком, но развивающихся подчас по многим линиям. Сведение этого процесса к общему результату, качественный скачок составляет ближайшее следствие, итог или конечную точку развития данного факта.

Надо дать себе ясный отчет в невозможности чисто механического выделения отдельного факта из потока реальности. Даже отказавшись от включения причины и следствия в состав факта, мы все равно не сумеем отыскать такой «момент» факта, который принадлежал бы только этому факту и исключительно ему. Вместе с тем бесконечная смена причин и следствий составляет особенность реального мира. Это не плод привнесения логики исследователя в хаос действительности, восстающей против раскладывания ее «по полочкам». Однако умение разглядеть в действительности истинный толчок, импульс факта является, конечно, свойством сознания. Для определения причины нужно иметь представление и о следствии, т. е. перед умственным взором исследователя должен совершиться тот переход количества в качество, который и отличает один факт от другого.

В разных сферах действительности существует неисчислимо количество подобных переходов или фактов. Выделить факт — значит прежде всего установить сферу его происхождения. По сферам происхождения факты в самом общем виде делятся на относящиеся к области развития небесных тел и космоса в целом, неорганического мира, растений, животных и человека.

Акты функционирования неодушевленной материи, включая растения и низшие животные организмы, мы предлагаем называть фактами-явлениями; акты самопроизвольного функционирования организма высших животных, в том числе и человека, — фактами-состояниями; акты поведения, продиктованные работой центральной нервной системы высших животных и челове-

ка,— фактами-действиями; акты работы человеческого сознания — фактами-идеями.

Не решаясь углубляться в детальную классификацию фактов, составляющих объект ведения естественных и точных наук, сосредоточим внимание на фактах-идеях и фактах-действиях.

Идея как факт предполагает наличие причины и следствия. Переход количества в качество сводится к возникновению новой мысли. Последняя — результат процесса мышления, причины и ход которого можно представить себе по известной схеме: от живого созерцания (чувственного познания) к абстрактному мышлению. Непосредственной причиной факта-идеи является сигнал, идущий из внешней среды, из самого организма или от ближайшей предшествующей идеи и вступающий в тесное взаимодействие с накопленным багажом знаний. Мы здесь имеем в виду оформившуюся мысль, но не обязательно высказанную или записанную. Понятно, что невысказанные идеи остаются «фактами в себе». Однако теоретически важно признать реальность фактов-идей, существующих в чистом виде в человеческом мозгу и не реализованных в словах. Надо подчеркнуть при этом, что идея в конечном счете всегда обусловлена материальными предпосылками и на практике не существует чистого самовоспроизводства идей.

Факты-действия весьма многообразны. Действия, источником которых служит идея, называются поступками. Рождение идеи, как было показано выше, — самостоятельный факт. Его причина — сигнал, содержащий переработку сигнала в процессе абстрактного мышления, следствие — мысль, идея. Чтобы идея стала источником поступка, она должна заключать в себе программу действия.

С понятием «идея» необходимо сопоставить понятие «цель». Нам думается, что поступок субъекта имеет внутреннюю и внешнюю цели. Внутренняя цель — удовлетворение физической, материальной или духовной потребности или преодоление гнетущей необходимости. Назовем внутреннюю цель первой разновидностью положительной внутренней целью, внутреннюю цель второй разновидности — отрицательной внутренней целью. Внешняя цель — выполнение конкретной задачи.

Внутренняя цель обуславливается сигналом, однако потребность, не приведшая ни к какой идее, едва ли может считаться целью сама по себе. Внутренняя цель — осознание потребности как необходимости дей-

ствия. Это первая стадия формирования идеи поступка. Возникновение программы действия — внешней цели — вторая стадия. Очень часто внутренняя цель остается нереализованной, она отвергается на стадии выработки внешней цели, признается нереальной, неосуществимой и т. п.

Потребность, ясно почувствованная, но не осознанная, не создает внутренней и внешней целей в строгом смысле слова, хотя и порождает действия, которые подчас кажутся вполне целенаправленными. Устремленные действия, проистекающие из инстинкта, не опосредствованного абстрактным мышлением, мы называем фактами-стремлениями.

Понятие «внешняя цель» не тождественно понятию «средство». Для подчиненного лица внешняя цель функциональна, она вытекает из его обязанностей, внутренняя же цель автономна лишь в случае, если приказу исполнению предшествует договор по данному конкретному вопросу между приказывающим и подчиненным, т. е. если приказывающий и исполнитель становятся контрагентами сделки. Напротив, извне навязанная внешняя цель сама вызывает внутреннюю цель — осознанную потребность преодоления гнетущей необходимости, и эта внутренняя цель реализуется при выполнении уже поставленной внешней цели. Генетически внешняя цель подчиненного не является «средством» осуществления его внутренней цели. Следовательно, принятие внешней целью роли «средства» достижения возникшей до нее внутренней цели есть лишь частный случай взаимоотношения между внутренней и внешней целями.

Ближайшая причина поступка — не факт-идея в целом и даже не внешняя цель как таковая, а результат сверки внешней цели с практикой — обретение сознания возможности и необходимости достижения внешней цели. Содержание факта-поступка — действие; следствие — некоторое изменение окружающего мира, иногда сохраняющееся в виде следа или материального остатка деятельности.

Действие-поступок обычно состоит из серии мелких механических действий, которые, как правило, не имеют самостоятельной цели. Каждое из них можно выделить в отдельный факт, указав его причину (служебная цель) и следствие (переход из одного положения в другое). Эти частные скачки, качественные только по отношению друг к другу (но не по отношению к боль-

шому действию в целом), заслуживают названия фактов-стереотипов.

Рефлекторные действия-движения, не подчиненные цели большого факта, но возникающие, в частности, и в процессе его осуществления, вообще не определяются какой-либо целью, хотя и вызваны известной причиной. Такие действия мы предлагаем называть фактами-моментами.

Факты-поступки, факты-стремления, факты-стереотипы и факты-моменты являются видами фактов-действий. Сочетание поступков разных лиц создает более сложные виды, вернее, надвиды действий.

Дефиниции совокупных действий нескольких лиц зависят от характера взаимодействия последних. Если действие совершается субъектами, из которых один — носитель идеи данного действия, а другой или другие — только исполнители, совокупное действие получает название факта-маневра. Этим термином передается одновременно и наличие единой воли, и множественность участников действия. В факте-маневре всегда выделяются главный факт-поступок — действие носителя идеи факта, и подчиненный — действие исполнителя. Среди подчиненных поступков мы предлагаем различать факт-исполнение и сопричастный факт.

Факт-исполнение имеет место тогда, когда на долю субъекта исполнения ложится производство действия непосредственно по команде субъекта главного факта. Если же чужая воля обуславливает факт-поступок в общей форме и субъект подчиненного факта производит действия, выполняя чужую волю не непосредственно, а через свою перепостановку задания, перед нами сопричастный факт.

И факт-исполнение, и сопричастный факт являются хотя и подчиненными, но поступками, ибо это осмысленные по своему содержанию и направленности действия, связанные с постановкой целей, лишь частично совпадающих с целью субъекта главного факта.

Взаимодействие контрагентов, т. е. лиц, отличающихся автономией воли и, следовательно, способных принимать альтернативные по отношению к существу (содержанию) факта решения, называется фактом-событием. Факт-событие состоит из ряда самостоятельных фактов-поступков.

Контрагенты события руководствуются разными внутренними целями. Что касается общей внешней цели,

то она либо возникает, либо не возникает; в первом случае договор заключается, во втором — нет.

Мы будем различать факты-события трех разновидностей: 1) взаимодействие, не приводящее к выработке общей внешней цели; 2) взаимодействие, приводящее к выработке общей внешней цели; 3) взаимодействие по осуществлению общей внешней цели.

Само присутствие в группе событий подгруппы взаимодействий, не приводящих к выработке общей внешней цели, показывает, что общая внешняя цель не является ближайшей причиной события. Тем более не может быть ближайшей причиной внутренняя цель каждого контрагента действия, ибо внутренние цели противоречивы и не соединяются в общую причину события. Все это требует вывести ближайшую причину события за рамки субъекта и видеть ее в определенной необходимости и возможности, складывающейся в значительной мере независимо от потребности или роли участников события.

Разные объективные факторы приводят контрагентов к взаимодействию. Разорение побуждает дворянина продать землю, наличие денег и выгодность владения землей побуждают купца ее приобрести. У каждого есть внутренняя и внешняя цели, но событие вызывается не отдельно взятыми потребностями и замыслами контрагентов, а расстановкой сил, объективной (вне субъекта лежащей) необходимостью.

Схема развития события: причина — объективная необходимость и возможность, содержание — создание частных внешних целей и действия контрагентов, результат — создание или несоздание общей внешней цели. Эта схема применима не только к первым двум разновидностям фактов-событий, но и к третьей — взаимодействию по осуществлению общей внешней цели. Причина такого взаимодействия: объективная необходимость и возможность — относительное соответствие уже выработанной (старой) общей внешней цели несколько изменившимся внешним целям отдельных контрагентов, содержание — создание новых частных внешних целей и действия контрагентов, результат — создание или несоздание новой общей внешней цели. Независимо от того, выработана или не выработана общая внешняя цель, результат события в основе своей тот же, что и результат поступка: некоторое изменение окружающего мира в области материальной или духовной.

Взаимодействие больших групп людей, связанных различными формами отношений прямо или косвенно, носит название факта-процесса. Факт-процесс отличается от факта-события тем, что в процессе может принимать участие неограниченное количество групп контрагентов, не всегда объединенных общей «игрой». Если участники факта-события обязательно контрагенты, сознательно борющиеся или сотрудничающие между собой, то участник факта-процесса — контрагент одного или нескольких, но отнюдь не всех бесчисленных участников процесса.

Непосредственная причина факта-процесса отодвинута еще дальше от целей его участников, чем причина факта-события. В самом деле, местная возможность обуславливает начало факта-события, т. е. взаимодействия группы контрагентов, но только всеобщая (скажем, национальная, региональная или глобальная) возможность дает импульс для параллельного включения в факт-процесс различных, прямо не связанных между собой групп контрагентов. Следовательно, причина в факт-процессе начинает свой путь от общей материальной предпосылки первого порядка к многочисленным, пространственно рассредоточенным предпосылкам второго порядка и лишь от них — через потребности субъекта — к фактам-идеям, из которых возникают внешние цели поступка.

Это рассуждение позволяет взглянуть и на факт-поступок с новой точки зрения. Не отказываясь от мысли, что ближайшей причиной факта-поступка является корректировка внешней цели, мы в то же время позволяем себе убедиться в материальных предпосылках этой цели и ее корректировки, ибо каждый субъект оказывается в конечном счете вольным или невольным участником определенного факта-процесса.

До сих пор автор придерживался классификации фактов по типам (сферам происхождения), а внутри типов — по видам. Ограничившись по преимуществу задачей видовой классификации действий социального типа, мы выделили виды и надвиды фактов по принципу их формально-юридического происхождения: односторонние (факты-поступки), многосторонние сложноподчиненные (факты-маневры), многосторонние сложносочиненные (факты-события), многосторонние сложнораздробленные (факты-процессы)⁹⁵.

⁹⁵ Иные способы классификации фактов см.: Барг М. А. Указ. соч., С. 56—57, 71.

Всякое выделение факта есть упрощение его состава. Поэтому, чтобы не терять представления о бесконечной сложности факта, необходимо показать неоднородность факта любого вида и всеобщую взаимосвязь фактов разных типов. Будем условно считать какой-то факт для нас главным. Таковым он оказывается лишь потому, что является объектом нашего изучения.

Признаем кроме главного факта наличие фактов включенных, сопровождающих и вклинивающихся. Включенный факт входит в состав главного как элемент его совершения. Сопровождающие факты синхронны главному. Они образуют тот пространственно ограниченный фон фактов, на котором совершается главный факт. Наконец, вклинивающийся факт вторгается в процесс совершения главного факта и существенно влияет на результат, создавая дополнительные причины, а иногда и прекращая развитие главного факта.

Определение одного факта как главного, а других — как включенных, сопровождающих и вклинивающихся диктуется часто темой исследования. Даже в рамках одной науки факты одного типа оказываются в зависимости от предмета исследования либо главными, либо сопровождающими, либо вклинивающимися. Тем не менее каждая наука, отвлекаясь от тематики конкретных исследований, способна предложить определенную иерархию фактов, обусловленную структурой реального мира и степенью его познания. Так, на иерархическом принципе основан наш ряд: факты-поступки, факты-маневры, факты-события, факты-процессы. Правда, построение системы фактов одного типа означает гораздо большее абстрагирование от действительности, чем рассмотрение в совокупности фактов разных типов — социальных, биологических, метеорологических и т. д.

Мы попытались дать классификацию фактов, считая их элементами действительности, а не продуктом сознания исследователя. Одновременно было показано, что выделение факта ведет к упрощенному представлению о действительности. Выделяемый нами факт (или группа фактов) становится основным, главным, иначе говоря, предметом исследования, факты же включенные, сопровождающие, иногда и вклинивающиеся отбрасываются, не изучаются — либо потому, что они принадлежат к сфере ведения других наук, либо потому, что кажутся не относящимися к теме данной конкретной работы. Однако специфика и неповторимость каждого факта не ограничиваются особенностями его причины и

следствия. Специфика состоит также в пронизанности содержания факта включенными, сопровождающими и вклинивающимися фактами разных типов и видов в сочетании, свойственном только данному факту, при этом исторический факт в главных своих проявлениях определяется структурой социальной жизни и человек как участник факта выступает не в виде социально абстрактного лица, а прежде всего в качестве носителя общественных функций.

В различных категориях фактов включенными, сопровождающими и вклинивающимися оказываются факты разного масштаба и разного значения. Если в простейшем факте-поступке включенными будут по преимуществу действия-стереотипы, то простейший факт-событие складывается уже из нескольких самостоятельных фактов-поступков, по крайней мере двух лиц, а факт-процесс — из ряда фактов-событий.

Весьма разнообразны трудно поддающиеся полному учету сопровождающие факты. В факте-поступке это факты-идеи, факты-состояния, факты-явления, иногда факты-стремления или параллельно совершающиеся факты-поступки других лиц и т. п. Все указанные категории фактов при повышении интенсивности их воздействия на субъекта главного факта могут приобретать значение вклинивающихся в изучаемый нами факт-поступок. Угроза исполнению факта-поступка исходит не только из внешней среды, но и со стороны самого субъекта действия, который не гарантирован от появления в его сознании вклинивающихся фактов-идей, ведущих к вклинивающимся фактам-поступкам. Кроме того, он не способен полностью избежать вклинивания в работу фактов-стереотипов тормозящих ее моментов и состояний.

В факте-событии роль сопровождающих и вклинивающихся фактов играют прежде всего соседние факты-события, относящиеся к деятельности других групп контрагентов, в факте-процессе — одновременно совершающиеся процессы в иных сферах жизни общества и эволюция или катаклизмы в природе (факты-явления).

Таким образом, не приходится говорить о чистом саморазвитии факта от причины к следствию. Сложная структура реального факта, пронизанность его включенными, сопровождающими и вклинивающимися фактами порождает противоречие между причиной и следствием факта. Факт — это не только единство, но и противоположность причины и следствия.

Почему в дефиницию факта мы включаем некоторый хронологический признак, считая факт ограниченным во времени единством и противоположностью причины и следствия? Подобное ограничение вызвано стремлением отделить непосредственное следствие данной причины от многочисленных последующих ее отголосков. Причины и следствия, непрерывно меняясь местами, образуют хронологическую цепь, из которой нельзя изъять ни одно звено, а значит, и нельзя перескочить ни через одно звено.

Подойдем с этих позиций к двум традиционным проблемам изучения письменного источника: 1) источник как «остаток» факта; 2) источник как «предание» о различных фактах.

Сохранившийся источник — остаток факта его создания; полный факт, который стоит за ним, — создание источника, имевшее свои причины, ход и результат. Последний дошел до нас в материальной форме — в виде текста на определенном материале. Факт создания источника нельзя понять вне системы фактов, из которых одни предшествуют факту создания источника, другие следуют за ним. Создание источника само по себе связано с внутренними и внешними целями. Но эти цели поставлены в рамки более общих внутренних и внешних целей.

Внутренняя цель субъекта при создании источника может быть, как и в других случаях действия, положительной — удовлетворение потребности (здесь только духовной — самовыражения), или отрицательной — преодоление гнетущей необходимости. Внешняя цель — создать источник определенной разновидности.

Внешняя цель, находящаяся за рамками собственно задачи создания источника, — добиться известного воздействия на те или иные стороны жизни, взгляды и поведение людей. Внутренняя цель, обуславливающая эту внешнюю цель, состоит в удовлетворении потребности субъекта внешнего целеполагания.

Иногда картина соотношения целей кажется парадоксальной: внутренняя цель широкого порядка положительная — удовлетворение потребности, внешняя цель широкого порядка — воздействие; внутренняя цель при создании источника отрицательная — преодоление гнетущей необходимости, внешняя цель узкого порядка — создание источника данной разновидности.

Универсальной всегда оказывается узкая внешняя цель, но она определяется внешней целью широкого

масштаба, ибо выбор разновидности — это выбор способ воздействия. Начало факта создания источника — сверка узкой внешней цели с реальной обстановкой, осознание не только необходимости, но и возможности создания источника данной разновидности в данный момент. Этому факту предшествует факт-идея — выработка узкой внешней цели. Появление факта-идеи представляется, согласно приводившейся схеме, в следующем виде: 1) сигнал, 2) процесс мышления, 3) идея.

Важно установить непосредственные источники сигнала. Ими могут быть положительная узкая внутренняя цель субъекта (самовыражение) и широкая внешняя цель. Широкая внутренняя цель никогда не является непосредственным сигналом для возникновения узкой внешней цели создания источника, хотя она и стоит за широкой внешней целью. Поскольку ни узкая, ни широкая внутренние цели не служат всеобщим сигналом, создание источника определенного вида, подвиды, разновидности и подразновидности зависит от возможности реализации узкой внешней цели в рамках широкой внешней цели. По степени свободы выбора узкой внешней цели различаются три основных вида фактов создания источника: самостоятельный факт-поступок, факт-событие и факт-маневр.

Самостоятельный факт-поступок предполагает относительно полную свободу выбора (автор не связан заказом, заданием, исполнением должностных обязанностей или установленной процедурой). Широкая внутренняя цель, присутствующая внутренней цели создания источника, присутствует здесь не всегда. Идеальный творец, например, исходит из жажды самовыражения (внутренняя цель создания источника), а не из жажды славы, богатства и т. п., хотя эта широкая цель субъекта действия может находиться где-то рядом. Создатель письма, напротив, имеет обычно внутреннюю цель, не тождественную внутренней цели создания источника. Последняя у него нередко и отрицательная (преодоление гнетущей необходимости). Постановка широкой внешней цели тем индивидуальнее, чем яснее выражены положительная широкая внутренняя цель и отрицательная узкая внутренняя цель. Если у автора письма такая разница зарядов внутренних целей довольно велика, то внешняя цель — воздействие — равна или почти равна его личной индивидуальной цели. Если у творца широкая внутренняя цель слабо выражена, а узкая положительна, то цель воздействия — не столько его собствен-

ная, сколько тех социальных и политических кругов, которые он более или менее стихийно представляет.

В факте-событии свобода контрагентов в выборе узкой внешней цели взаимно и процедурно ограничена, однако общая узкая цель в основном соответствует индивидуальным широким внешним целям участников сделки. Заключение договора — третья (согласно нашей классификации) разновидность факта-события. Действие в нем развивается после того, как уже выработана общая узкая внешняя цель, и в событие входит проверка соответствия этой цели несколько изменившимся широким внешним целям отдельных контрагентов.

В факте-маневре свобода выбора узкой внешней цели субъектом подчиненного факта меньше, чем в самостоятельном факте-поступке и факте-событии. Но когда цель субъекту задана, она становится в той или иной мере и его узкой внешней целью. При этом широкая внешняя цель создания источника может целиком принадлежать субъекту главного факта. Так обычно бывает в факте-маневре с включенным фактом-исполнением (диктант, копирование). Узкая внешняя цель поставлена тут не самим писцом, переписчиком, учеником, а субъектом главного поступка — заказчиком, начальником, преподавателем.

Субъект исполнения лишен свободы выбора узкой внешней цели. Вот почему широкая внешняя цель создания источника — воздействие — принадлежит не ему. Широкая внешняя цель действия субъекта подчиненного факта оказывается мало связанной с целью создания источника. Если последняя — воздействие, то первая многовариантна — выполнение служебного, учебного долга, заработок и т. п. За этой широкой внешней целью скрывается широкая внутренняя цель, тоже, как правило, не соотносящаяся прямо с целью создания источника и обычно положительная. Узкая внутренняя цель редко диктуется здесь потребностью самовыражения. Чаще она отрицательная — сводится к преодолению гнетущей необходимости, созданной извне поставленной узкой внешней целью.

Таким образом, субъект исполнения не разделяет внутреннюю и внешнюю широкие цели создания источника. Вместо них у него другие широкие цели. Поэтому цель воздействия ни в коей мере не выступает как его индивидуальная цель. Цель воздействия принадлежит либо субъекту главного факта, либо вдохновляющей его социальной среде или институту власти. Субъект

сопричастного факта больше учитывает широкую внешнюю цель (воздействие), поставленную или предусмотренную субъектом главного факта, но он, как и субъект исполнения, имеет свои особые широкие внешнюю и внутреннюю цели. Отрицательность или положительность узкой внутренней цели зависит от степени творческого характера задачи, стоящей перед субъектом узкой внешней цели (сопричастного факта), и от его predispositions и способности к творчеству (одна задача у поэта, которому заказана ода, другая — у канцеляриста, выдающего справки).

Действия субъекта подчиненного факта даже в факте-исполнении укладываются в рамки общей схемы поступка, т. е. исходная точка действия — сверка узкой внешней цели с практикой (хотя бы чисто техническая — уяснение степени готовности письменных принадлежностей, условий для письма и др.).

В факте-маневре субъектом главного факта оказывается нередко государство в целом, а субъектами подчиненных фактов — иерархия учреждений и лиц, осуществляющих сопричастные факты и факты-исполнения. Эта централизованно-раздробленная система воздействия, внешне представленная многими лицами, а по существу, казалось бы, безликая, связана с выполнением основных функций государства. Широкая внешняя цель делегируется правительством конкретным органам власти и управления, становящимся сопричастными широкой внешней цели, заданной в общей форме, и имеющим право на ее конкретную перепостановку. При этом направление воздействия зависит от того, каким классам и слоям общества служит государство, на кого оно опирается.

Факт-поступок (имеем в виду самостоятельный, а не подчиненный) и факт-событие не всегда существуют в чистом виде. Индивидуальный факт-поступок часто превращается в факт-маневр с включенным фактом-исполнением (привлечением писца, переписчика). Факт-событие — создание договорного документа — сочетается в ряде случаев с предшествующими фактами-поступками (создание проектов отдельными сторонами). Если проекты составляют подчиненные лица контрагентов, получается серия фактов-маневров с включенными сопричастными фактами, внутри которых могут быть факты-исполнения. Если акт составляет вместо контрагентов по их заказу писец или нотариус, то это факт-событие с включенным сопричастным фактом, внутри

которого тоже может быть факт-исполнение (работа подъячего или переписчика).

Субъект широкой внешней цели должен знать, на кого, зачем и как воздействовать. Субъект узкой внешней цели должен уметь воплотить способ воздействия в письменную форму.

Объекты воздействия классифицируются по юридическому принципу: 1) конкретное (известное субъекту) частное лицо; 2) абстрактное (неизвестное субъекту) частное лицо; 3) публика; 4) инстанция внутри структуры; 5) инстанция вне структуры. Понятие «частное лицо» условно для некоторых эпох (например, для первобытнообщинного строя, феодализма), но все же имеет право на существование. Понятие «публика» растяжимо (от «мировой общественности» до населения маленького городка и т. п.), и в этом состоит его специфика, предполагающая наличие людских контактов, преодолевающих сословные, ведомственные и даже национальные и территориальные барьеры. «Структура» — это система, управляющаяся из одного центра. Такой системой может быть совокупность государственных учреждений и предприятий или частная фирма со своей иерархией контор и служащих, вотчинное хозяйство и др. В ряде случаев объектом воздействия является сам субъект воздействия — источники создаются для самоориентировки (например, записные книжки), самопрограммирования (например, личные планы, графики) и т. п. Контрагенты сделки создают договор прежде всего для воздействия друг на друга, но одновременно каждый контрагент вольно или невольно программирует воздействие на самого себя.

Уяснение того, зачем воздействовать, есть раскрытие самого существа широкой внешней цели. Конкретных целей много, но все их разнообразие сводится к попытке повлиять на формирование: 1) фактов-идей; 2) отдельных фактов-поступков; 3) линии поведения в целом. Было бы неправильно думать, что с помощью письменного источника можно повлиять непосредственно на событие или процесс. Источник воспринимается психикой индивидуума, и, только пройдя через нее, идеи источника сказываются на поступках, из которых складываются события и процессы.

Как воздействовать — последний общий вопрос, возникающий перед субъектом широкой внешней цели. Решение его означает выбор способа воздействия. Это решение определяется соотношением юридических ста-

тусов субъекта и объекта воздействия и конкретной целью, поставленной субъектом.

Выбор способа воздействия завершает эволюцию факта-идеи создания источника, ибо здесь оформляется уже узкая внешняя цель действия. Сверкой узкой внешней цели с практикой открывается сам факт создания источника. В источнике, как уже говорилось, мы различаем внешнюю и внутреннюю форму, внешнее и внутреннее содержание. Внешняя форма — материальная сторона источника (из чего он сделан, чем и каким способом написан, напечатан и т. п.); внутренняя форма — построение текста, структура, формуляр; внешнее содержание — выражение определенных идей в тексте; внутреннее содержание — реальная действительность, стоящая за этим выражением идей. Помимо внутренней формы надо выделить еще язык источника.

Идеи, выраженные в тексте, мы будем называть частными идеями, чтобы отличить их от общих идей, представленных широкой и узкой внешними целями создания источника. Выражения частных идей суть действия, совокупность которых составляет содержание факта создания источника. Выражение каждой частной идеи имеет свои цели, но они подчинены общим целям создания источника. Выражение частной идеи (факт-действие) обусловлено идеей выражения (действия), которая не тождественна самой выражаемой идее.

Частная идея (не выражение идеи) входит в состав внутреннего содержания. Комплекс частных идей образует верхний слой внутреннего содержания, более других приближающийся к внешнему содержанию. За ним находится слой фактов, влиявших на формирование этих идей. Здесь мы застаем факты разных типов и видов — от идеи до явлений. Во внешнем содержании они получают двоякое описание.

С одной стороны, упоминаются элементы факта, выраженные отдельными понятиями. Обозначением только элемента характеризуется существование не факта, а объекта или его свойства, которые могут вступать во взаимодействие с другими элементами в составе фактов разных типов, причем как совершившихся, так и несовершившихся. Мы бы назвали эти факты неопределенными в рамках данного выражения. Допустим, в тексте жалованной грамоты говорится: «... не надобе им ни мыт, ни тамга». Мыт и тамга предстают тут как элементы неопределенных фактов, поскольку нет описания совершившегося или совершаю-

щегося факта, к которому бы они принадлежали. Предусматривается их невнимание в процессе совершения каких-то еще несостоявшихся фактов. Это, конечно, не мешает нам предать себе, скажем, тамгу элементом фактов ее установления в качестве пошлины князем N_1 , N_2 , N_3 и т. д., элементом фактов сбора пошлин таможенником n_1 , n_2 , n_3 и т. д., элементом фактов уплаты пошлины с товара или с цены товара разными лицами.

С другой стороны, в тексте дается описание совершившихся и совершающихся, иначе говоря, определенных фактов⁹⁶.

И упоминание элементов неопределенных фактов, и описание определенных фактов содержатся в выражении идеи. Когда выражение идеи лишено описания определенных фактов, в тексте фигурирует как бы «чистая» идея. Когда идея выражается с помощью описания определенных фактов, она опосредствуется этим описанием. Будем условно называть первую разновидность выражения идеи «чистым» выражением идеи, вторую — «опосредствованным».

Внутри описаний определенных фактов встречаются мысли, переданные в виде «чистого» выражения идеи. Например, в тексте судного списка читаем: «И обои старожилцы... тако ркли: «Поедите, господине судьи, за нами, и мы вам прямую между укажем...». Здесь прямая речь крестьян-старожильцев представляет собой «чистое» выражение идеи, однако оно включено в описание определенного факта, а именно того факта, что крестьяне сделали заявление — «ркли». Включенное «чистое» выражение идеи нельзя отождествлять с «чистым» выражением идеи, сделанным от лица автора источника. Авторское «чистое» выражение идеи выполняет прямую задачу воздействия, имея значение призыва, указания, требования, предложения. Роль включенного «чистого» выражения идеи гораздо скромнее: это одно из средств характеристики определенного факта внутри его описания.

Независимо от того, является ли выражение идеи

⁹⁶ В документоведении принято делить информацию на ретроспективную (относящуюся к прошлому), оперативную (текущую) и перспективную (относящуюся к будущему) (подробнее см.: *Илющенко М. П., Кузнецова Т. В., Лившиц Я. Э.* Документоведение. М., 1977. С. 15). Однако «текущее» всегда может какой-то своей частью относиться к прошлому, а какой-то — к будущему.

«чистым» или «опосредствованным», оно может быть прямым, иносказательным и условным. Признак прямого выражения частной идеи — принадлежность упоминаемых в нем определенных фактов или элементов неопределенных фактов в их формально-словесном обозначении к той самой действительности, которую имеет в виду данная идея. Признак иносказательного выражения частной идеи — принадлежность определенных фактов или элементов неопределенных фактов в их формально-словесном обозначении не к той действительности, которая подразумевается в идее. Признак условного выражения частной идеи — замена словесного обозначения элементов определенных и неопределенных фактов специально формализованным обозначением (математические формулы и т. п.).

Видя в идеях верхний слой внутреннего содержания, будем считать определенные факты средним слоем его, а неопределенные — нижним или глубинным.

Взаимоотношение частных идей, т. е. верхнего слоя внутреннего содержания, и их выражения, т. е. внешнего содержания, довольно сложно. Идея возникает в процессе мышления, создание идей — свойство сознания. Источники идеи лежат в материальности действительности внутри и вне субъекта. Идея — плод абстрактного мышления — восходит к чувственному познанию мира, акты же чувственного познания — ощущения, восприятия, представления — являются «снимками», «отражениями» действительности⁹⁷. Сама идея представляет собой результат качественной трансформации отражений в горниле абстрактного мышления.

Сознание определяется бытием, и в этом смысле идеи — функция человеческого мозга, а не продукт целелеполагания. Однако в процессе мышления субъект старается придать идеям известную направленность. Внутренняя, биологическая и социальная, далеко не всегда осознанная цель субъекта при этом — самоутверждение личности; внешняя, познавательная и социальная, тоже не всегда осознанная цель — отделение главного, жизненно важного, от неглавного, второстепенного, и преобразование интуитивного отношения в рациональное, позволяющее построить программу собственного поведения и мышления.

Выражение идеи является в известном смысле потребностью и функцией человека. Однако выражение

⁹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18, С. 244—245.

идеи подвергается еще большему воздействию целелеполагания, чем формирование идеи.

Цели субъекта при выражении идеи: внутренняя цель — повлиять определенным образом на взгляды, чувства, поведение тех, для кого идея выражается; внешняя цель — передать идею так, чтобы она воспринималась как реальная истина или художественная правда. Внешняя цель выражения идеи как бы полнотью заслоняет внутреннюю цель самой идеи.

Таким образом, идея выражения идеи — это идея поступка. Выражение идеи, как и всякий поступок, начинается со сверки внешней цели с реальной обстановкой. Сверка позволяет установить возможность необходимого выражения. Она оказывает огромное воздействие на выражаемую идею, и последняя предстает перед слушателем или читателем отнюдь не в своем первоизданном виде.

Противоречие между внешней целью выражения частной идеи (восприниматься в качестве истины) и самим выражением идеи в тексте заключается в том, что выражение чаще всего не передает логическую схему авторской мысли. Вместо развернутого умозаключения (силлогизма) мы встречаем обычно суждение. В этом плане некоторым исключением из правила являются научные труды, где автор в отличие от авторов источников многих других видов вынужден давать усиленную формально-логическую аргументацию частной идеи в силу прежде всего общей идеи создания источника как произведения, доказывающего, а не просто декларирующего те или иные положения.

Форма выражения идеи бывает устной и письменной. Идея, созревающая в мозгу, отличается от звукового ее выражения большей сумбурностью, меньшей логичностью, значительным числом «помех» (побочных соображений) и в то же время большей интуитивной целостностью. Эта идея оформляется в некоторой мысленной речи. Язык — форма мышления. Произнесение слов, передающих идею, позволяет в ряде случаев отместить в ней лишние элементы, сделать ее строже, обдуманнее, целеустремленнее, однако при этом цельность идеи может быть утрачена, а сама идея выражена словесной конструкцией, не вполне адекватной мысленной речи. Передача идеи в тексте совершается либо как запись устной речи, либо как непосредственный переход от мысленной речи к записи. Во втором случае мысленная речь подвергается еще более строгой обра-

ботке, чем при звуковом выражении идеи. Выражение идеи есть процесс редактирования ее с учетом конкретных обстоятельств, при которых она является в свет, и в расчете на определенных слушателей или читателей, а когда дело касается частной идеи в источнике — еще и в соответствии с общей идеей — замыслом создания источника.

Выражение в источнике частных идей большого масштаба состоит иногда из совокупности выражений частных идей меньшего масштаба.

Все частные идеи в источнике подчинены общей идее, но степень подчинения их, вероятно, разная. Не исключено и противоречие между отдельной частной идеей и общей идеей. В пределах общего подчинения каждая частная идея обладает известной самостоятельностью, автономией, причина которой заключается в обусловленности сознания бытием. Наличие доли независимости частной идеи от общей объясняется тем, что частная идея имеет дело с какой-то особой стороной действительности, не совпадающей целиком с комплексом фактов, вызвавших возникновение и воплощение общей идеи создания источника. Выражение частной идеи, корректируя ее применительно к общей идее (широкой и узкой внешним целям), не подавляет полностью автономию выражаемой идеи.

Средний слой внутреннего содержания — определенные факты — соотносится с внешним содержанием через идеи. Сами по себе определенные факты не зависят ни от тех идей, которые вокруг них возникают, ни от выражения этих идей. Однако в источнике они предстают в свете двойного преломления их в сознании автора — в идее и в идее выражения идеи.

Определенные факты, описываемые в источнике, служат частными первопричинами частных идей, но частная идея имеет более глубокие и широкие истоки — миропонимание и мировоззрение автора. Выражение идеи в источнике отстоит еще дальше от частных первопричин идеи. Оно является следствием синтеза общей идеи, частной идеи, основанной на гносеологическом взаимодействии мировоззрения автора и частных первопричин идеи (определенных фактов), онтологически с ней не связанных или связанных косвенно, и идеи выражения частной идеи.

Описание внутри частной идеи или внутри нескольких частных идей одного определенного факта боль-

шого масштаба включает в себя подчас ряд описаний определенных фактов меньшего масштаба.

Действительные определенные факты — те, которые совершились или совершаются в жизни на самом деле. По их образу и подобию создаются «факты» мнимые. В этом случае слово «факт» употребляется уже в гносеологическом смысле, и поэтому мы ставим его в кавычки. Мнимые «факты» — это те «факты», которые представляют собой плод вымысла или домысла, но описаны как реально совершившиеся (совершающиеся). Среди действительных фактов нет достоверных и недостоверных, есть только более или менее достоверно или недостоверно описанные. Делить мнимые «факты» на достоверные и недостоверные, по-видимому, вполне резонно, когда дело касается творческой фантазии, но тут речь будет идти преимущественно о художественных критериях достоверности, которые, однако, не исключают источниковедческого подхода в двух планах, выясняющих: 1) насколько адекватно вымышленный «факт» выражает сущность реальных фактов, лежащих в основе художественного синтеза; 2) насколько соответствует показаниям источников введение автором «фактов» определенного содержания в известную историческую канву, в характеристику событий, обстановки, лиц, идей, существовавших или существующих на самом деле.

Разновидность мнимых «фактов» — «факты» ложные, выдуманные с целью обмана. Идея ложного выражения идеи — скрыть или исказить определенный факт. Таким образом, ложное утверждение можно назвать ложным «фактом» в гносеологическом смысле, но онтологически фактом оказывается тут ложное выражение идеи.

Ложное выражение идеи порождено не тем «фактом», который в нем описывается (ибо описывается фикция), а определенной идеей выражения идеи. За идеей ложного выражения стоит прежде всего какой-то факт-идея, и разгадать его — задача исследователя. Но разгадать — значит также установить совокупность фактов разных типов и видов, обусловивших возникновение этой идеи. Ложное выражение идеи сохраняет статус описания факта до тех пор, пока не выяснится его ложность.

От ложных «фактов» отличаются «факты» ошибочные. Подобно ложным, они входят в разряд мнимых «фактов», представляя собой неложное выражение оши-

бочной идеи, неверного представления, вызванного не идеей обмана, а другими причинами, например недостаточным знанием, добросовестным заблуждением и т. п.

Поскольку в источниках действительные факты описываются не вполне адекватно, выражение идеи приобретает отдельные, более или менее заметные черты изображения мнимого «факта» даже в тех случаях, когда в основе описания лежит идея добросовестной характеристики действительного определенного факта.

Поэтому описание факта, иначе говоря, выражение идеи, можно назвать фактом лишь в том смысле, что выражение идеи само по себе есть факт. За ним стоит другой факт — идея выражения идеи. Затем открывается факт-идея как таковая. Сквозь нее просвечивает тот факт, который и только который в известной части нашей теоретической литературы признается фрагментом действительности или «референтом» факта-описания («факта науки»). Вместе с тем вся вырисовывающаяся пирамида фактов принадлежит действительности, и если мы будем считать «фактом» лишь выражение идеи, ставя его как бы над действительностью, то это сместит подлинную перспективу соотношения фактов разных типов и видов.

Назвать фактом 1) выражение идеи и 2) факт, описанный в этом выражении, не есть «удвоение в номенклатуре понятий»⁹⁸, ибо, по существу, мы здесь имеем дело с двумя разными категориями фактов действительности.

Нижний слой внутреннего содержания — неопределенные факты, представленные в источнике лишь отдельными элементами. Этот слой связывается с общей идеей тоже через частные идеи. В выражении частной идеи упоминание элементов неопределенных фактов может быть непосредственным или входящим в состав описания определенного факта.

Элементы неопределенных фактов запечатлены в понятиях, выработанных всем обществом или широким социальным слоем. Своими корнями понятия уходят не в мировоззрение одного или нескольких авторов, а в глубины народного и социального самосознания. Понятия, созданные в данном обществе и выраженные на

⁹⁸ *Копнин П. В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С. 221. Некоторые критические замечания по поводу мнения П. В. Копнина см.: *Мерзон Л. С.* Указ. соч. С. 90.

языке этого общества, передаются словами. Внутреннее содержание слова — объективная реальность; понятие — внешнее содержание слова, идея о реальности; звучание — внутренняя или мысленная форма слова; графическое обозначение — внешняя, символическая форма слова.

Если определенные факты служат одним из источников частных идей, то элементы неопределенных фактов дают нам частичные идеи, которые представляют собой не факт-идею как эволюцию от причины к следствию, а результат, остаток развития идеи — понятие. Произнесение слова является звуковой формой выражения понятия, инобытием мысли, однако не копией ее. Звук становится элементом слов лишь тогда, когда сочетания звуков (слова) приобретают известное данному обществу понятийное содержание. Без этого звук — только биологическая функция, соучастник проявления тех или иных инстинктов.

Письменность — более искусственная, более внешняя форма выражения мысли. Графическое обозначение слова есть не что иное, как символ или совокупность символов. Изобретенность графических символов человеком не свидетельствует об их произвольности. Они возникли как необходимое следствие развития мышления, речи, материальной культуры, социальных отношений; у общества была действительная потребность в них. Не сразу установилось соответствие между звуковым составом слова и графическими символами. В условиях примитивных цивилизаций имели место попытки передать идею графически наглядно. Недаром в некоторых древнейших письменностях многие знаки представляют собой рисунки, изображающие живых существ, предметы и другие реалии. Эта тенденция не могла не сочетаться с тенденцией чистой символизации, ибо зарисовки вещей или сцен схематизировали и затрудняли выражение идеи больше, чем разработанная система «чистых» символов. В развитых обществах был избран путь от звука к графическому символу — принцип, основанный на глубоком понимании структуры языка. Символ стал обозначением звука или звукосочетания, употребляющегося в устной речи при произнесении слова⁹⁹.

В. И. Ленин, критикуя «теорию символов», писал:

⁹⁹ Подробнее см.: *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма, М., 1965.

«Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравниться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма»¹⁰⁰. Здесь речь идет об определении ощущений, восприятий и представлений в качестве символов: признание их «условными знаками» ведет к агностицизму. Иной оценки заслуживают знаки письма. Это закономерно возникшие символы, не содержащие в себе непосредственного изображения действительности, обозначенной различными их сочетаниями. Прямое значение слова «иероглиф» — знак письма. Понятие «иероглиф» употреблялось не только идейными противниками В. И. Ленина, но и им самим в переносном смысле — как эквивалент понятия «символ». Вероятно, В. И. Ленин считал естественным отождествление знаков письма с символами. Подобное отождествление не противоречит признанию того, что за сочетаниями знаков письма стоит в конечном счете объективная реальность, однако было бы крайним упрощением видеть в них зеркальное отображение ее.

Выражение частичных идей — понятий — в рамках частных идей есть факт-действие. Существует идея выражения частичной идеи. Само действие начинается опять-таки со сверки частичной идеи с конкретной возможностью. Здесь эта возможность предопределяется задачей выражения частной идеи в соответствии с общей идеей создания источника. Отсюда неслучайность подбора слов, специфика терминологии, особенности текстуальных (литературных, формулярных) заимствований. Указанные моменты обуславливаются разнообразием источника, широкой и узкой целями его создания.

Обобщая наши наблюдения о стадиях воплощения частной идеи в тексте, мы вправе сказать, что рассматриваемое действие — двуединый процесс редактирования идеи и выражения ее с помощью соответствующих комбинаций слов, имеющих внешнюю форму сочетаний символов — знаков письма.

Техническая сторона дела — нанесение символов теми или иными орудиями и средствами письма — требует

от исполнителя знания языка и письменности, способности абстрактного мышления, однако два параллельных действия — редактирование идеи и запечатление ее в символах — иногда разделяются между двумя разными лицами: одним — редактирующим и воплощающим идею в словах, и другим — переводящим услышанное в знаки письма.

Готовый текст как следствие факта-поступка, факта-события или факта-маневра находится в единстве со своей причиной. Это единство выражается прежде всего в достижении скорректированной узкой внешней цели. Противоположность причины и следствия заключается в несовершенстве реализации скорректированной узкой внешней цели в источнике. Чем более творческой была задача субъекта внешней цели (самостоятельное сочинение), тем сильнее эта противоположность проявляется во внешнем содержании и внутренней форме источника. Чем менее творческой была задача субъекта узкой внешней цели, руководствовавшегося печатным формуляром или каким-нибудь устоявшимся стереотипом внутренней формы (удостоверение, паспорт, справка, извещение и т. п.), тем меньше противоположность внешнего содержания и внутренней формы при реализации узкой внешней цели. Противоположность переносится тут в область языка и внешней формы, которая никогда не достигает идеала, поставленного узкой внешней целью, хотя иногда и приближается к нему. Степень противоположности во всех случаях обратно пропорциональна степени профессионального мастерства субъекта узкой внешней цели, будь то мастерство автора-творца или мастерство регистратора, переписчика, машинистки.

Широкая внешняя цель — воздействие — реализуется в сложной системе фактов, куда создание источника входит как включенный факт. Идея воздействия порождается особенностями материальной жизни общества. Вся совокупность фактов, связанных с рождением и воплощением цели воздействия, составляет факт-процесс, которым охватываются предпосылки создания источника, сам факт его создания и факты влияния (воздействия) источника на идеи и действия людей. Единство причин и следствия факта воздействия заключается в осуществлении воздействия, обусловленного объективными причинами, однако противоположность причин и следствия здесь тоже налицо — воздействие не бывает до конца таким, какого требовали объектив-

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 248.

ные причины. В факте-процессе противоположность причин и следствия обычно больше, чем в факте-поступке, факте-маневре или факте-событии, потому что процесс содержит больше включенных, сопровождающих и включающихся фактов.

Включенность факта создания источника в более крупный факт не лишает его, как мы видели, особых целей, не равнозначных «средству», ибо для субъекта главного факта создание источника есть средство достижения одной широкой внешней цели, а для субъекта подчиненного факта — другой. Создание источника никогда не превращается и в «самоцель». Даже в случае чисто поэтической внутренней цели самовыражения создание источника — не самоцель, поскольку самоцелью является выражение чувств и мыслей, письменная же фиксация их оказывается с точки зрения автора лишь средством достижения этой цели.

Итак, источниковед не может удовлетвориться разрывом между «фактом действительности» и «фактом науки». Выше показана заполненность этого промежутка фактами различного порядка. Распутывая весь клубок фактов, исследователь на каждой стадии исходит из анализа социальных причин той, а не иной интерпретации факта в источнике и тем самым учитывает специфику эпохи, страны и общественной среды, в которой возник источник.

Построением «модели» исторического факта теоретически исчерпывается функция источниковедческого синтеза, поскольку одна из важнейших целей источниковедения состоит в добывании исторических фактов. На практике же синтез несет на себе дополнительную нагрузку. Углубляя вопрос о происхождении источника, он служит главным критерием правильности принятой классификации актов.

Изучение процессов, отраженных в актах, — естественное продолжение исследования актов как фактов истории. Оно связано с изучением степени достоверности содержания актов.

Выяснение достоверности содержания актов и отдельно взятого акта определенной разновидности — проблема пока еще мало разработанная и в теории, и на практике. В течение нескольких веков дипломатика была сосредоточена на изучении подлинности актов. Под подлинностью понимается действительное происхождение источника от того автора (индивидуального или коллективного, в том числе от учреждения), который

обозначен (или подразумевается) в тексте источника. Достоверность же следует понимать как необходимую и достаточную степень соответствия между явлением и его описанием в источнике. Это соответствие никогда не бывает полным. Поэтому целесообразнее говорить о «степени достоверности» источника, чем о полной достоверности или полной недостоверности его. Изучение подлинности обычно требует и изучения достоверности, ибо подлинность не всегда возможно определить по внешним признакам источника. К тому же многие источники сохранились лишь в копиях, а критика внешних признаков копий не дает, разумеется, ответа на вопрос о подлинности оригинала. В этих случаях критика достоверности источника является одновременно основным способом решения проблемы подлинности.

Вопрос о степени достоверности актов, как и других письменных источников, невозможно решить в общей форме, поскольку содержание источника представляет собой сложную систему отражений исторических фактов.

Системы отражения фактов в источниках изучены явно недостаточно. Распространено выражение и даже представление о том, что из источников мы черпаем «факты». Между тем, как было показано выше, источник отражает, причем неадекватно, лишь отдельные стороны исторических фактов, и разные факты в одном и том же источнике отражены с разной степенью неполноты к неадекватности. С точки зрения достоверности мы рассматриваем источник в четырех аспектах: 1) как объективный остаток факта его создания в самом общем смысле слова; 2) как объективный остаток материальных средств и результат усилий, затраченных на его создание; 3) как более или менее объективное отражение той правовой и литературной формы, в которую по традиции выливалось написание источников соответствующего происхождения и назначения; 4) как более или менее субъективное изображение — в определенных не вполне адекватных предмету выражениях и в определенном тенденциозном свете — тех или иных явлений действительности — фактов (в том числе идей и намерений автора).

В изучение проблемы достоверности входит исследование источника главным образом в его последнем качестве. Для суждения о степени неадекватности выражений необходимо прежде всего использовать итоги анализа конкретных формуляров. Затем наступает срав-

нение «знаковой системы» данной разновидности источников со «знаковыми системами» источников других разновидностей и видов. Выяснение тенденциозности осуществляется сначала также в рамках текстологической и логической критики замкнутой группы источников, а затем круг источников расширяется до возможного предела.

Выяснение степени достоверности в полном объеме неосуществимо без исторических построений на заданные темы, ибо только они предполагают мобилизацию всей совокупности источников по теме и применение всего многообразия приемов источниковедческого и исторического анализа и синтеза. Исторические построения опираются на выводы о том, какую социальную роль играли акты, какое воздействие они оказывали на те или иные процессы и насколько неадекватно их запечатлели. Разница между изучением происхождения источника и использованием его в исследовании на заданную тему состоит в том, что последний тип исследования не требует источниковедческого синтеза для каждого акта и берет в качестве объекта рассмотрения не весь текст актов избранной разновидности, а лишь какую-то его часть, затрагивающую изучаемую тему. Изучение идет по линии анализа этой части формуляра актов избранной разновидности за более или менее значительный отрезок времени. Результаты текстологического анализа могут быть выражены в форме «статистики» клаузул (количество старых и новых клаузул и клаузульных сочетаний, их территориальное и хронологическое распределение и т. п.) «Статистика» клаузул существенно отличается от обычной «цифирной» статистики, поскольку клаузулы, во-первых, не информируют о количественной стороне процесса, а устанавливают определенные правовые принципы, и во-вторых, являются в большинстве случаев формулярными заимствованиями, часто далекими от действительности, вследствие чего они требуют особых форм классификации и учета (архаичные или новые, в архаичном или новом контексте и т. п.). Свое объяснение статистика клаузул получает при учете соответствующих выводов историко-юридического, историко-географического, историко-политического и историко-экономического исследований, проведенных для каждого акта. Благодаря такому источниковедческому синтезу избирательного плана возникает «построение» ряда исторических фактов, составляющих какую-то сторону изучаемого процесса. Парал-

лельно ведется разработка других разновидностей источников в подобном же избирательном плане (та же тема). Обобщение рядов «построений» исторических фактов методом исторического синтеза дает «построение» (или приблизительную реконструкцию) процесса в целом.

Таким образом, рассмотрение путей развития и методов дипломатики убеждает, что эта дисциплина, будучи исторической, не может полностью отказаться от изучения содержания актов. Последовательный отказ от исследования содержания актов имеет лишь одну цель, не историческую, а практическую — создание образцовых условных формуляров. Эту цель и ставит перед собой современное документоведение, и в этом его главное отличие от дипломатики, служащей задачам исторической науки. Если ограничивать ее цель установлением подлинности документов, то анализ одних лишь формальных признаков не позволит во всех случаях добиться желаемых результатов. Если же считать, что цель дипломатики — исследование только внутренней формы актов, то и тогда объяснение развития этой формы потребует рассмотрения исторических условий, приводивших к эволюции формуляра. Если полагать, что задача дипломатики сводится к реконструкции истории канцелярий, то и в этом случае она станет частью науки истории, а именно истории государственных учреждений. Следовательно, дипломатика выполняет комплексную функцию изучения внешней и внутренней формы актов, в той или иной мере — их содержания и истории канцелярий, откуда вышли акты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая «акты» как совокупность источников договорного вида и близких к нему смешанных видов (договорно-законодательного, договорно-распорядительного, договорно-учетного и т. п.) и отвлекаясь от других источников, которые с тем или иным основанием можно тоже причислить к «актам» (по названию, по традиции и т. д.), мы исходили из представления об особой социальной функции этого вида, отличающей его от других видов, выполняющих в обществе иные функции. История актов как договорных документов отражает степень развития в тех или иных конкретных условиях договорных отношений между представителями различных социальных групп как внутри одного сословия, класса, прослойки, так и во взаимодействии этих сословий, классов и прослоек между собой и государством.

Договорные отношения возникают прежде всего между юридически независимыми друг от друга политическими единицами — государствами. Не случайно наиболее ранние русские акты представлены договорами Руси с греками. Международные договоры неизменно присутствуют в составе актовых источников на протяжении всей истории России, с X в. по настоящее время. Эпоха феодальной раздробленности породила договорные политические акты и внутрирусского происхождения. Они заключались между теми политическими единицами, которые имели ту или иную степень юридической независимости друг от друга. Прежде всего это договоры между великими князьями и Новгородом, между великими князьями различных великих княжеств, между великим и удельными князьями одного великого княжества. Создание сначала централизованного, а затем и абсолютистского государства привело к исчезновению почвы для такого рода политических договоров. Падение самодержавия и предоставление народам России права на самоопределение, создание Советского государства как союза социали-

стических республик обусловило возможность заключения договоров между советскими республиками.

Особое место в политической структуре России начиная с конца X в. занимала церковь. Разные формы соглашений между княжеской властью и церковью не образовали какой-либо устойчивой разновидности княжеско-церковных договоров. Если и были какие-то краткие договорные грамоты между князьями и церковью в конце X — середине XI в., в чем, правда, можно сомневаться, то в дальнейшем это послужило лишь почвой или предлогом для создания церковно-княжеских законодательных памятников — так называемых церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого. С основанием можно говорить о существовании княжеско-церковных договоров в XII в., когда создаются местные новгородский и смоленский церковные уставы. Но и они близки, с одной стороны, к законам, с другой — к жалованным грамотам. Последний образец княжеско-церковного договора — договорная грамота между Василием I и митрополитом Киприаном. Все это говорит о том, что русская православная церковь, будучи организацией всероссийской, все же не возвысилась до положения юридически независимой от князя политической единицы. Россия не знала самоуправляющихся церковных княжеств. Отсюда и отсутствие договоров с церковью того типа, который характерен для взаимоотношений великих князей с другими великими или удельными князьями.

Уже в XII в. появляются документы, устанавливающие определенные социально-политические отношения между княжеской властью и, условно говоря, частными юридическими лицами. Этими «частными» лицами были сначала монастыри, которые в связи с развитием феодального землевладения постепенно превращались в центры политического господства над окрестным населением. Их политическая роль обусловила выдачу им княжеских грамот, являвшихся по форме пожалованием, а по существу — договором, который разграничивал политические полномочия князя и монастыря в данной местности и ограничивал сферу монастырского землевладения определенным селом и тем, что к нему «потягло». Процесс выдачи жалованных грамот монастырям начался в XII в. в Новгороде, а в XIV в. охватил и другие территории. В XV—XVII вв. через жалованные грамоты осуществлялось местное управление, ограничение феодальных привилегий духовных и

светских землевладельцев, централизация суда и финансов.

Развитие социальной жизни на местах в конце XIV—в XVII вв., формирование различных сословных групп в рамках территориальных единиц — волостей, уездов, посадов — предопределило необходимость договорного регулирования отношений великокняжеской власти с населением этих территориальных единиц. Возникают исходящие от великого князя или царя акты управления (наместничьи грамоты) и самоуправления на местах (губные, земские грамоты). Договорным образом, при все возрастающей зависимости знати от великого князя, оформляются отношения подданства (поручные записи). Появляются своеобразные договоры царей с сословиями (акты земских соборов), характерные для периода сословно-представительной монархии второй половины XVI—XVII вв.

Все эти разновидности политических соглашений, уже в XV—XVII вв. пронизанных духом распоряжения и часто облеченных в форму пожалования, теряют свой смысл в условиях абсолютистской монархии. Политические сделки государства с «частными лицами» или группировками редко приобретают форму письменных договоров. К числу последних можно отнести, например, «кондиции», подписанные Анной Иоановной при вступлении на престол. Унификация сословных прав, фиксация обязательных размеров подушной подати, утрата феодалами прежней политической роли на местах при сохранении полицейских функций (Николай I называл дворян своей полицией) обусловили прекращение выдачи жалованных грамот с иммунитетными привилегиями. Жалованные грамоты, выдававшиеся в XVIII в. в исключительных случаях, имели иное предназначение. Секуляризация монастырских и церковных земель в 60-х годах XVIII в. лишила практику выдачи жалованных грамот духовным землевладельцам всякой почвы. Отмена крепостного права в 1861 г. резко уменьшила роль дворянства как органа политической власти на местах. Перестав быть политической фигурой, наделенной функциями суда и расправы в отношении своих крестьян, дворянин окончательно теряет шансы вступить в отношения политического договора с государством. Буржуазное государство с его юридическим равенством всех подданных не заключает политических договоров с частными лицами, что не исключает возможности разного рода экономических сделок, имеющих под-

час политическую подоплеку и политическую направленность.

Вместе с тем в России со второй половины XVII в., а особенно с петровских времен развивается практика заключения разного рода экономических соглашений, договоров между органами государственной власти и «частными лицами» (акты откупа, подряда и др.). Эта еще очень слабо изученная история государственно-частных договоров отражает развитие буржуазных отношений в экономике России.

В советское время многочисленные экономические контакты граждан с государственными предприятиями и возникающие на этой почве соглашения приводят к заключению письменных договоров далеко не всегда. Чаще оформляются письменно договоры на производство каких-либо работ на основе сдельной оплаты, а также договоры имущественного найма. Многие виды сделок находят отражение в квитанциях и чеках, а не в формальных договорах с определенными условиями. В основном это такие сделки, которые до создания больших магазинов в XIX в. и централизованной системы обслуживания в наше время осуществлялись (и сейчас осуществляются на рынке и в некоторых других случаях) без документирования (покупка продовольствия, одежды и т. п., соглашения с портными и другими специалистами из сферы услуг), хотя продажа товаров и услуги в кредит могли фиксироваться в учетной документации владельцев лавок, ателье и т. д.

Если древнейшие международные соглашения Руси, например IX в., заключались скорее всего в устной форме, а междукняжеские договоры Киевской Руси часто носили характер устного «ряда», то тем более преобладала устная форма при заключении частных сделок в период по крайней мере до XII—XIII вв. Упоминаемый в «Русской Правде» «ряд» Ю. Г. Алексеев склонен считать устным договором. Об устной форме старейших сделок говорит и слово «послух», обозначающее свидетеля сделки. «Послух» — буквально тот, кто слушал. В частных актах еще XVI в. употреблялось выражение «послух и руку приложил». Союз «и» тут не ошибка. Послухи действительно сначала не прикладывали всей руки, т. е. не подписывались на актах. В частных актах XV в. они обычно только упоминаются в корроборации. Все это ведет к тому еще более раннему времени когда сделки заключались устно, а по-

слухи лишь выслушивали и запоминали условия договора.

Появление письменного частного акта на Руси свидетельствует об определенном уровне феодальной экономики и культуры. Приоритет в области распространения практики составления частных актов принадлежит Новгороду и Пскову. В Новгороде, как известно, уже в XI в. происходила оживленная переписка горожан, использовавших для этого бересту, так что письменные традиции среди «частных» лиц здесь сложились давно. Интересно, что в Новгороде духовная и уставная грамоты назывались «рукописанием». Возможно, термин «рукописание» возник оттого, что для юридического оформления духовной ее надо было переписать на пергамене (известны образцы духовных на бересте, но В. Л. Янин отмечает в одном из ранних документов такого рода черты недооформленности). На переход к составлению частных актов на пергамене в новгородско-псковском регионе могли повлиять и контакты с Ганзой. Пергаменные акты характерны для западной дипломатики.

По мере дальнейшего развития феодальной экономики в XIV—XVII вв. неуклонно росло число разновидностей частных актов. Отдельные разновидности представлены многими сотнями актов. Традиция частного акта сохранялась и развивалась в XVIII—начале XX в. Частные акты этого времени служили не только средством перераспределения земельных фондов, а до 1861 г. — и рабочих рук, но и способом оформления разного рода производственных и денежных сделок (контракты, векселя, акции и др.). В советский период в связи с ликвидацией частной собственности на средства производства роль частного акта (т. е. акта, заключаемого между частными лицами, а не между частным лицом и государством) резко уменьшилась. Значительное место среди частных сделок занимают устные договоры, однако законодательство предусматривает и случаи таких частных соглашений, которые требуют письменного или нотариального оформления.

Конкретно историю русских актов X—XX вв. автор предполагает осветить во втором выпуске данного пособия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
1. «Дипломатика» и «дипломы»	3
2. Объект и предмет дипломатики	11
Глава I. Развитие дипломатики до конца XVIII в.	28
1. Практическая дипломатика	28
2. Зарождение научной дипломатики	39
Глава II. Изучение русских актов в XIX—XX вв.	53
1. Русская дореволюционная дипломатика	54
2. Советская дипломатика	103
3. Изучение русских актов за рубежом	137
Глава III. Методология и методика дипломатики	146
1. Классификация русских актов	146
2. Изучение внешней формы актовых источников	154
3. Изучение внутренней формы актов	169
4. Изучение происхождения и функции актов	193
5. Изучение внешнего и внутреннего содержания актов. Проблема исторического факта и его отражения в ак- товых источниках	196
Заключение	226